

Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»

СООБЩЕНИЯ
МУРОМСКОГО МУЗЕЯ
2012
(Материалы отчетной конференции)

Владимир
2014

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
С63

Редакционная коллегия:

к. и. н. Е. И. Сазонова (*научный редактор*),
Ю. М. Смирнов (*научный редактор*),
Т. Б. Купряшина (*научный редактор*).

С63 Сообщения Муромского музея — 2012: Материалы отчетной конференции МИХМ / Под ред. Е. И. Сазоновой, Ю. М. Смирнова, Т. Б. Купряшиной. — Владимир, 2014. — 274 с.: 116 ил. — Библиограф.: 278 назв.

ISBN

В сборнике представлены материалы отчетной конференции Муромского историко-художественного музея, в которых освещаются различные аспекты истории Мурома и деятельности МИХМ. Сборник рассчитан на круг читателей, интересующихся локальной историей.

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
ISBN

© Муромский историко-художественный музей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Е. И. Сазонова Фотографии муромского купца, городского головы И. П. Мяздрикова.....	5
Л. И. Глущенко Игрушки в коллекции Муромского музея.....	19
Т. Б. Купряшина Атрибуция портрета Александра I.....	27
М. А. Казанкова, Н. В. Насонова, Е. И. Сазонова Из истории рода муромских купцов Гундобиных	40
Т. Б. Купряшина Два цензора «Волшебного фонаря»	76
Ю. М. Смирнов С. С. Уваров в дневниках цензора А. В. Никитенко: штрихи к портрету	94
Т. Б. Купряшина Уваровы ботаники.....	131
Л. М. Балакирева Бюрократические принципы в деятельности петровских судебных органов: дело о «пограблении пензенской казны» в муромском лесу (1721-1726 гг.)	145

Ю. М. Смирнов

Секс в маленьком городе (Муром второй половины XIX — начала XX веков) 170

Л. П. Gladkova

Письма и документы В. В. Зверева из фондов МИХМ.. 194

О. А. Сухова

Церковное венчание Петра и Февронии по редакциям жития и иконографии: к вопросу о редких изобразительных сюжетах в древнерусском искусстве 210

Е. К. Тюрина

Новые поступления 2012 года в коллекции археологии, металла, фарфора и фаянса, керамики, тканей 261

**ФОТОГРАФИИ МУРОМСКОГО КУПЦА,
ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ И. П. МЯЗДРИКОВА**

Ивана Петровича Мяздрикова можно смело назвать первым фотографом-любителем в Муроме. Фотографией он стал заниматься «ради интереса», так как был человеком весьма любознательным и хорошо образованным. Возможно, что этот интерес пробудил в нем муромский фотограф Сергей Павлович Соколов, который в 1890-е годы открыл в городе фотоателье. По всей видимости, общение между семьями Соколовых и Мяздриковых было очень тесным: в 1890 г. родная сестра С. П. Соколова вышла замуж за Михаила Петровича Мяздрикова, брата Ивана Петровича. Интересы мужчин — Ивана Петровича и Сергея Павловича — совпадали: кроме

фотографии они увлекались художественными искусствами. Иван Петрович был неплохим рисовальщиком, а Сергей Павлович впоследствии стал профессиональным художником.

Иван Петрович Мяздриков, совладелец торгового дома «Братья И. и М. Мяздриковы», родился в 1854 году в состоятельной купеческой семье, получил домашнее образование, с молодости и до конца своей жизни изучал историю Мурома и природу Муромской земли. В архиве музея

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Автопортрет. 7,8x6

имеются его многочисленные записи исторического характера: выписки о Муроме из трудов известных историков, а также воспоминания старожилов о прежней жизни. В краеведческой литературе за Иваном Петровичем утвердилась формулировка «первооткрыватель муромской природы». Дело в том, что много лет подряд он вел записи наблюдения погоды. Во дворе собственного дома по высланным из столицы чертежам установил метеорологическую станцию («будку») и направлял результаты своих наблюдений в Санкт-Петербург, Владимир, Нижний Новгород. В 1901 г. за свои труды от Главной физической обсерватории он получил золотую медаль. В архиве муромского музея хранятся его разнообразные «климатические карты» с 1889 по 1907 гг. В 1910-е годы Иван Петрович сотрудничал с Русским энтомологическим обществом, разработал способ отпечатывания чешуек с крыльев бабочек путем перевода их на бумагу.

Особенно активно Иван Петрович Мяздриков участвовал в общественной жизни Мурома. В 1895 г. его стараниями в городе была открыта женская гимназия; он был членом Муромского городского попечительства о бедных, несколько раз избирался гласным в городскую думу, а с 1907 г. по 1917 г (то есть целых десять лет) был городским головою. В эти годы он занимался благоустройством Мурома, мечтал установить памятник городскому голове А. В. Ермакову, деятельность которого на благо развития города служила для него примером. После революционных событий 1917 г. И. П. Мяздриков полностью посвятил себя научно-краеведческой деятельности: стал работать сотрудником в Муромском музее. Благодаря его стараниям собрание музея пополнилось гербарием, состоящим из растений муромских лугов, полей и оврагов¹.

Умер Иван Петрович в 1931 г. Это печальное событие

в дневнике отметила его старшая дочь Валерия: «25 марта умер папа от воспаления легких. Хворал недолго, все порывался идти колоть дрова. Тихо умер рано утром»².

Об Иване Петровиче Мяздрикове как о фотографе практически ничего не известно. Единственная небольшая заметка о нем размещена А. Р. Комлевым в сборнике «Фотографы в Муроме. Незабываемые имена»³. К сожалению, фотографическое наследие Мяздрикова представлено в музейном собрании только одним большим альбомом (25,5x32,5x3,5), в котором на листах крепко прикреплены 125 снимков, выполненных Иваном Петровичем с 1895 по 1907 годы. Эти отпечатки можно разделить на три тематические группы: виды города Мурома, портреты домочадцев и сцены из повседневной жизни, а также сюжеты, связанные с охотой и рыбалкой. На двух фотографиях в левом нижнем углу помещен логотип фотографа «И. М.» (Иван Мяздриков), на шести — проставлена точная дата снимков. Интерес представляют два отпечатка, на которых фотограф отметил марку своих фотокамер: «Снимок камерой Монополь, момент летом 1895 г.», а также «Снимок широкоуг. бистигм. 1896 г.».

К настоящему времени отпечатки имеют разную степень сохранности. Часть снимков пожелтела, небольшая часть — угасает, но в целом альбом находится в удовлетворительном состоянии. Несомненно, фотографии И. П. Мяздрикова представляют большой интерес не только для истории Мурома, но и для изучения повседневной культуры провинциальных городов центральной России. Бытовые снимки, выполненные непрофессиональными фотографами, всегда привлекают внимание исследователей, так как они делаются не «по заказу», отражают непосредственную реальную обстановку, не откорректированную ретушерами.

Фотографии с видами города Мурома

В этом блоке обращают на себя внимания архитектурные памятники и застройка муромских улиц, которые не сохранились до настоящего времени.

На одном из снимков изображена панорама Мурома с видом на городской собор Рождества Богородицы, памятник архитектуры XVI столетия. В этом соборе до его разрушения в 1930-е годы находились особо почитаемые святыни города – мощи супругов князя Петра и княгини Феронии, покровителей брачных уз и семейного благополучия. И сам собор, и святые мощи являлись главной городской достопримечательностью. Снимок был сделан с колокольни Христорожественной церкви, находившейся на торговой площади. С нее открывался этот красивый эпический вид: величественный белый храм, плывущий над водами извилистой Оки. В альбоме имеется еще

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Вид на Оку, собор Рождества Богородицы (XVI в.) и торговые ряды. 12x16,5

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Собор Рождества Богородицы (XVI в.) 12x8,8

Именно в 1890-е годы Прасковья Сергеевна много раз бывала в Муроме и активно общалась с местной интеллигенцией, интересующейся историей края и сохранением его древностей. К документальным фотографиям можно отнести еще три архитектурных снимка, выполненным И. П. Мяздриковым в 1895-1897 гг.: вид южного фасада Успенской церкви, а также Николо-Набережной и Крестовоздвижеской церквей.

Большой интерес для истории города представляет вид на Зарядье (так называлась восточная часть торгового центра Мурома). Скорее всего, этот снимок был выполнен И. П. Мяздриковым с колокольни Казанской церкви Троицкого монастыря. Здесь мы видим Николо-Зарядскую церковь (памятник архитектуры XVII в., не сохранился), здание городской управы, фрагмент особняка купцов Зворыкиных, где в 1888 г. родился известный изобретатель, «отец телевиде-

один вид городского собора с юго-западной стороны. Дан общий вид памятника: удачно скомпонованы и сам собор, и его высокая колокольня. Хорошо видны и некоторые архитектурные детали. Вполне возможно, что И. П. Мяздриков сотрудничал с Московским археологическим обществом, которым в то время руководила графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Имение Уваровых находилось под Муромом в селе Карачарове.

ния» В. К. Зворыкин. Этот уголок Мурома Владимир Кузьмич Зворыкин описал в своих воспоминаниях: «Дом располагался на большой общественной площади лицом к двум церквям. На площади каждую субботу устраивался базар, куда крестьяне привозили свой товар. Субботний вид из наших окон на площадь и базары был источником развлечений и никогда незабываемым восторгом ранних лет моей жизни»⁴.

Панорама Рождественской улицы сделана фотографом с водонапорной башни, стоящей на пересечении Рождественской и Вознесенской улиц. Благодаря этому снимку мы можем видеть гостини́й двор: многочисленные торговые лавки, которые по периметру охватывали торговую площадь, в центре которой стояла церковь Рождества Христова. Храм не сохранился, а от торговых рядов остались небольшие фрагменты. Сейчас на месте церкви возвышается памятник В. И. Ленину. На заднем плане фотографии хорошо просматривается церковь Иоанна Предтечи, которая также была разрушена в советское время.

Серия снимков И. П. Мяздрикова показывает нам быденную жизнь, происходящую в одном из кварталов ули-

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Во дворе Мяздриковых. Возвращение с базара. 8,3x10

цы Московско́й. Дело в том, что дом купцов Мяздриковых стоял на перекрестке улиц Московско́й и Полевой (современная ул. Свердлова). Почти все кадры этой серии выполнены Иваном Петровичем из окна второго этажа, откуда хорошо

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Крестный ход по улице Московско́й. 8,4x10,6

просматривался и сам перекресток с водоразборным фонтаном, и перспектива улицы. Практически вся застройка этого квартала безвозвратно утрачена, как и сама усадьба Мяздриковых. На фотографиях этой замечательной серии видим обычных прохожих, идущих по своим делам; коров, бредущих посередине улицы; водовозов, набирающих воду в огромные бочки. Эти бочки по заказу горожан покаты́т в их дома. Ощутимо показана весенняя распутица — по талому снегу на простых дровнях тащится мужичок. Запечатлено фотографом и печальное событие — похороны. А на одном отпечатке — праздничный крестный ход.

Портреты домохозяев и сцены из повседневной жизни

Фотографии этой тематической группы составляют самую значительную часть альбома. Семья Мяздриковых была очень большая. В 1890-х годах в доме проживали мать семейства, вдова Глафира Дмитриевна Мяздрикова, брат ее мужа Александр Иванович, семьи ее сыновей Ивана и Михаила, у которых было много детей. У Ивана Петровича — четыре дочери и единственный сын, умерший в раннем возрасте. У Михаила Петровича было четыре дочери и четыре сына. Некоторые из детей Мяздриковых были ровесниками, появлялись на свет в один год с небольшой разницей. Судя по дневниковым записям Ивана Петровича, они жили одной семьей: общая детская, столовая, гостиная. Только в 1907 г. братья Мяздриковы выкупили часть

дома, принадлежавшую матери и дяде, и разделили имущество пополам. К этому времени старшие дети подросли и стали покидать родное гнездо.

Фотографии относятся как раз к тому периоду, когда дом был наполнен детьми. Почти на каждой странице одиночные, парные, групповые портреты дочерей, сыновей, племянников, матери, дяди, любимой жены Александры Александровны и золовки Зинаиды Павловны, других родственников, а также прислуги. Есть здесь и изображение близкого друга и семейного духовника — священника Вознесенской церкви отца Гавриила (Ястребова). Этому замечательного человека почитали в Муроме как святого, обладающего даром «прозорливости». Пока это

единственный известный нам портрет местничего святого, сделанный И. П. Мяздриковым незадолго до смерти отца Гавриила. Он умер в 1897 г.

На двух групповых портретах, выполненных со штатива, есть и сам фотограф. На снимках изображено старшее и среднее поколение семейства. Хозяин, Петр Иванович Мяздриков, умер довольно рано, и, как пишет в своем дневнике Иван Петрович, «вдали от родного гнезда». Домом управляла овдовевшая супруга, а торго-

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Протоиерей Вознесенской церкви Гавриил Ястребов на веранде дома Мяздриковых. 16,5x12

И. П. Мяздриков. Муром, около 1907. Семья Мяздриковых: в центре мать Глафира Дмитриевна (1835-1910), за ее спиной справа старший сын Иван Петрович, слева младший сын Михаил Петрович; сидит на земле жена Михаила Зинаида Павловна, слева — жена Ивана Александра Александровна. 11x8,5

выми делами в основном занимался младший сын — Михаил Петрович, который постоянно был в разъездах и дома появлялся редко. Может быть, эти фотографии делались по случаю его приезда. На первом снимке мы видим семейную группу на крыльце веранды. В центре композиции Иван Петрович в окружении жены и золовки, рядом с последней стоит брат Михаил. На переднем плане мать Глафира Дмитриевна и дядя Александр Иванович Мяздриков. Здесь также присутствует, по-видимому, сестра матери, племянница и единственный представитель детворы — один из сыновей Михаила. Вероятнее всего, он выбежал из дома во двор с игрушечной лошадкой, но был остановлен происходящим событием. Второй снимок сделан чуть позже. На нем «мамаша» (так постоянно называет ее в своем дневнике Иван Петрович) в окружении сыновей и их жен. Лиричность снимку придают супруги братьев, нежно прикасающиеся к матери семейства. Их жесты свидетельствуют о любви и уважении к пожилой женщине. Глафира Дмитриевна скончалась в мае 1910 года.

И. П. Мяздриков. Муром, 1895. Домочадцы во дворе дома Мяздриковых у веранды. 8,2x10,4

И. П. Мяздриков очень любил детей. В своем дневнике он подробно описывает переживания, связанные с рождением и ростом всей детворы. Не случайно в альбоме так много снимков, посвященных подрастающему поколению. Благодаря этим фотографиям, мы можем рассматривать дворовые игры. Например, серия снимков отображает игру в крокет. К этому времени (фотографии относятся к 1902 г.) эта аристократическая спортивная игра распространилась и в среде обычных горожан. Основное правило игры — ударами специальных молотков на длинной ручке провести шар через воротца, расставленные на площадке в определенном порядке. Многие фотографии сделаны около качелей, закрепленных между огромными стволами старых лип. Интересны снимки под условным названием «отправка в школу», на которых ученики с ранцами и просто со связками книг. Можно представить, как рано утром из одной калитки выходила толпа детей, направляющаяся в учебные заведения. Все девочки учились в женской гимназии, а мальчики —

И. П. Мяздриков. Муром, 1904-1905. Игра в крокет во дворе дома. 8,5x11,5

И. П. Мяздриков. Муром, 1903-1904. Дети Мяздриковых во дворе дома. 11,3x16,5

По документам известно, что усадьба находилась в шестом квартале по ул. Московской, состояла из жилого деревянного двухэтажного на каменном фундаменте дома с антресолями, разными дворовыми постройками, садом в 500 кв. саженей. Со стороны улицы и сзади простиралась на 14, по сторонам — на 60 саженей⁵. К сожалению, общего вида жилого дома нет. Некоторые фотографии зафиксировали одну из стен дома, которая выходила во двор, а также большую веранду. На зиму ее закрывали вставными оконными рамами. В теплое время года веранда была открыта, и на ней отдыхали и пили чай. К крыльцу веранды вела аллея из небольших деревьев. Двор и сад были окружены плотным деревянным забором, а также кирпичными хозяйственными строениями, построенными в одну линию. Во дворе росли липы, сирень; около веранды — кусты и клумбы с цветами, в саду — яблони и вишни. Снимков в интерьере дома все-

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. В одной из комнат в доме Мяздриковых. 6,5x10,3

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Выезд на прогулку. 7,5x9

го два. Это гостиная с добротным паркетным полом, печью простого белого изразца; стены оклеены неяркими обоями, дорогая резная лакированная мебель. Оживляет комнату огромная монстера и плетеный из лозы сундучок. В комнате очень чисто, скорее

всего, это помещение не предназначалось для постоянного проживания (только для приема гостей).

Среди фотографий есть снимки, посвященные семейным выходам на прогулки и пикники. Чаще всего эти походы совершались в Подболотский лес, находящийся недалеко от города. Выезжали на легкой повозке, иногда ходили пешком. Бывали и большие пикники, когда брали с собою самовар и прислугу.

Охота и рыбалка

Конечно, Иван Петрович Мяздриков любил охоту и рыбалку, занятия, тесно связанные с пребыванием и жиз-

И. П. Мяздриков. Муром, 1898-1899. Семейный пикник в лесу. 16,5x12

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. На охоте. 8,4x10,6

нью на природе, которую он хорошо понимал, знал и постоянно исследовал. Снимки свидетельствуют, что рыбачить и охотиться выезжали большой компанией. К сожалению, неизвестно, кто сопровождал И. П. Мяздрикова в этих занятиях. По воспомина-

нию В. К. Зворыкина, охотой увлекались многие муромские купцы. На некоторых фотографиях изображены радостные охотники, выпивающие и сидящие у костерка. Много охотничьих собак. В доме Мяздриковых всегда были собаки, их часто можно видеть на снимках среди играющей детворы. Кстати, одна из дневниковых записей И. П. Мяздрикова посвящена его любимой собаке – черному Полкану, который неожиданно умер в лесу на глазах Ивана Петровича, о чем он сильно сожалел и печалился.

Фотографии И. П. Мяздрикова можно рассматривать бесконечно. И чем больше всматриваешься в пожелтевшие отпечатки, тем больше проникаешься жизнью этой большой и дружной семьи. Некоторые снимки перекликаются с дневниковыми запи-

И. П. Мяздриков. Муром, 1895-1896. Утиная охота. 8,4x10,4

И. П. Мяздриков. Муром, 1904-1905.
Дочь Валерия в народном костюме.
11,5x8,5

сями Ивана Петровича. Например, он пишет, как дочка Наташа сломала руку, — и есть фотографии, где Наташа изображена с загипсованной рукой. Он подробно описывает первый день похода в гимназию старшей дочери Валерии и делает ее портрет в гимназической форме. Любовь к русской истории, возможно, проявилась и в одежде дочерей. На некоторых портретах Валерия и Антонина изображены в народных костюмах.

Фотографии муромского купца отражают его увлечения, а также повседневную жизнь состоятельной семьи провинциального города. Он был представителем того слоя общества, на котором держалась экономика, нравственное и общественное развитие страны. В дневнике И. П. Мяздрикова постоянно сквозит забота не только о своих домохозяевах, но и о городе Муроме, и о России.

¹ См.: Гладкова Л. П. Гербарий И. П. Мяздрикова и Н. М. Эрлиха // Сообщения Муромского музея 2011. — Владимир, 2012. — С. 17-24.

² Дневник Мяздриковых. Муромский музей. — М-18730. — Л. 26.

³ Комлев А. Р. Фотографы в Муроме. Незабываемые имена. — Муром, 2002. — С. 10.

⁴ Зворыкин В. К. Ранние годы: 1889-1906. Публикация и примечания Е. А. Субботиной. // Уваровские чтения — VI. — Муром, 2011. — С. 345.

⁵ Оценочная книга недвижимого имущества г. Мурома с 1915 г. // Архив Бюро технической инвентаризации г. Мурома.

ИГРУШКИ В СОБРАНИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Сегодня уже ни для кого не секрет, что детские игрушки являются важной характеристикой не только мира и этнографии детства, но и своеобразным отражением мира взрослых вещей и идей¹. Игрушка, как и игра, отражает свою эпоху. Известный исследователь, основатель первого музея игрушки в стране Н. Д. Бартрам, писал: «Каждая из этих игрушек есть одно из звеньев, хотя бы и мельчайших, закономерного построения различных культур»². Надо сказать, что не только провинциальные, но и многие столичные музеи до последних десятилетий не обращали внимания на игрушку, не считали ее предметом коллекционирования и изучения, за исключением уникальных, раритетных игрушек, например, таких, как игрушки царских детей, или комплексы, связанные с изучением народно-прикладного искусства. Поэтому весьма интересны и информативны игрушки, собранные за время существования Муромского музея, хотя музей никогда не ставил цели собрать систематическую коллекцию игрушек. Приобретались они в разное время и, как правило, по случаю. В результате сложились отдельные подборки игрушек в разных фондах: «Ткани», «Стекло», «Дерево», «Металл», «Керамика», «Археология».

Единая классификация игрушек не разработана. Как в педагогике, так и в музейной практике существуют разные классификации игрушек. В некоторых их подразделяют по времени изготовления, в других — по месту производства, в третьих выделяют народные и авторские игрушки, четвертые за основу берут тематику и т. д. — продолжить этот ряд можно едва ли не до бесконечности. К тому же в зависимости от задач, кото-

Ил. 1

рые стоят перед исследователем — описание, изучение, периодизация, технология изготовления, функциональное применение, хранение и проч. — один и тот же предмет может быть помещен в различные классификационные ряды. В Муромском музее игрушки отнесены к разным фондам по материалу, из которого они изготовлены. В общей сложности в фондах насчитывается 450 игрушек (за исключением фонда археологии, который пока не рассматривался). Из общего числа игрушек тематически выделяются, прежде всего, два ряда: елочные игрушки и куклы. Это обусловлено их сравнительно большим количеством по сравнению с другими. Большая часть из них — это елочные игрушки, сделанные из разных материалов: стекла — 67 + 28 (мини игрушки), итого 95 штук; картона, бумаги — 92 штуки; ваты — 46; пластмассы — 28; металла — 19; папье-маше — 8. Всего: 288.

Наиболее интересны в этой части игрушек такие елочные украшения второй половины XX века, как «Бумажный альбом» (Ил. 1), «Почтовый ящик» (Ил. 2); из папье-маше — «Колбаса» (Ил. 3); ватные

рые стоят перед исследователем — описание, изучение, периодизация, технология изготовления, функциональное применение, хранение и проч. — один и тот же предмет может быть помещен

Ил. 2

Ил. 3

покрытием и надписью «С Рождеством Христовым» — крепление металлическое в виде петли и шестиконечной звезды, предположительная датировка — конец XIX — начало XX веков (Ил. 5). Привлекает внимание и сувенирное яйцо из папье-маше начала XX века, состоящее из двух половинок. Оклеено бордовой бумагой с цветочным орнаментом, внутри — зеленая бумага в цветочек.

Ил. 4

Хотя в описи оно определено как сувенирное, яйцо вполне могло быть детской игрушкой, подаренной либо к Рождеству, либо

Ил. 5

к Пасхе. По воспоминаниям Н. П. Вожиной-Киселевой в муромских семьях было принято дарить детям рождественские и пасхальные игрушки. Это, конечно, были не ювелирные шедевры Фаберже, но все же... «Воспитательница... всем нам подарила по яйцу, сделанному необыкновенно красиво. Скорлупа была ровно разре-

Ил. 6

Ил. 7

зана на две равные части и выклеена изнутри шелком. На шелке стояла маленькая картиночка ангела, над ним небо, под ним трава. Снаружи яйцо было в бархате. Оно открывалось и закрывалось, как дверка. Все было сделано ее руками», — вспоминает Вошинина-Киселева³.

Довольно много представлено ватных елочных игрушек 30-х—50-х годов XX века в виде животных, фруктов и овощей.

В следующем, статистически выделяемом, ряду 43 куклы. Хронологически он охватывает конец XIX — начало XXI веков. Старшинство в этом разделе принадлежит двум куколкам (девочка и мальчик) (Ил. 6, 7) с головками из фарфора и мягким туловищем из ткани, набитом шерстью или волосом. Обращает на себя внимание и кукла-лыжник первой четверти XX века с целлулоидной головой (правда, плохой сохранности) (Ил. 8). Тело, руки и ноги этой игрушки набиты соломой, конечности подвижны. Есть одна резиновая

Ил. 8

Ил. 9

кукломка «Девочка в розовой шубке» 50-60-х годов XX века (Ил. 9). Есть куклы из папье-маше (но это деление весьма условно, поскольку у них только голова сделана в этой технике), их 7 штук — шесть Дедов Морозов (Ил. 10) и одна Снегурочка. Большую часть — 27 штук — составляют пластмассовые куклы 80-90-х годов XX века.

Если классифицировать игрушки по материалу, из которого они сделаны, то это, прежде всего, пластмассовые игрушки 70-90-х годов XX века, изображающие животных, птиц — 27 штук, транспорт — 2, погремушки — 2, орудия труда, корзинка — 2, куклы — 27. Всего 60 штук.

В коллекции 16 мягких игрушек (плюш, ворсовый материал, ткань); в основном это медведи (9 штук). Есть зайцы, собака, Чебурашка, две мягкие куклы и набор зимней одеж-

Ил. 10

В основном их можно отнести к разряду народных игрушек: матрешки, бочонки, грибки, пирамидки, горшочки, погремушки, мячи-шары. Значительная их часть, датируемая самым началом сороковых годов прошлого века, изготовлена в Полхов-Майдане. В этой связи небезынтересно отметить, что промыслы, связанные с производством игрушек, в Муромском крае никогда

ды для куклы. Наиболее интересный экземпляр — набитый соломой медведь из светлого плюша, на левом ухе металлическая пломба немецкой фирмы STEIFF, запатентованная в 1905 году (Ил. 11). Сделан он предположительно в первой четверти XX века. Еще один медведь 1930-50-х годов из светло-бежевого плюша с подвижными лапами, набит стружкой (Ил. 12). Остальные мягкие игрушки конца XX — начала XXI века.

Интересно собрание деревянных игрушек (32 штуки).

Ил. 11

Ил. 12

магазин «с продажей всех изделий, вырабатываемых системой». Производственная программа «научно-художественных изделий» артели составляла 1,2 млн руб. (Для сравнения — выработка непаровых судов «Мурдревхимсоюзом» на 4.000 грузотонн — 532.000 руб., общая производственная программа 17,5 млн руб.)⁵.

Среди деревянных игрушек интересна пушка, которая поступила от Нины Сергеевны Епанчиной в 1998 году (из коллекции А. Епанчина), сделанная в 20-30-х годах XX века, наборы для детских фокусов начала XX века кустарной работы и конструктор из 39 элементов — копий храмов и строений — модель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, изготовленной игрушечниками Сергиева Посада.

Резиновые игрушки (их в коллекции 8 штук) представле-

не были развиты⁴. Однако с 1932 года, в связи с включением части Муромского уезда в Нижегородский промышленный округ, Полхово-Майданская артель «Красная заря» входила в Муромский межрайонный союз деревообрабатывающих, лесозаготовительных и лесохимических кооперативов промысловой кооперации «Мурдревхимсоюз», правление которого находилось в Муроме. Здесь же имелся розничный и оптовый

Ил. 13

ной литой опрае на ножках, стоящее на прямоугольной чугунной подставке, начала XX века, которое могло служить как для самого ребенка, так и для его игры. Второй предмет выглядит, как кукольная кроватка, а на самом деле является моделью кроватки — изделия артели «Красный металлист», выполненного для выставки в музее «20-летие Октября» (1927 г.) в качестве образца продукции артели.

Самая малочисленная группа — это три керамические свистульки (Ил. 13).

Таким образом, можно еще раз констатировать, что подборка игрушек, сложившаяся в фондах Муромского музея, не является систематической коллекцией и лишь в самых общих, приблизительных чертах отражает историю бытования детских игрушек в регионе. Между тем, в последние десятилетия резко повысился интерес к игрушке как объекту исследования и коллекционирования. Проводятся научные конференции, появляются статьи, монографии и каталоги, посвященные игруш-

ны в основном современными изделиями в виде животных и птиц с пищалками (5 штук), двумя игрушками-сувенирами — «Олимпийский мишка» и «Илья Муромец» и куклой в розовой шубке.

К группе металлических относятся 7 игрушек: одна машина, одна раскладушка, стиральная доска, конек. Наиболее старыми являются кукольные кроватки и напольное зеркало в чугун-

кам, открылось несколько десятков частных музеев игрушки, неизмеримо выросла армия коллекционеров. Соответственно, на коллекционном рынке резко повысился спрос на игрушки, особенно советского времени, выросла конкуренция и цены.

¹ Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. Детские игрушки первых десятилетий советской власти // Яхонтовские чтения. — Рязань, 2012; они же. Детские игрушки и взрослая политика // Уваровские чтения-VIII. — Владимир, 2012. — С. 261-291.

² Бартрам Н. Д. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. — М., 1979. — С. 51.

³ Воицинина-Киселева Н. П. О Муроме (Семейная хроника купцов Воицининых). — Муром, 2007. — С. 65-66.

⁴ См. об этом: Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. Указ. соч.

⁵ Муромский межрайонный союз деревообрабатывающих, лесозаготовительных и лесохимических кооперативов промышленной кооперации «Мурдревхимсоюз»: Иллюстрированный пресс-куррант (так в оригинале. — Л. Г.) на изделия промкооперативов: Мебельные, Игрушек, Кузнечно-меховые, Судостроение, Лесохимической продукции, Бондарные и тары, Обозные, Разных промыслов. — М., 1937.

Т. Б. Купряшина

АТРИБУЦИЯ ПОРТРЕТА АЛЕКСАНДРА I

Портрет императора Александра Первого (Вкл. I. Рис. 1). экспонируется в ряду фамильных портретов из Карачаровского имения графов Уваровых рядом с юной красавицей Марией Антоновной Нарышкиной (урожденной Четвертинской, двоюродной бабушки Прасковьи Сергеевны Уваровой). В шестнадцать лет княжна Мария выдана была за пожилого вельможу Д. Л. Нарышкина. Именно такой, какой мы видим ее на портрете в Художественной галерее музея, мог увидеть ее будущий император. Ослепительная красота и умение держать себя

в свете привлекли внимание цесаревича Александра Павловича. Их отношения сложились в подобие второй (не слишком тайной) семьи и продолжались в течение пятнадцати лет. По преданиям они имели нескольких детей, не доживших до взрослого возраста. Известно, что брат красавицы Борис Четвертинский (дед П. С. Уваровой) сильно страдал от двусмысленности положения и несколько раз уходил в отставку.

В музейной инвентарной книге № 8, которая заполнялась (переписывалась) в 1982 г., о портрете государя сказано, что он работы И. Б. Лампи (1751-1830), поступил в декабре 1918 г. из Карачаровского имения Уваровых (№ М-6859; в коллекционной описи — ж-47, х. м., размер 76х60,5 см, начало XIX в.). То же самое зафиксировано и в старом инвентаре, а также в акте выдачи для реставрации в ВХРиЦ в 1993 г. Было же какое-то основание считать автором Лампи!?

Лампи писал портреты Александра (Вкл. I. Рис. 2)¹. В России Лампи провел шесть лет (1792-98). Пользуясь благосклонностью Екатерины и Павла, писал всех особ царской фамилии и придворных. Он оказал значительное влияние на русских художников, особенно на Д. Левицкого и В. Боровиковского. Известен портрет великого князя Александра Павловича кисти В. Л. Боровиковского 1796 года². Источник неблагонадежный — блог в жж некой Ростиславы, изображение черно-белое. По датам написания очевидно — Александр еще не государь, а великий князь. Муромский портрет представляет несомненно уже царя, поскольку он изображен в мундире Преображенского полка со стоячим твердым воротником, установленным по реформе обмундирования 1802 года. Интересно сравнить отдельно только лицо на нашем портрете и на портрете Лампи. Много сходного у учителя и ученика! (Вкл. I. Рис. 3.1-3.2).

Авторство Лампи вызвало сомнения реставраторов, иссле-

довавших муромский портрет. Их аргументы нам неизвестны, но действительно, Лампи не мог написать его, по крайней мере, потому, что выехал из России ранее, чем Александр стал царем.

В Ставрополе хранится идентичный нашему портрет царя, атрибутированный В. Л. Боровиковскому и выполненный, якобы, по оригиналу Э. Виже-Лебрен³ (Вкл. II. Рис. 4).

Известные портреты Александра, выполненные Э. Виже-Лебрен, или копии, или, как пишут, гравированные с ее портретов, оказываются весьма далеки от ставропольского⁴ (Вкл. II. Рис. 5).

Подписываются они то император, то великий князь. Но, поскольку ни один источник нельзя считать убедительным, отметим лишь, что воротник на мундире твердый стоячий, а в остальном от ставропольского портрета они далеки.

К настоящему времени выявлен целый ряд царских портретов, похожих на ставропольский (и на наш!). (Вкл. III. Рис. 6.1-6.6). Все их можно считать восходящими к одному оригиналу. Много портретов царя опубликовано на страницах интернета. Разумеется, не все эти публикации вызывают доверие.

Рассмотрим еще один портрет царя (Вкл. VI. Рис. 7), похожий на ставропольский даже менее прочих. Однако на мнение экспертов ГОСНИИР можно опираться. Они — Ю. Б. Дьяконова, М. М. Красилин, Ю. А. Халтурин, М. М. Наумова (химический анализ состава наполнителя грунта и пигментов), К. О. Плещунов, — работая с этим портретом из частного собрания, предлагают следующую атрибуцию. «Типологически исследуемый портрет восходит к парадному портрету императора кисти В. Л. Боровиковского (1802-1803, ГРМ). Различия проявляются в наборе орденов. Известен также портрет Александра I кисти неизвестного художника, в дета-

лях совпадающий с исследуемым (по данным ГИМа). Наличие этих изображений императора свидетельствует, что в их основе лежит один иконографический тип»¹¹. Отметим, что описанный портрет гораздо менее совпадает с парадным портретом царя (в полный рост), чем наш муромский.

В новой энциклопедии «Лица российской истории» описано 149 портретов царя в разном возрасте и в различной технике. Воспроизведено — 53, в том числе парадный портрет работы В. Л. Боровиковского (ГРМ, инв. № Ж-3161), который послужил образцом для множества изображений царя¹² (Вкл. VI. Рис. 8).

Удивление вызывает сразу несколько пунктов. Во-первых, бросается в глаза некоторое «несовершенство» исполнения лица, некая мертвенность что ли. Это при авторстве Боровиковского! Затем удивляют размеры — 58,5х40,5. Слишком малы для парадного портрета. Наконец, оказывается «портрет писан не с натуры. Использован миниатюрный портрет Г. Кюгельхена». Энциклопедия ссылается на Каталог ГРМ. 2002. С. 69, № 109¹³. То, что использована миниатюра, объясняет и малый размер, и условность изображения лица. Датировка 1802-1803 гг. очень важна — новый государь только что вступил на престол, портретов необходимо много и срочно. Поэтому пользуются оригинальными портретами, сделанными придворным портретистом Кюгельхеном. Упомянутого миниатюрного портрета нам найти не удалось, и сведений о художнике немного. В энциклопедии ЛРИ за № 45.26 описан портрет царя, сделанный Кюгельхеном, датированный слишком широко — 1801-1805 гг., х. м., 84,5х67, ГРМ, инв № ж- 4650, но он не воспроизведен.

В журнале «Наше наследие» находим сведения еще об одном портрете царя этого художника. «В 1975 году с базы Госфонда

„Москомиссионторга” в музей (Музей-панорама „Бородинская битва”) поступил „Портрет Императора Александра I” Г. Кюгельхена»¹⁴ (Вкл. VI. Рис. 9). Иконография для нашей истории очень важна. Возможно, с этого портрета и была выполнена миниатюра, послужившая потом «оригиналом» для создания парадного портрета Боровиковским. Подробности костюма, всех аксессуаров говорят об этом, но голова повернута иначе. Этот художник опередил остальных. Сведения о немецком живописце и миниатюристе Герхарде фон Кюгельхене (1772-1820) имеются у Брокгауза и Ефрона и буквально в нескольких публикациях. У него был брат-близнец Карл, художник-пейзажист. Вместе они в 1798 г. приехали в Ревель (ныне Таллинн), где Герхард писал заказные портреты. По традиции того времени несколько приукрашивал натуру, льстил портретируемому. «Герхард Кюгельхен вскоре стал придворным художником императора Павла I. Он получал жалованье и отдельную плату за выполненные портреты... В конце 1800 года за 34 портрета, написанных по заказу двора, художник получил девять тысяч рублей. „Я мужа вижу какой-нибудь раз в неделю, — пишет жена Кюгельхена матери, — он вечно находится в Павловске, живет во дворце, где имеет в своем распоряжении целую квартиру, обед из шести блюд, чай, кофе, вино, до придворного экипажа включительно»¹⁵. Таких возможностей у русских художников точно не было. Весной 1801 года в результате заговора Павел I был убит. Кюгельхен первый из художников выполнял портреты нового императора и его супруги. Портреты понравились, и Кюгельхена просили повторить их масляными красками, пастелью и в миниатюре. Всего он написал пять портретов Александра I в рост, 10 погрудных и 55 миниатюр для табакерок, которые монарх жаловал придворным и послам. За два года, проведенных при дворе Александра I, художник напи-

сал 164 портрета и получил за них 46 тысяч рублей. Он писал императора в первые месяцы царствования — Александр молод, у него мягкие, несколько женственные черты, кроткое выражение голубых глаз, стройная фигура.

Итак, в 1802 г. Боровиковский получает, видимо, срочный заказ на парадный портрет царя. Художник, как известно, был завален заказами и порой писал одни только головы. Например, созданный им по заказу Академии парадный портрет Павла I в полный рост затем послужил моделью для написания множества поясных портретов учениками Академии. Возможно, подобная ситуация сложилась и с портретами Александра. Например, об этом свидетельствует приводимый ниже портрет с горностаевой мантией (Вкл. V. Рис. 10).

Портрет явно, как и муромский, восходит к парадному портрету кисти Боровиковского. Он воспроизводится в черно-белом варианте в энциклопедии «Лица российской истории», с. 39, № 45.68 с аннотацией: Виже-Лебрен Луиза Элизабет... Вольная копия с портрета Боровиковского. Х. м. 74x60... из Гатчинского дворца-музея. Павловский дворец-музей. Инв. 2028¹⁶. Датировка отсутствует. Атрибуция сомнительна! Виже-Лебрен покинула Россию в 1801 году, следовательно, не могла написать данный портрет.

Портреты царей были необходимы в огромных количествах. Обычно отдельные портреты служат подготовительным материалом к сложной композиции, например парадному портрету в полный рост. В данном случае скорее было так — ученики Боровиковского готовят холсты для больших погрудных портретов, пишут фигуру на основании парадного портрета или одновременно с ним. Мастер же прописывает лица. Вполне правдоподобно такое предположение для целого ряда портретов царя, в том числе муромского, ставропольского, и из Павловска.

До сих пор ставропольский считался лучшим, но муромский его превосходит. Государь на портрете юн и прекрасен, о работе художника хочется отозваться в столь же превосходной степени. Боровиковский, создатель сентиментальных женских образов, и в черты юного государя привнес женственности, что и в самом деле в его облике замечали многие. В старом инвентаре муромского музея о портрете Александра отмечено, что красочный слой тонкий, «просвечивает». Не берусь судить, насколько это характерно для Боровиковского.

Особая моя благодарность Андрею Чекмареву за привлечение моего внимания к имени Боровиковского. Публикацию ставропольского портрета я видела очень давно, но его атрибуция вызывала только недоумение. Побывав в Муроме, в своем письме А. Чекмарев пишет о нашем портрете: «Он принадлежит к целой группе, которая, как писала еще Т. В. Алексеева в монографии по Боровиковскому, восходит к нескольким погрудным портретам, написанным Боровиковским в начале царствования Александра на основе изображения, выполненного французской художницей Виже-Лебрен. Оригинал, по мнению Алексеевой, хранится в Павловске. Он усложнен горностаевой мантией. Точно такой же портрет (авторское повторение) продавался на аукционе Сотбис в 2004 как Боровиковский¹⁷ (Вкл. V. Рис. 11). И нашелся еще один в Интернете, без указания места хранения (Вкл. V. Рис. 12). Варианты, где Александр изображен без горностаевой мантии, есть во Владивостоке, Ставрополе (пишут, что тамошний лучший из всех по качеству) и в московской усадьбе Шереметевых Останкино. Все считают их кругом Боровиковского. Может, это работа мастерской. У вас хранится еще один из них. Так что можете смело писать, что это либо Боровиковский с вопросом, либо круг Боровиковского. Посылаю сами картинки и сканы с каталогов: Русский пор-

Рис. 1. Портрет Александра Первого. Муромский музей

Рис. 2. Портрет великого князя Александра Павловича. Лампи Иоганн Баптист старший (?). 1790-е, х. м., 83х66. ГРМ

Рис. 3.1

Рис. 3.2

Рис. 3.3

Рис. 3. Фрагменты: 3.1. Фрагмент. Портрет великого князя Александра Павловича. Лампи Иоганн Баптист старший (?). 1790-е. ГРМ; 3.2. Фрагмент. Портрет Александра I. Неизвестный художник. Начало XIX в. Муромский музей; 3.3. Фрагмент. Портрет Великого князя Александра Павловича. В. Л. Боровиковский (?). 1796

Рис. 4. В. Л. Боровиковский. Портрет Александра I. 1802. По оригиналу Элизабет Виге-Леблен (?). Ставропольский художественный музей

Рис. 5.1

Рис. 5.2

Рис. 5.3

Рис. 5. Портреты великого князя Александра Павловича. Э. Л. Виге-Леблен (?). И/или неизвестный художник по оригиналу Э. Л. Виге-Леблен. Первая четверть XIX века (?)

Рис. 6.1

Рис. 6.2

Рис. 6.3

Рис. 6.4

Рис. 6.5

Рис. 6.6

Рис. 6. Портреты Александра I. Первая четверть XIX века(?)

6.1. Неизвестный художник. Место нахождения неизвестно⁵

6.2. Неизвестный художник. Место нахождения неизвестно⁶

6.3. Неизвестный художник. Русский музей (?)⁷

6.4. Неизвестный художник. Место нахождения неизвестно⁸

6.5. Неизвестный художник. Владивосток. Приморская галерея⁹

6.6. Неизвестный художник. Музей «Останкино»¹⁰

Рис. 7. Неизвестный художник. Россия. Начало 1800-х. Холст (дублирован), масло. 94,2 x 69. Частное собрание (Москва)

Рис. 8. Парадный портрет Александра I. В. Л. Боровиковский. 1802-1802. ГРМ

Рис. 9. Г. Кюгельхен. Портрет Александра I. 1801. Холст, масло

Рис. 10. Портрет Александра I. Л. Э. Виже-Лебрен(?). Вольная копия с портрета Боровиковского. Павловский дворец-музей

Рис. 11.1. Портрет Александра I. В. Л. Боровиковский. Продан на аукционе СОТБИС

Рис. 12. Портрет Александра I. Неизвестный художник. Место хранения неизвестно

Рис. 13. В. Л. Боровиковский. Портрет великого князя Константина Павловича. 1795 год. Холст, масло. Художественный музей, Чебоксары

трет 18-19 веков. Из собрания Московского музея-усадьбы Останкино. Каталог. М., 1995. С. 90-91. Русская живопись 18- первой половины 19 века. Каталог. Владивосток, 1996. С. 60-61».

Берусь возразить только по поводу Виже-Лебрен. С ней мы уже, видимо, разобрались выше. Пожалуй, портрет, фигурировавший на аукционе СОТБИС, более прочих схож с нашим. И если столь авторитетный аукцион признал Боровиковского, то и нам не грешно.

Интересно сравнить с другими портретами кисти Боровиковского. Особенно любопытен портрет великого князя Константина Павловича, поскольку это родной брат Александра (Вкл. V. Рис. 13)¹⁸.

Итак, подводя итог данного детектива, предлагаю новую атрибуцию.

В. Л. Боровиковский(?). Портрет императора Александра I. Не ранее 1802 г.

¹ ГРМ. Инв. № ж-4565. // Каталог ГРМ. – 1998. – С. 104, № 235. Цит. по: Растопчин В. Г., Севрюгин А. А., Соловьева А. А. Лица российской истории. – М, 2010. – Т. 1: – С. 34. – № 45.20. Изображение: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fotki.yandex.ru/users/missis-pabeeva/view/238268/?page=0#preview>.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostislava.livejournal.com/19487.html>.

³ Экшкунт С. А. На службе российскому Левнафану. Историческо-социальные опыты. – М., 1998. – Цв. ил. № 98.

⁴ Портрет великого князя Александра Павловича. Неизвестный художник по оригиналу Э. Л. Виже-Леблен(?). Первая четверть XIX века // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://hrono.ru/biograf/bio_a/alexand1.php

⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ic.pics.livejournal.com/catherine_catty/14181203/251069/251069_320.jpg.

⁶ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fotki.yandex.ru/users/>

missis-nabeeva/view/238268/?page=0#preview.

⁷ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://catherine-catty.livejournal.com/64452.html>.

⁸ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fotki.yandex.ru/users/missis-nabeeva/view/336667?page=3>.

⁹ По сведениям А. Чекмарева.

¹⁰ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://catherine-catty.livejournal.com/64452.html>.

¹¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosniir.ru/activity/expert/bogov.aspx>.

¹² Растопчин В. Г., Соловьева А. А., Севрюгин А. А. Указ. соч. — Т. 1. — № 45.1. — 45.149.

¹³ Там же. — С. 36, № 45.38.

¹⁴ О. М. Серебренникова. Вам не видать таких сражений! // Наше Наследие. — 2012. — № 103 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10306.php>.

¹⁵ Епатко Ю. Кто изображен на миниатюре — великая княжна или императрица? // Нева. — 2003. — № 8 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2003/8/epat.html>.

¹⁶ ЛРИ. — С. 39. — № 45.68.

¹⁷ По сведениям А. Чекмарева.

¹⁸ Боровиковский Владимир Лукич; Константин Павлович // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.megabook.ru/DescriptionImage.asp?MID=456932&AID=641738>.

М. А. Казанкова, Н. В. Насонова, Е. И. Сазонова

ИЗ ИСТОРИИ РОДА МУРОМСКИХ КУПЦОВ ГУНДОБИНЫХ

Изучение истории рода или даже отдельной семьи — это не просто праздное любопытство. Судьба семей и отдельных ее членов тесно переплетается с историей страны и напрямую связана с местом их рождения и проживания. К середине XVIII века

© Казанкова М. А., Насонова Н. В., Сазонова Е. И., 2014

М. А. Казанкова, Н. В. Насонова, Е. И. Сазонова. Из истории рода

в г. Муроме сложилось несколько родовых династий, уходящих корнями к концу XVI — началу XVII столетий, которые существенно влияли на развитие города, его экономику и культуру. Это купеческие семьи Зворыкиных, Жадиных, Суздальцевых, Гладковых, Тагуновых, Каратыгиных, Емельяновых и др., а также Гундобинных, которым и посвящено данное исследование. Отметим, что изучение истории рода Гундобинных позволяет одновременно знакомиться и с другими известными купеческими родами, которые связаны с Гундобинными брачными узами.

Хотя важнейшие генеалогические источники по истории русского боярства и дворянства, например, такие как «Государев родословец», «Бархатная книга» и т. п., создавались уже в XV-XVII вв., складывание генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины относится к XVIII в., т. е. генеалогия как наука существует уже более трех столетий. В древние времена свою родословную до седьмого колена знал практически каждый человек. Для составления родословных необходимо проводить профессиональный исторический поиск сведений о родственниках вглубь веков, для чего необходимы знания всех тонкостей делопроизводства по учету населения, нравов и обычаев жителей конкретного региона, что требует умения работать с людьми и с архивами.

Генеалогические исследования семьи Гундобинных начались в 2007 году с изучения фотографического и документального собрания муромского музея и архивов семей Н. В. Насоновой и М. А. Казанковой. Однако еще в 90-х годах прошлого столетия первую родословную Гундобинных составила Галина Петровна Гундобина (1925-2007). По своим воспоминаниям и воспоминаниям родных она расписала древо семьи, начиная со своего деда, потомственного почетного гражданина г. Мурома, Ивана Петровича Гундобина (1845-1920).

В 2009 г. ее дочерью Наталией Владимировной Насоновой на правах рукописи был издан очерк «Прошлое и настоящее большой семьи города Мурома»¹, в котором предлагалась более полная версия древа рода Гундобиных. На сегодняшний день в него, благодаря данному исследованию, внесены существенные изменения². В 2010 году вышло еще одно небольшое исследование вышеуказанного автора, посвященное некоторым фотографиям семьи Гундобиных-Ягуновых³. Другая правнучка Ивана Петровича Гундобина – Марина Александровна Казанкова (в девичестве Жадина) – проработала три года в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и в государственном архиве Владимирской области (ГАВО), скрупулезно выписывая из разных документов сведения обо всех Гундобиных. В результате создан алфавитный поименный перечень Гундобиных. На сегодняшний день этот перечень включает 550 имен! В данном исследовании использовались также и опубликованные исторические источники по городу Мурому, такие, как описи с писцовых, переписных, строельных книг, подготовленные к изданию муромским историком В. Я. Чернышевым⁴. Авторы выражают искреннюю благодарность сотруднице Владимирского архива Н. А. Ясашновой, которая оказала помощь при подготовке этого сообщения.

На схеме 1 представлено родословное древо муромского клана Гундобиных, охватывающее период XVII-XX вв. В нем показаны основные ветви рода, о которых удалось собрать достоверную историческую информацию. В процессе исследования, кроме вопросов рождения и бракосочетания, нас также интересовали вопросы кем были предки Гундобиных, чем «кормились» и занимались, как жили, кто их современные потомки?⁵

Начнем с прозвища-фамилии Гундобин. Первые упоминания фамилии можно обнаружить в указателе переписи населе-

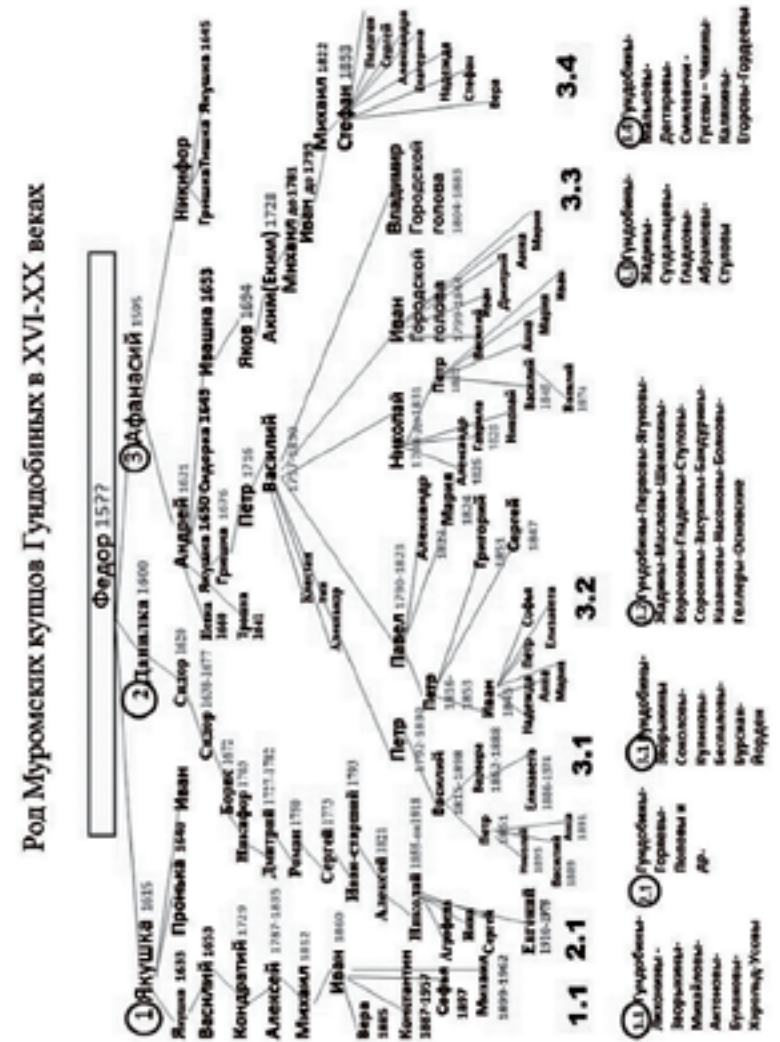

Схема. 1. Род муромских купцов Гундобиных XVI-XX вв.

ния Древней Руси в пору Иоанна Грозного⁵. Прозвище Гундоба, по-видимому, происходит от диалектных слов «гондобить», «гундобить», «гонобить» — беречь, копить, припасать, «делать помаленьку из остатков», гоношить. В. И. Даль слово «гонобить» дополняет следующими значениями: припасать, собирать, копить, наживать, скопидомничать⁶. Действительно, все ранние предки муромских Гундобиных, как это мы увидим позже, были предприимчивыми, деловыми людьми, занимались калачным, мыльным, полотняным производством.

Из составленной родословной таблицы (Схема 1) видно, что на настоящий момент основателем клана Гундобиных может считаться некий Федор Гундобин, родившийся в XVI столетии. О его существовании свидетельствует отчество его сыновей — Якова Федоровича и Данилы Федоровича. У Федора было три сына. Все они — и Данилка с сыновьями, и Якушка с сыновьями, и Афанасий с сыновьями — были крестьянами Кудринской слободы, принадлежавшей муромскому Спасо-Преображенскому монастырю⁷. Яков и Данила, а также их дети, пекли и продавали калачи. У Данилки Федоровича был «полок», а у Якушки Федоровича целая калачная лавка при Спасском монастыре⁸. Андрей, сын Афанасия, значит, как мыльник, «варит мыло в своей варнице»⁹.

Полезную информацию о Гундобиных, живших в XVII столетии, находим в «Ономастиконе» известного историка С. Б. Веселовского. В перечне имен есть следующая запись: «Гундобин Яков, бурмистр, конец XVII в., Муром»¹⁰. Название бурмистр в дореволюционной России относилось либо к старосте, назначаемом для надзора за выполнением крестьянами различных повинностей, а также исполнением различных административных функций, либо к выборному должностному лицу, которое появилось в российских городах при Петре Первом.

Поскольку указ Петра был выпущен в 1699 году, можно предположить, что в «Ономастиконе» Веселовского речь идет о бурмистре Якове как о крестьянском старосте. Из родословной таблицы (Схема 1) видно, что в XVII в. в Муроме жили несколько человек с именем Яков. Так кто же из них был бурмистром? По нашему предположению — это Яков 1650 года рождения — сын Андрея Афанасьевича, в конце XVII века ему было 50 лет, или Яков 1645 года рождения — сын Никифора Афанасьевича.

Род Афанасия Федоровича Гундобина

В роду Афанасия Федоровича Гундобина к настоящему времени удалось проследить четыре крупные семейные ветки (Схема 1), потомки которых прослеживаются до настоящего времени. Эти ветки включают широкий круг фамилий:

— от Павла Васильевича (1790-1823): Гундобины — Филимоновы — Первовы — Ягуновы — Жадины — Масловы — Дмоховские — Шемякины — Вороновы — Гладковы — Стуловы — Сорокины — Засухины — Бандурины — Казанковы — Насоновы — Бояковы — Геллеры — Основские;

— от Петра Васильевича (1792-1830): Гундобины — Зворыкины — Соколовы — Куликовы — Беспаловы — Бурсиан — Йорден;

— от Ивана Васильевича (1799-1844): Гундобины — Жадины — Суздальцевы — Гладковы — Абрамовы — Стуловы;

— от Екима Яковлевича (1728 г. р.): Гундобины — Мальковы — Дегтяревы — Смилевичи — Гусевы — Чижины — Калякины — Егоровы — Гордеевы.

Жившие и живущие в наше время потомки Афанасия Федоровича встречаются не только в г. Муроме, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Шуе, Красноярске, Рыбинске и др. городах.

На родословной схеме видно, что все четыре ветки восходят к сыну Афанасия Федоровича – Андрею Афанасьевичу (приблизительно 1621 г. р.), причем, три первые ветки происходят от сыновей праправнука Андрея Афанасьевича – Василия Петровича Гундобина «старшего» (1757-1830), а четвертая ветка тянется от его правнука – Екима Яковлевича (1728 г. р.).

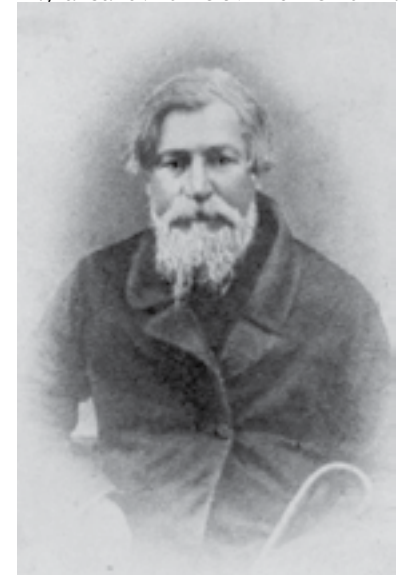
Сам Василий Петрович «старший» служил подьячим в приказной канцелярии, следовательно, был человеком грамотным и образованным. Служил он, вероятно, длительное время, поскольку 10 августа 1776 года им было подано прошение на высочайшее имя с просьбой от этой должности уволить. Его просьбу не удовлетворили, так как два года спустя все тот же подьячий Василий Гундобин докладывал о покупке часов в муромский магистрат, т. е. в это время он еще был на службе. Василий Петрович, в силу своей должности, вел записи, касающиеся главных городских событий. Этими записями впоследствии пользовался известный муромский краевед Н. Г. Добрынкин в некоторых своих исследованиях¹¹. В частности, Василий Петрович очень подробно описал приезд в Муром 18 мая 1798 г. императора Павла I, который вел с ним довольно длительную беседу. В этой церемонии участвовали и другие члены семьи Гундобиных: кушанье императору подносил сын Василия – Александр, а за убранство дома дворянина Бычкова, в котором принимали императора, отвечал купец третьей гильдии Михаил Екимович Гундобин¹², сын того самого Екима Яковлевича, от которого берет начало саратовская ветка родового древа Гундобиных.

У Василия Петровича Гундобина было две жены. Первая жена, Фекла Логинова (1757 г. р.), умерла молодой, оставив четверых детей: двоих сыновей, Александра (1782-1818) и Константина (1781 г. р. – умер до 1831 г.) и двух дочерей,

Федосью (1776 г. р.) и Екатерину (1782 г. р.). Со второй женой, Анной Николаевной (1762 г. р.), Василий Петрович нажил еще пятерых сыновей: Павла (1790-1823), Петра (1792-1830), Николая (1798 г. р. – умер до 1831 г.), Ивана (1799-1844), Владимира (1804-1883). Василий Петрович был состоятельным человеком и успешно торговал, в том числе и недвижимостью. После его смерти его вдова Анна Николаевна получила наследственный капитал в размере 8000 рублей.

Сыновья Василия Петровича в Муроме были людьми хорошо известными, пользовались большим авторитетом и неоднократно избирались на различные городские общественные должности. Иван Васильевич служил городским головой с 1842 г. по октябрь 1844 г. Владимир Васильевич был на этой должности дважды: с 1860 по 1863 гг., а затем с 1869 по 1870 гг. – дослуживал срок после скоропостижной смерти городского головы А. В. Ермакова (Ил. 1).

От Василия Петровича «старшего» в Муромском музее хранятся три книги, которые находились в семье городского головы Ивана Васильевича Гундобина. Книги попали в музей из совершенно разных источников и в разное время. «Благоразумие соединенное с добродетелью или Политика Мудрости» (издание 1795 г.) была пере-

Ил. 1. Городской голова Владимир Васильевич Гундобин. Муром, около 1880

дана музеем в 1939 г. в качестве обмена с литературным музеем¹³. Здесь на титульной странице запись черными чернилами «Из книг Василия Гундобина». В 1941 г. от жительницы В. Суздальцевой музей пополнился книгой церковного содержания «Памятник Веры»¹⁴. В ней имеются специальные пустые листы для записи «мыслей, чувств и поступков». Этот том принадлежал Ивану Ивановичу Гундобину, о чем свидетельствует помета на первой странице. Здесь кто-то из его близких родственников оставил запись о смерти хозяина книги: «1908. Марта 15 дня. В субботу скончался Иван Иванович Гундобин 80-лет. Скончался в 8 часов утра на третьей недели Великого поста. У меня жил 3 года и 6 месяцев». Наконец, в 1942 г. в музейный фонд добавилась еще одна книга, принадлежавшая Василию Гундобину. Ее передала Елизавета Аркадьевна Куликова. Это «Наставление отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей»¹⁵. Интерес представляют не только сами книги, которые определяют круг чтения купеческого сословия конца XVIII – первой половины XIX вв., но и записи, нанесенные на страницы «для заметок». Из этих своеобразных дневников мы узнаем некоторые сведения о родственниках Гундобиных, а также о родственниках из других семей Мурома: Железниковых, Жадиных, Суздальцевых, Панибратцевых.

Братья Иван и Владимир Васильевичи были очень дружны между собой и долгое время вели общее хозяйство. Они получили в наследство от родителей в совместное пользование деревянный дом с землею в 79 квартале (на краю оврага недалеко от Казанской церкви), возле которого построили деревянное фабричное заведение для ткачества полотен. В совместном владении они еще имели шесть земельных участков с плодовыми садами. У Козьмодемьянской церкви возле реки Оки для ткацкой фабрики ими была построена пряжеварка. Братья

вели широкую торговлю полотнами, выделяемыми на своей фабрике, а также продавали свои овощи¹⁶.

Купец второй гильдии Иван Васильевич Гундобин был обвенчан с купеческой дочерью Екатериной Екимовной. В их семье росло четверо детей: два сына, Иван (1828-1908) и Дмитрий (1831-1877), и две дочери Анна (1833 г. р., жена Д. Д. Жадина) и Марья (1838 г. р., муж Ф. Ф. Суздальцев). Ивану Васильевичу представилась честь как руководителю городского управления встречать императора Николая I во время его визита в Муром 12 октября 1834 г. Он подносил его величеству на блюде огромных стерлядей и «был допущен к руке». Николай I переправлялся через Оку в ботике, а среди гребцов были уже известный нам Владимир Васильевич (ему тогда было 30 лет) и его племянник Петр Павлович Гундобины¹⁷.

Сыновья Ивана Васильевича были людьми преуспевающими, состояли в купцах первой гильдии, и за оказанную ими на общественном поприще полезную деятельность указом Сената причислены к званию потомственных почетных граждан. В 1874 г. Иван Иванович вместе с братом Дмитрием имел полотняную фабрику. В городских службах оба брата были депутатами, служили гласными в Городской думе и состояли в комиссии по постройке здания муромского реального училища. Дмитрий Иванович также был избран в члены уездного училищного совета.

У городского головы Владимира Васильевича не было собственных детей, и он опекал детей рано умерших своих родных братьев, а в 1853 году стал еще и опекуном малолетних сирот Ивана, Сергея, Григория – внуков родного брата Павла. Потомственный почетный гражданин Владимир Васильевич активно занимался общественной жизнью. Он был не только городским головой и гласным в Муромской думе, но и членом

попечительского совета муромского реального училища¹⁸. Еще Владимир Васильевич известен как крупный садовод и огородник. Несколько лет подряд он с братом Иваном скупал огородные земли и «плодовитые сады». Особенно славился гундобинский сад на Бахаревой горе возле Воскресенской церкви. Этот огромный сад был составлен из двух садов, купленных братьями Гундобинами в 1843 г. у купцов Титовых и Стуловых¹⁹. Не случайно Бахарева гора носила второе название Фруктовой. Кроме того, у Владимира Васильевича были сады и огородные земли по улице Прудовой и возле Набережной²⁰. Интересные сведения о садоводстве и огородничестве приведены в «Экономических примечаниях» по г. Мурому за 1855 г.: «Огородничеством и садоводством в городе занимаются: один купец, который имеет в городе 10 садов. Плода приносят на 300 руб. серебром, и все эти плоды сбываются в городе Муроме и на нижегородской ярмарке, в тех же садах имеются огуречные огороды, с которых выдвывается огуречных семян до 100 пудов на сумму 500 рублей серебром, сбыт же их бывает в городе Ростове во время ярмарки и частью в Москве»²¹. И, хотя в источнике имя владельца этих садов не указано, можно предположить, что им был Владимир Васильевич Гундобин.

К сожалению, до сих пор не удалось выяснить, где в Муроме находился дом городского головы В. В. Гундобина. Судя по архивным источникам, мы склонны считать, что этот дом и усадебный участок вокруг него сохранились и находятся на перекрестке Козьмодемьянской улицы и бывшего переулочка Языкова (современный адрес: ул. Губкина, № 1). Главный жилой дом на высоком каменном полуподвале из красного кирпича, деревянный, с мезонином, обильно украшен сквозной пропиленной резьбой. Сочетание классических пропорций самого здания и обильной резьбы относит его к «купеческому

Ил. 2. Дом Гундобиных, построенный в 1870-е гг. (в настоящее время ул. Губкина, № 1). Муром, 2008

стилю» и предполагает датировку — 1850-е г. (Современные жители при ремонте, когда снимали со стен старые обои, дошли до слоя из газет 1863 г. Отметим также, что дом между бревен полностью утеплен кожаными срезками). По документам складывается история приобретения участка. Уже в 1851 году Владимир Васильевич Гундобин с двумя племянниками Иваном и Дмитрием (сыновьями умершего старшего брата Ивана Васильевича) покупают землю с небольшим деревянным домом в 42 квартале. Затем, в 1856 году жена В. В. Гундобина, Аграфена Егоровна (урожденная Стулова), прикупает к ранее купленному участку еще один участок как продолжение первого. Этот участок был более пригоден для разработки сада и огорода. В 1865 г. племянники Иван и Дмитрий Гундобины уступили родному дяде Владимиру Васильевичу купленную ранее землю. Таким образом Владимир Васильевич становится единоличным владельцем садового и огородного участка, занимавшего почти

весь 42 квартал. Скорее всего, на его деньги построен описанный выше дом, который стоит и поныне²² (Ил. 2). Вполне возможно, что в разное время в этом доме проживала не одна семья Гундобиных, т. к. старшие братья Петр, Павел и Иван умерли рано, оставив малолетних детей, а В. В. Гундобин был официальным опекуном своих племянников и внуков брата Павла. В конце XIX – начале XX вв. дом этот принадлежал господину Короткому, который, по-видимому, использовал его как доходный дом. Вероятно, в этом доме проживала до замужества Елизавета Аркадьевна Куликова (жена известного художника).

Рассмотрим ветвь купца второй гильдии, владельца полотняной фабрики, Павла Васильевича Гундобина и его жены Аграфены Евлампиевны, дочери умершего московского купца Евлампия Ивановича Филимонова. Они обвенчались в сентябре 1810 года в Муроме в Казанской церкви²³. Сын Павла Васильевича – Петр Павлович (1816-1853) женился на Татьяне Матвеевне Первовой (1818-1875)²⁴. После смерти мужа она вышла замуж второй раз за губернского секретаря Покровского. От первого брака с Петром Павловичем у Татьяны Матвеевны осталось трое детей: Иван (1845 г. р.), Сергей (1847 г. р.), Григорий (1851-1874). Петр Павлович Гундобин был довольно зажиточным человеком. Из архивных документов мы видим, что он имел «каменный дом и при нем фабричное заведение для ткания полотен, приобретенные по купчей 1811 г. мая 14; особая земля с фабричным строением неподалеку от дома, в овраге, отведенная для распространения сего заведения 6 ноября 1831 г. Торгует полотнами. В городских службах был одно трехлетие ратманом. Почетное гражданство выдано грамотой мая 16 дня 1844 г.»²⁵. Во владимирском архиве были обнаружены интересные сведения о дальнейшей судьбе этой полотняной фабрики. После смерти Петра Павловича

Ил. 3. Иван Петрович Гундобин, прадед Н. В. Насоновой и М. А. Казанковой (соавторов данного сообщения). Муром, 1906

с его детьми и вдовой стали судиться за эту фабрику опекуны, Владимир Васильевич Гундобин – родной дядя Петра Павловича и Петр Николаевич Гундобин – его двоюродный брат. В 1854-1856 гг. состоялось судебное разбирательство, и суд решил, что фабрику не стоит продавать за долги, а следует отдать в аренду купцу Коломнину до совершеннолетия детей. В суде рассматривались претензии матери детей Т. М. Покровской (Гундобиной-Первовой).

Она настаивала на правильном использовании фабрики и получении средств на содержание детей и просила назначить других опекунов. Суд просьбу ее отклонил, оставил прежних опекунов, так как «это уважаемые люди и самые ближайшие родственники Гундобина Петра Павловича»²⁶. В конце концов, после смерти Татьяны Матвеевны в 1875 г., фабрика была продана.

После 1875 г. старший сын Петра Павловича – Иван Петрович Гундобин – уже не владел фабрикой отца и деда, а торговал как приказчик первого класса в рейнском погребе купца второй гильдии Корнилы Егоровича Сорокина²⁷ (Ил. 3). Логично предположить, что, не имея собственных сыновей, Корнилы Егорович покровительствовал молодому и деловому приказчику, и поэтому вполне закономерной представляется женитьба Ивана Петровича на вдове недавно умершего

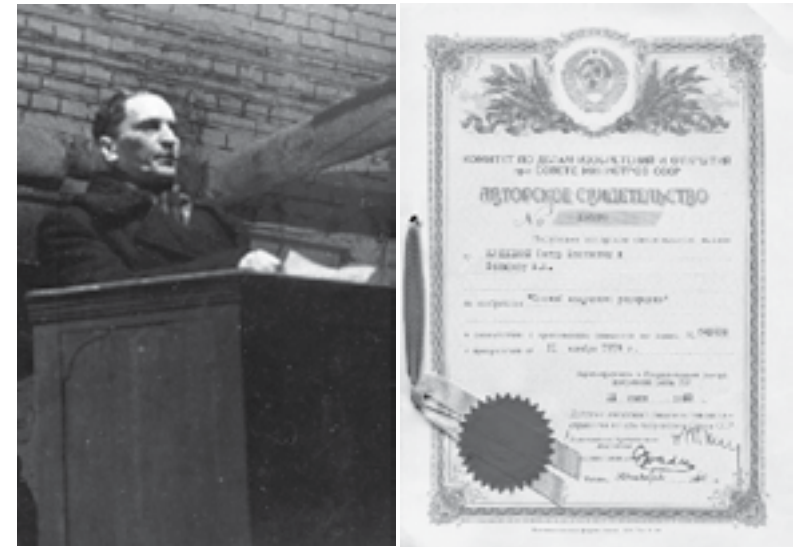

Ил. 4. Дом семьи Гундобиных на Ивановской улице (в настоящее время ул. Коммунистическая, №3). Муром, 1989

приемного сына Корнилы Егоровича – Василия, Прасковье Ивановне Сорокиной (в девичестве Гладковой). Свадьба состоялась в 1872 г. После смерти Прасковьи Ивановны (захоронена в некрополе Спасского монастыря) Иван Петрович женился на дочери умершего купца Василия Екимовича Ягунова, Елизавете. Венчались в Христорождественской церкви 24 июля 1877 года. Поручителями были купеческие дети, Павел Тимофеевич Суздальцев и Алексей Константинович Жадин. Во втором браке родились: Анна (1880 г. р.), Мария (1882-1955), Петр (1885-1974), Софья (1887-1972) и Елизавета (1890-1970). Иван Петрович был владельцем собственного дома на Ивановской улице в 12 квартале, строение 9 (современная ул. Коммунистическая, № 3) (Ил. 4). Он также владел магазином продуктов, где можно было купить красную рыбу, подсолнечное масло, крупу, пряности и фрукты. На Штабу ему принадлежали строения, которые сдавались в наем как казарменные помещения для проживания нижних военных чинов.

Средний брат Ивана Петровича, Сергей Петрович Гундобин (1847 г. р.), 13 июня 1869 г. открыл первую в Муроме

частную типографию. В ней предполагалось установить два ручных станка для печатания бланков для муромских присутственных мест, ярлыков фабрикантам и заводчикам для наклеивания на их изделия. Губернское правление, согласно ходатайству Сергея Петровича и документам, свидетельствующим о его благонадежности (за С. П. Гундобина хлопотал городской голова А. В. Ермаков), 11 марта выдало ему Свидетельство на открытие в г. Муроме «типографии купца Гундобина». Губернское правление руководствовалось при этом тем обстоятельством, что губернская типография имела многочисленные заказы и с трудом с ними справлялась²⁸. Располагалась типография в доме Н. П. Зворыкина на Базарной улице (рядом с Торговой площадью), где проживал и Сергей Петрович.

Ил. 5. Петр Иванович Гундобин выступает перед коллективом московского дорогомилловского химического завода с докладом о создании нового экспериментального цеха. Москва, 1942-1945

Ил. 6. Авторское свидетельство Петра Ивановича «Способ получения резорцина»

Единственный сын Ивана Петровича, Петр Иванович Гундобин, учился в Петербургском императорском технологическом институте и Московском высшем техническом училище, которое окончил в 1920 г. по специальности химия и технология фармацевтических веществ, и в дальнейшем всю свою сознательную жизнь посвятил химическому производству. За изобретение технологического процесса производства обезболивающего препарата пантопона и кодеина П. И. Гундобин получил авторское свидетельство. Он также изобрел технологию производства кодеина, папаверина, сульгина и др. Во время войны в специальном цехе он с помощником «варил» эти лекарства для фронта. Награжден «Орденом В. И. Ленина». После войны Петр Иванович Гундобин продолжал внедрять в производство свои изобретения, которые до сих пор используются в нашей жизни: это резорцин — полупродукт, который применяется для производства красителей и лекарств (Ил. 5, 6).

Два сына Петра Ивановича, Михаил и Глеб, также получили химическое образование и стали химиками-технологами. Можно предположить, что в этом сказались гены дальнего прапрадеда, Андрея Афанасьевича Гундобина (Схема 1), который был мыльником, т. е. варил мыло и, следовательно, был знаком с необходимыми химическими процессами. Интересно, что «химические гены» оказались очень сильными в этой семье Гундобиных. Дочери Михаила — Татьяна и Ольга и дочери Глеба — Мария и Анна тоже стали химиками-технологами.

Сын Петра Ивановича, Борис, поступил в Строгановское училище и в 1941 г. со студенческой скамьи ушел на фронт, вернувшись, закончил учебу и дальнейшую жизнь посвятил искусству. Занимался профессионально керамикой и смальтой, разработал дизайн мозаичного панно на ДOME Правительства в Махачкале, занимался живописью, интерьерами и был

Ил. 7. Галина Петровна Гундобина (внучка И.П. Гундобина) с дочерью Натальей. Москва, 1952

членом МОССХ. Дочь Галина закончила МВТУ им. Баумана, работала сразу после войны на закрытом заводе в Подлипках (ныне город Королев), затем до пенсии работала в министерстве радиопромышленности главным специалистом и руководителем производственного сектора (Ил. 7).

Судьба дочерей Ивана Петровича сложилась по-разному. Старшие дочери Надежда (от первого брака) и Анна вышли замуж за двоюродных братьев Василия Федоровича и Сергея Николаевича Шемякиных из г. Касимова и после революции, по-видимому, эмигрировали из России. Марья Ивановна окончила медицинский факультет Сорбонны и до конца своих дней работала врачом в Подмосковье. Ее муж, Александр Ефимович Маслов, инженер-технолог, владел в Муроме на Штабу картофельно-крахмальным заводом²⁹, и в 1917 г. в его владение перешло от семьи купцов Ивана Петровича и Зинаиды Павловны Мяздриковых четыре каменных корпуса для кожевенного завода. Марья Ивановна и Александр Ефимович имели квартиры в Москве. Александр Ефимович работал в Московском отделении Русского технического общества.

Младшие дочери Ивана Петровича Гундобина, Соня и Лиза, окончили муромскую женскую гимназию. Софья Ивановна

Ил. 8. Софья Ивановна Гундобина, бабушка М. А. Казанковой. Фотоателье Н. Сажина. Муром, 1910

в 1908 г. вышла замуж за муромского купца Алексея Федоровича Жадина (1886-1920), родила троих детей: двух сыновей Игоря (1910-1945) и Олега (1914-1942), и дочь Наталью (1909-198). Муж и сыновья погибли — первый в гражданскую войну, а сыновья — во время Великой Отечественной войны. Семья дочери живет в Москве. Внучка Софьи Ивановны Гундобиной (Жадиной), Марина Александровна Казанкова (Жадина), кандидат химиче-

ских наук (Ил. 8, 9).

Сын Марины — Григорий Михайлович Казанков — доцент, преподает на химическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Таким образом, «химические» гены продолжают работать. Елизавета Ивановна Гундобина училась на историко-филологическом факультете Московского университета, была очень красивой женщиной и служила актрисой в музыкальном театре им. К. С. Станиславского

Ил. 9. Наталья Алексеевна Жадина с дочерью Мариной (в замужестве Казанковой). Поселок. Малаховка, 1934

и В. И. Немировича-Данченко. Муж Елизаветы Ивановны — Сергей Александрович Трушников — был первым администратором Художественного театра, большим другом Немировича-Данченко и ведущих актеров театра: Москвина, Тарханова, Качалова и др. Хотелось бы добавить несколько слов о детях старших сестер. Дочь Анны Ивановны, Наталья Сергеевна (в замужестве Воронова) преподавала английский язык в МГУ им. М. В. Ломоносова, а один из сыновей, Алексей Сергеевич, работал в школе-студии МХАТ заместителем директора. Дети Марьи Ивановны Дмитрий (1914 г. р.) и Татьяна (1908 г. р.) рано остались без отца. Александр Ефимович Маслов в 1922 году умер от тифа. Мария Ивановна была занята работой и обеспечением содержания семьи. Дети росли под присмотром няни Няши, которая жила в этой семье до конца жизни. Татьяна Александровна Маслова (Гундобина) до замужества работала чертежницей. Дмитрий Александрович закончил Московский институт инженеров химического машиностроения и стал конструктором химического оборудования. Татьяна Александровна вышла замуж за Владислава Дмоховского, который работал на различных руководящих должностях в разных городах Советского Союза. После выхода на пенсию Татьяна и Владислав Дмоховские поселились в Туле.

Следующий по старшинству за Павлом Васильевичем (Схема 1) сын Василия Петровича Гундобина — Петр Васильевич был женат на Александре и имел единственного сына Василия Петровича «среднего» (1815-1898). Петр Васильевич умер молодым, и Василий воспитывался в доме брата Петра — Владимира Васильевича, который был его опекуном. Семья Василия Петровича Гундобина «среднего» через брачные узы связана с семьей муромского художника, академика живописи Ивана Семеновича Куликова. Проследим эту веточку.

Ил. 10. Елизавета Аркадьевна Куликова — внучка Петра Васильевича и Февронии Ивановны Гундобиных. Фотоателье Н. Сажина, Муром, около 1906

Василий Петрович женился на Февронии Ивановне (1820-1892), в их семье родились трое детей: Петр (1851-1905), Варвара (1862-1888) и Иван (1859-1897). Варвара Васильевна вышла замуж за сына титулярного советника — коллежского ассессора Аркадия Петровича Соколова (1850-1916). Их брак был недолгим: Варвара Васильевна умерла от чахотки, когда дочери Лизе было всего два года, и ее в дальнейшем воспитывала мачеха. Варвара Васильевна владела домом по улице Успенской (в настоящее время ул. Красноармейская, № 9). Из устных воспоминаний сотрудницы муромского музея А. А. Сиротинской, которая лично знала Елизавету Аркадьевну и иногда с ней беседовала, мы узнали некоторые подробности из жизни жены художника. Лизе было трудно выйти замуж за крестьянина Ивана Куликова, несмотря на то, что ко времени сватовства он уже был известным живописцем и вместе со своим отцом построил собственный двухэтажный дом в Муроме. На стражу сословных различий встала вся ее семья: как это возможно выйти замуж за крестьянина! Молодым людям пришлось долго ждать родительского благословения. Но все же они соединились, обвенчавшись в апреле 1885 г. в Николо-Набережной

Ил. 11. Петр Васильевич Гундобин с супругой Глафирой Алексеевной. 1884-1885

церкви, что стоит на берегу Оки (Ил. 10). Старший сын Василия Петровича «среднего», потомственный почетный гражданин Петр Васильевич Гундобин, в апреле 1887 г. в возрасте 28 лет венчался в Воскресенской церкви с потомственной почетной гражданкой Глафирой Алексеевной Зворькиной (1863-1941) (Ил. 11). Глафира Алексеевна доводилась родной теткой изобретателю телевидения Владимиру Козьмичу Зворькину. У Петра и Глафиры Гундобиных было трое детей: Василий, Анна (1891 г. р.) и Николай (1893-1941). Удалось установить, что эта семья Гундобиных в 1900-е гг. переехала в Санкт-Петербург. Известно также, что Петр Васильевич дожил до 1905 г. и похоронен на Новом кладбище в Гатчине. Глафира Алексеевна умерла в 1941 г. в блокадном Ленинграде и похоронена на Смоленском кладбище. Сын — Николай Петрович, в 1920-1924 гг. учился в Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских Всероссийской академии художеств на архитектурном отделении (Ил. 12). В эти же годы он участвовал в проектировании и строительстве Волховской ГЭС как архитектор и гражданский инженер в составе группы, руководимой Оскаром Рудольфовичем Мунцем. В то

Ил. 12. Николай Петрович Гундобин. Фотография с удостоверения личности Н. П. Гундобина, проходившего практику на Казанской железной дороге. Около 1915

участвовал в конкурсе проектов Дворца Советов в Москве, проектировал жилые кварталы в Москве и Ленинграде. Умер Николай Петрович Гундобин в блокадном Ленинграде в 1942 г.

В семье сына Николая Петровича, Михаила (1921-1998) и его жены Раисы Григорьевны (1926-2002), хранилась семейная реликвия — икона с изображением Николая Чудотворца, принадлежавшая их бабуш-

ремя иностранные газеты писали: «В России имеются три чуда: Красная Армия, Сельскохозяйственная выставка и Волховстрой», — а здание станции, выполненное в стиле конструктивизма, внесено в список охраняемых памятников архитектуры (Ил. 13). В дальнейшем Николай Петрович активно участвовал в проектах и постройке четырех других гидроэлектростанций, включая здание местных распределительных устройств и здание центрального управления шлюзом для Днепрогэса,

Ил. 13. Н. П. Гундобин в своем кабинете. На стене висит архитектурный проект Волховской ГЭС. 1938

Ил. 14. Семья Смилевич: Вильгельм Смилевич с женой Верой Стефановной (в девичестве Гундобиной) и детьми: стоит сын Теофил, рядом с матерью — дочь Нина (мама Надежды Гусевой). Бердичев, 1925

его правнука Екима Яковлевича (1728 г. р., Схема 1), тянется еще одна линия потомков, которая привела нас в город Саратов, в семью Надежды Васильевны Гусевой (Смилевич) (Ил. 14). Надежда Васильевна нас, авторов статьи, разыскала сама два года назад. Совместными усилиями нам удалось установить, что спустя век с четвертью праправнук муромского купца Екима Яковлевича — Стефан (Степан) Михайлович (1853 г. р.), вместе с женой Александрой Федоровной (1855 г. р.) и детьми Сергеем (1879 г. р.), Александрой (1881 г. р.), Надеждой, Екатериной (1884 г. р.) и Верой (1896 г. р.) уехал из Мурома. Младшая Вера воспитывалась в семье сестры Екатерины.

ке Глафире Алексеевне. Долгие годы икону прятали в бельевом шкафу. С ней связано следующее семейное событие. Когда Глафира Алексеевна ждала рождения ребенка, приснился ей святой Николай. Этот сон был настолько явным, что она увидела в нем особый знак. Рожденного сына она назвала Николаем и специально для него заказала оберегающий образ Николая Угодника. Икона была написана в 1893 г. в Санкт-Петербурге художником П. И. Брусникиным³⁰.

От сына Афанасия Федоровича, Андрея, через

Род Якова Федоровича Гундобина

Опубликованные исторические источники и многочисленные архивные документы (метрические книги, брачные обыски и исповедные ведомости), способствовали восстановлению родовой ветки, ведущей от Якова Федорова сына Гундобина (1615). Родословная доведена до настоящего времени и включает в себя множество семей. Это — Гундобины — Зворыкины — Усовы — Михайловы — Антоновы — Булановы — Хэрольд. Сын Якова Федоровича — Якушка Яковлев, калачник, бобыль, кормился Христовым именем и доживал свою жизнь в богадельне. Напротив, его единственный сын, Василий (1653 г. р.), уже назывался купцом, имел четверых сыновей: Родиона (1676 г. р.), Ивана (1711 г. р.), Екима (1715 г. р.) и Кондратия (1729 г. р.), и, судя по датам рождения детей, был женат, по крайней мере, дважды. Рассмотрим линию потомков Кондратия — младшего сына Василия. Внук Кондратия — Михаил Алексеевич (1812 г. р.) был дважды женат, второй брак с Натальей Петровной (1820 г. р.). В их большой семье воспитывались одиннадцать детей: семеро сыновей (сын Дмитрий умер во младенчестве) и четыре дочери, для которых Михаил Алексеевич в шестом квартале на Московской улице приобрел деревянный дом. Его сын, Иван Михайлович (1860 г. р.) — бессрочный рядовой 140 пехотного Зарайского полка, на рубеже XIX-XX столетий стал совладельцем дома № 14 по той же Московской улице. Иван Михайлович 24 июля 1883 г. венчался в Казанской церкви с мещанской девицей Татьяной Яковлевной Лихониной. В их семье росли четыре дочери (Анна, Екатерина, Софья и Вера) и четверо сыновей (Константин, Дмитрий, Алексей и Михаил). На одной из любительских фотографий 1906-1907 гг., находящейся в архиве О. М. Основской (Гундобиной), изображена большая компания, играющая

Ил. 15. Н. Д. Антонова (слева) и Н. Д. Петрова у дома Петровой по улице Мечникова, № 5. Муром, 2010

в карты. На ней представлены некоторые члены семей огромного клана Гундобиных. Есть здесь и представители семьи Ивана Михайловича. Это Константин Иванович (1887 г. р.) и мальчишка под столом — Михаил Иванович Гундобин (1889-1962). Миша был младшим сыном. По семейной легенде после смерти родителей его воспитывала старшая сестра Анна Ивановна Петрова (1884 г. р., в девичестве Гундобина). До настоящего времени в Муроме сохранился дом, где проживала Анна Ивановна по адресу улица Мечникова, № 5. На фотографии 2010 г. возле этого дома мы видим потомков рода Якова Гундобина — Надежду Дмитриевну Петрову и Надежду Дмитриевну Антонову (Ил. 15)³¹.

Михаил Иванович Гундобин был женат на Юлии Васильевне Усовой, внучке Матвея Ивановича Зворыкина³² (Ил. 16). В семье Михаила Ивановича и Юлии Васильевны было пятеро детей: Ювеналий, Геральд, Татьяна, Владимир, Евгения. Жила семья в собственном доме по улице Артема, № 22 (бывшая ул. Прудовая). Надежда Дмитриевна Антонова очень тепло вспоминает дом и бытовой уклад семьи Михаила Ивановича, который был основан на старых дореволюционных традициях. Вот как она описывает несохранившийся дом Гундобиных: «Своей длинной стороной дом стоял по ул. Комсомольской, а три окна с торца их большой комнаты (в деревне ее зовут „передней“) смотрели на ул. Артема. Напротив этих окон росли две березы. Во двор вели „русские“ ворота: глухие с навершья-

Ил. 16. Михаил Иванович Гундобин с женой Юлией Васильевной. Муром, 1926

ми над центральной частью и боковыми. В дождь можно было укрыться под этим навешьем, прижавшись к самим воротам. Во двор входили через правую боковину ворот. О каждом входившем оповещал звон колокольчика. За двором располагался сад, тянувшийся во всю длину дома и шириной с двор. У дома стояли две лавочки. Встав на них, можно было перелезть на неширокую, но довольно длинную террасу, располагавшуюся под основным скатом крыши дома. С наступлением тепла семья здесь столовалась»³³. Михаил Иванович Гундобин был сухощавым человеком, чуть выше среднего роста, он был немногословен, но в нем чувствовалась какая-то сила и порядочность. По профессии он был бухгалтером и до пенсии занимал должности начальника финансовых отделов различных организаций Мурома. Михаил Иванович воевал во вторую мировую войну. У его дочери Евгении хранится одна из семейных реликвий — фотография, с которой Михаил Иванович прошел все фронтовые трудности. На ней изображена любимая жена Юлия с детьми (Ил. 17).

Дети Михаила Ивановича и Юлии Васильевны получили разные специальности и разъехались по разным горо-

дам России. Геральд (семья живет в Иркутске) и Владимир (семья живет в Москве) — получили высшее образование и стали геологами; Татьяна воспитывала детей, а когда они подросли, работала секретарем на станции Муром. Ювеналий работал на заводе им. С. М. Орджоникидзе начальником конструкторского бюро. Младшая дочь — Евгения, реализовала свою мечту детства — закончила курсы скорописи слепым методом и работала телеграфисткой. Родственниками семьи Михаила и Юлии Гундобиных являются и все члены семьи Михайловых — Антоновых — Булановых — Хэрольд.

Род Даниила Федоровича Гундобина

Интересно сложилась судьба потомков калачника Даниила Федоровича по прозвищу Гундобин. Внук Сидорки — Борис Сидорович (1672 г. р.), уже имел портное мастерство и воспитывал единственного сына, Никифора, который после смерти отца был отдан в приемыши в семью Петра Григорьевича Вязниковцева (1661 г. р.). У Никифора Борисовича в семье росло трое сыновей: Дмитрий (1727-1782), Ефим (1730 г. р.) и Михаил (1734 г. р.). Однако в XX столетие удалось протянуть семейную ветку только для потомков старшего сына — Дмитрия. Внук Дмитрия Никифоровича — Сергей Романович

Ил. 17. Юлия Васильевна Гундобина с детьми. Сидят (слева направо): Владимир, Юлия Васильевна с дочерью Евгенией на коленях, Татьяна, Ювеналий, стоит — Геральд. Муром, 1941

дам России. Геральд (семья живет в Иркутске) и Владимир (семья живет в Москве) — получили высшее образование и стали геологами; Татьяна воспитывала детей, а когда они подросли, работала секретарем на станции Муром. Ювеналий работал на заводе им. С. М. Орджоникидзе начальником конструкторского бюро. Младшая дочь — Евгения, реализовала свою мечту детства — закончила курсы скорописи слепым методом и работала телеграфисткой. Родственниками семьи Михаила и Юлии Гундобиных являются и все члены семьи Михайловых — Антоновых — Булановых — Хэрольд.

Род Даниила Федоровича Гундобина

Интересно сложилась судьба потомков калачника Даниила Федоровича по прозвищу Гундобин. Внук Сидорки — Борис Сидорович (1672 г. р.), уже имел портное мастерство и воспитывал единственного сына, Никифора, который после смерти отца был отдан в приемыши в семью Петра Григорьевича Вязниковцева (1661 г. р.). У Никифора Борисовича в семье росло трое сыновей: Дмитрий (1727-1782), Ефим (1730 г. р.) и Михаил (1734 г. р.). Однако в XX столетие удалось протянуть семейную ветку только для потомков старшего сына — Дмитрия. Внук Дмитрия Никифоровича — Сергей Романович

(1773 г. р.), купец третьей гильдии, был женат на Александре Васильевне (1776 г. р.) из старинного муромского купечества и вторично на вольноотпущенной Авдотье Никитичне. У Сергея Романовича было семеро сыновей: Иван старший (1793-1863), Андрей (1800 г. р.), Иван младший (1802 г. р.), Василий (1805 г. р.), Илья (1808 г. р.), Степан (1818 г. р.), Николай (1830 г. р.) и дочь Анна (1795 г. р.). Они жили в деревянном доме, выстроенном сыном Андреем на земле, принадлежащей брату его Степану. Сергей Романович занимался в службах по питейной части³⁴. Старший сын Сергея Романовича, Иван Сергеевич старший, был причислен в Шуйское купечество (в 1851 г. выбыл в мещане), умер и похоронен в Шуе. Он был женат на Федосье Ивановне (1800-1871), имел сына Алексея (1821 г. р.) и дочь Марью (1828 г. р.). Следующий по старшинству сын Сергея Романовича – Андрей Сергеевич, купец третьей гильдии, и трое его сыновей также уехали из Мурома и в 1855 г. записаны в Красноярское купечество³⁵. Его брат Степан Сергеевич приблизительно в 1840 г. переписался в шуйское мещанство, продав при этом дворовую свою землю, доставшуюся ему по наследству после родительницы муромской купеческой жены Александры Васильевны Гундобинной³⁶. Женат Степан был на шуйской мещанской вдове, Евгении Ларионовне (1818-1898), венчание состоялось в Шуе 23 сентября 1840 г. О детях Степана и Евгении пока ничего не известно.

Первым из детей Сергея Романовича в Шуе оказался, по-видимому, Илья Сергеевич Гундобин, муромский купец третьей гильдии. В 1830 г. он написал прошение о причислении его в шуйское купечество, в котором указал, что торговлей в Шуе занимается с давних пор³⁷. Женился Илья Сергеевич в сентябре 1830 г. на шуйской мещанской дочери Марии Федоровне Пряхиной. Какое-то время он служил приказчиком в бакалей-

ной лавке местного купца М. И. Денисова, затем открыл собственное дело. Шуйские жители помнят его как благодетеля, на средства которого в Шуе была построена Никольская церковь, в которой Илья Сергеевич много лет выполнял обязанности церковного старосты. В семье Ильи Сергеевича и Марии Федоровны было четверо детей: дочь Марья и сыновья Петр, Федор, Константин. Марья Ильинична (1841-1900) была выдана замуж за ивано-вознесенского мещанина Ивана Ефимовича Крутовского (1840-1890), а Константин Ильич (1851-1921) в ноябре 1873 г. обвенчался с суздальской купеческой дочерью Марьей Степановной Назаровой. «Второй из братьев, — как пишет в своем исследовании Е. С. Ставровский, — Федор Ильич Гундобин (1847-1919) имел „весомые достоинства и благодетели”». В Шуе он был известен как церковный благотворитель. Более десяти лет был старостой Никольской тюремной церкви, продолжая дело отца. И также, как отец, построил в городе «свой» храм — Александро-Невскую церковь при Шуйском духовном училище. В этом храме он безупречно выполнял обязанности церковного старосты со дня освящения храма в 1885 г. до самой революции, т. е. более тридцати лет. Кроме того, Федор Ильич был большой любитель и знаток лошадей. Известности ему добавило открытие книжной лавки, в которой сначала продавались преимущественно церковные книги, а в начале XX века добавились и русские издания³⁸. Федор Ильич был дружен с братьями Антоном и Николаем Чеховыми, которые навещали в Шуе своих родственников — шуйских купцов. Сближению способствовали не только общие торговые интересы, но и то, что жена Федора Ильича — Анна Ефимовна Журавлева (1848-1912) была дочерью житомирского купца. А. П. Чехов называл Федора Ильича «Мухтарпаша» и говорил: — «Куда Мухтар — туда пойдут и Чеховы»³⁹.

О старшем из купеческих сыновей, Петре Ильиче, в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона сообщается: «Гундобин Петр Ильич (1837-1871 гг.) — рыбинский купец, занимался русскими древностями и составил замечательную коллекцию. Из своих собраний сделал много приношений Императорской публичной библиотеке и археологической комиссии. Писал статьи по археографии»⁴⁰. Коллекционировать и пропагандировать русскую старину Петр Ильич начал в ранней молодости. В 1860 г. во «Владимирских губернских ведомостях» напечатан текст «Первого послания князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному», ранее не привлекавшийся при изучении знаменитой переписки. Подлинник принадлежал двадцатитрехлетнему купцу П. И. Гундобину, который сообщил при этом, что послал подлинник в Императорское общество истории и древностей Российских в Москву⁴¹. В течение своей недолгой жизни (Петр Ильич прожил всего 34 года) он собрал обширную библиотеку и замечательную коллекцию древних русских монет, кубков, блюд, крестов, оружия, серег, перстней, старинной серебряной утвари и икон. В 1859-1871 гг. передал в Императорскую публичную библиотеку в Санкт-Петербурге более 2000 редких книг, рукописей, планов, эстампов, в том числе 123 рукописи XVIII-XIX вв., преимущественно на церковнославянском языке, за что был награжден двумя золотыми медалями и избран ее почетным членом-корреспондентом. Петр Ильич был также членом-корреспондентом Императорского русского археологического общества, членом Русского географического общества и автором значительного количества статей по истории, этнографии, нумизматике, археологии⁴². После смерти вся его богатейшая коллекция досталась жене, дальнейшая судьба коллекции неизвестна. Екатерина Николаевна вторично вышла замуж за Петра Николаевича Первого (1843-1907)

и вторично овдовела. В 1862 г. Петр Ильич Гундобин был перечислен из шуйского купечества в рыбинское. Переехать из Шуи в Рыбинск его заставили не только торговые дела, но и семейные обстоятельства. 9 ноября 1859 г. он обвенчался с дочерью рыбинского купца Екатериной Николаевной Григорьевской (1842-190). В браке Петр и Екатерина назвали двоих сыновей. Младший сын, Александр, умер во младенчестве, а старший — Николай Петрович Гундобин (1860-1908) стал выдающимся русским врачом-педиатром. Умер Петр Ильич 3 марта 1871 г., отпевали его в церкви в честь Георгия Победоносца, и захоронен он на старом Георгиевском кладбище, в ограде семейства Григорьевских⁴³. В энциклопедических словарях и в интернете содержатся статьи о жизни и деятельности Николая Петровича Гундобина, известного врача и педагога, одного из основоположников научной педиатрии и возрастной морфологии⁴⁴.

Другая родовая ветка, идущая от Данилы Федоровича Гундобина, привела нас из Мурома в Оренбург. Потомок рода Виталий Гундобин познакомился с одним из авторов настоящей статьи Н. В. Насоновой через социальные сети в интернете. Выяснилось, что его дед, Николай Алексеевич Гундобин, уехал из Мурома в Оренбург. Николай Алексеевич родился 16 апреля

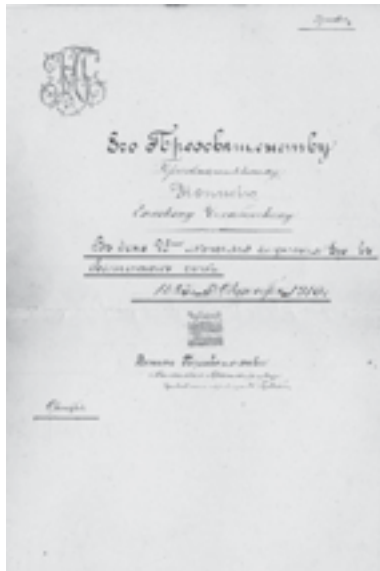
Ил. 18. Николай Алексеевич Гундобин, отец художника Евгения Николаевича Гундобина. Оренбург, 1909-1910

Ил. 19. Личный бланк Н. А. Гундобина как представителя Южно-Уральского Горнопромышленного Акционерного общества. Оренбург, 1911

Н. А. Гундобина, в деревне Пекарь у него родился сын Евгений. Николай Алексеевич выработал у себя каллиграфический почерк, что очень пригодилось ему в жизни и работе. В городе Оренбурге он служил присяжным бухгалтером (аудитором) — представителем Южно-Уральского акционерного общества и золотопромышленников лейтенанта запаса флота В. В. Романова и барона В. В. Меллер-Закомельского. Н. А. Гундобин разработал вид бланка и «товарный знак» общества, в котором он работал, а также свой личный вензель (Ил. 19, 20). В архивах Виталия Гундобина хранятся также различные документы,

1855 года в г. Муроме, в семье Алексея Ивановича Гундобина (Схема 1, ил. 18). В 1909 г. по приглашению крупной золотодобывающей компании Н. А. Гундобин из Мурома со всей своей семьей переехал в город Оренбург, где менял свое местожительство три

Ил. 20. Личный вензель Н. А. Гундобина. Оренбург, 1910

написанные каллиграфическим почерком его деда. Н. А. Гундобин был очень верующим человеком, о чем свидетельствуют многочисленные молитвы и выдержки из Священного писания, принадлежащие его перу. Младший сын Н. А. Гундобина — Евгений Николаевич — стал профессиональным художником. В 1956 г. семья переехала в Москву. Начиная с 1957 года Евгений Николаевич начал активно сотрудничать с министерством связи: рисовал почтовые открытки, марки, посвященные освоению космического пространства и др. Художников, желающих работать в жанре открытки, было немного, поэтому такие открытки Евгения Николаевича Гундобина, как «С Новым Годом!», «Скоро в школу» были популярны и переиздавались не один раз⁴⁵.

¹ Насонова Н. В. Прошлое и настоящее большой семьи города Мурома. — М., 2009.

² Например, Петр Николаевич Гундобин являлся не отцом Ивана Петровича, а двоюродным братом его отца. Он стал одним из опекунов сыновей П. П. Гундобина. Ошибочна дана фотография первой жены И. П. Гундобина.

³ Насонова Н. В. Исследование семейных фотографий Гундобиных-Ягуновых // Сообщения Муромского музея — 2009. — Муром, 2010. — С. 70-75.

⁴ Сотная с писцовых книг Города Мурома 1623/24 г. — Владимир, 2010; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. — Владимир, 2010; Список с переписной книги г. Мурома 1646 г.; Список со стрельной книги г. Мурома 1649 г. — Владимир, 2010.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Onomastikon.ru.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. — М., 1989. — Т. 1. — С. 408.

⁷ В 1554 году по царскому указу Спасо-Преображенский монастырь получил во владение сельцо Кудринское, числившееся за обителью до середины XVII века.

⁸ Сотная с писцовых книг города Мурома 1623/24 г. — С. 104, 156, 163об., 264; Писцовая книга Города Мурома 1636/37 г. — С. 95, 118, 159, 211об.

⁹ Список с переписной книги Города Мурома 1646 г. — Владимир, 2010. — С. 85.

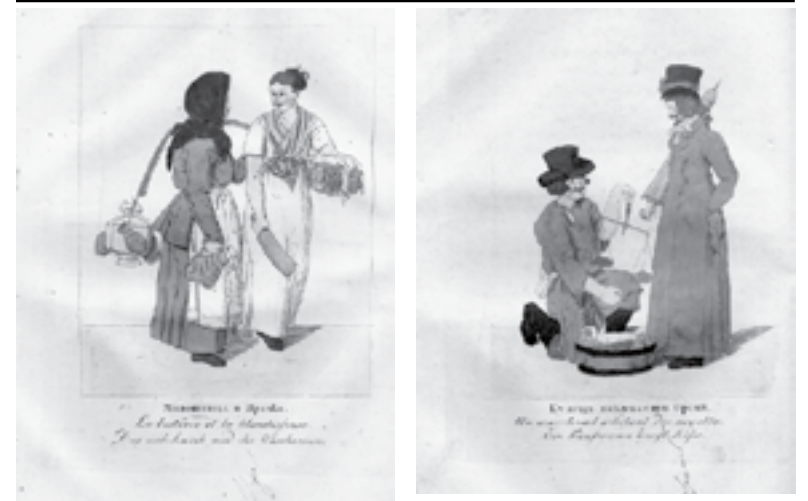
- ¹⁰ Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. — М., 1974.
- ¹¹ К большому сожалению, эти записки до настоящего времени не сохранились.
- ¹² Добрынкин Н. Г. Державные гости города Мурома. — Владимир, 1888. — С. 52-71.
- ¹³ Муромский музей. Инв. № М-917.
- ¹⁴ Муромский музей. Инв. № М-2331.
- ¹⁵ Муромский музей. Инв. № М-911.
- ¹⁶ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 108. — Л. 41.
- ¹⁷ Добрынкин Н. Г. Указ. соч. — С. 78.
- ¹⁸ Журнал Муромской городской думы 18 января 1877 г. // ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 2. — Д. 38. — Л. 88.
- ¹⁹ ГАВО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 138. — Л. 5об., 40.
- ²⁰ ГАВО. — Ф. 398. — Оп. 1. — Д. 225.
- ²¹ Экономические примечания к планам генерального межевания по Муромскому уезду. 1855 // РГАДА. — Ф. 1357. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 11.
- ²² ГАВО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 253б. — Л. 84об; Д. 338а. — Л. 108; Д. 475. — Л. 40об.
- ²³ ГАВО. — Ф. 590. — Оп. 1. — Д. 666. — Л. 36.
- ²⁴ В Муромском музее хранятся два портрета Первовых — родного дяди Татьяны Матвеевны, Карпа Ильича (1793-1837) и его жены Александры Илларионовны (1793 г. р.). Муромский музей. Инв. № М-20664, М-20665.
- ²⁵ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 328.
- ²⁶ ГАВО. — Ф. 77. — Оп. 2. — Д. 571.
- ²⁷ Журнал генеральной проверки торговых и промышленных заведений в г. Муроме в 1874 г. // ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 546. — Л. 11об.
- ²⁸ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 526. — Л. 4.
- ²⁹ ГАВО. — Ф. 394. — Оп. 1. — Д. 527. — Л. 101.
- ³⁰ На обороте иконы имеются следующие владельческие надписи: «1893 года 26 сентября икона написана Въ С Петербургъ Художникомъ П. И. Брусниковымъ. Св. Чудотворца Николая». Заповедь Матери: «Передаю икону угодника Божия Николаю Петровичу молись Ему онъ тебе везде и во всёмъ поможетъ». «Когда носила Колю то видъла во снѣ св. Николая в этомъ видѣ на память его дала имя Никола и написала икону эту». «Сия икона принадлежит Г. А. Гундобиной». Муромский музей. Инв. № М-22360. Передала музею икону москвичка Ольга Андреевна Бурсиан (1943 г. р.). Она является троюродной племянницей Татьяны Констан-

- тиновны Гундобиной (Йордан), матери Михаила Николаевича Гундобина. Кроме иконы О. А. Бурсиан подарила музею некоторые семейные фотографии и картину Николая Петровича Гундобина (сына Петра и Глафиры).
- ³¹ Родоначальники семьи — Матвей Иванович и Ольга Михайловна Зворыкины, а их старшая дочь — Марфа Матвеевна Михайлова (Зворыкина) родная сестра Евдокии Матвеевны Усовой (Зворыкиной).
- ³² Ревизская сказка 1857 года города Мурома Владимирской губернии // ГАВО. — Ф. 301. — Оп. 5. — Д. 764. — Л. 276об.
- ³³ Рукопись. Воспоминания относятся к концу 1950-х гг. Личный архив Н. Д. Антоновой.
- ³⁴ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 108. — Л. 39.
- ³⁵ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 343. — Л. 65.
- ³⁶ ГАВО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 300б. — Л. 57.
- ³⁷ Ставровский Е. С. Чехов и Шуя. — Шуя, 2010. — С. 59.
- ³⁸ Указ. соч. — С. 61.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1883. — Т. 18. — С. 902.
- ⁴¹ Владимирские губернские ведомости. — 1860. — № 43.
- ⁴² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.smolensklib.ru/rf/book/opisan/gundob/htm>.
- ⁴³ Рыбинский некрополь. — СПб., 1998.
- ⁴⁴ Николай Петрович родился в Шуе и после окончания гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1885 г. окончил университет и был оставлен ординатором в клинике детских болезней. В 1888 г. переехал в Петербург, где работал в лаборатории клиники С. П. Боткина. В 1897 г. занял кафедру детских болезней в Военно-медицинской академии, в 1891 г. защитил докторскую диссертацию. В 1906 г. опубликовал капитальный труд «Особенности детского возраста», который в течение многих лет служил основным руководством в области охраны здоровья детей как в России, так и за ее пределами. Был одним из основателей «Союза борьбы с детской смертностью в России» и председателем школьного отдела «Общества охранения народного здравия». Николай Петрович был женат на Марье Семеновне, вероятно, коллеге по профессии, которая была председателем кожного приюта «Вторые ясли» в убежище для беспризорных детей Васильевского отделения в Петербурге. Жили они до смерти Николая Петровича в Эртелевом пер., дом 3.
- ⁴⁵ Семейный архив В. Е. Гундобина.

ДВА ЦЕНЗОРА «ВОЛШЕБНОГО ФОНАРЯ»

«Волшебный фонарь», один из первых в России иллюстрированных журналов, выходил почти два столетия назад. Нам теперь трудно представить себе эпоху без иллюстраций. Разумеется, можно считать иллюстрациями и фрески, и иконы, и картины, и гобелены, и одежду, и посуду. Практически все, что окружало человека, несло изобразительную информацию. Наличие и уровень этой информации зависели от состоятельности пользователя. Появление печатной иллюстрации на бумаге означало резкий шаг к демократизации информации. Но тут-то и стояли на чеку цензоры! Мы еще застали время (советское время), когда каждое печатное слово даже в музее полагалось «залитовать», поскольку слово «цензура» не употреблялось. Никто не любит цензоров. Не любили их и двести лет назад.

«Волшебный фонарь» — аппарат для проекции изображений, изобретенный, вероятно, в середине XVII века и очень распространенный в XVII-XX вв. Он состоит из корпуса с отверстием и/или объективом, в корпусе размещен источник света — свеча, а позднее — электрическая лампа. Изображения, нанесенные на пластины из стекла, проецируются через оптическую систему и отверстие. Печатное издание «Волшебный фонарь» позаимствовало название у популярного аппарата. Представив совершенно новую, почти незатронутую тему о жизни простых людей, оно было обречено на успех. Вот уже почти двести лет исследователи выясняют, кто же все это так удачно придумал. «Волшебный фонарь или зрелище С. Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и пред-

Ил. 1. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Ил. 2. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

ставленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Ежемесячное издание на 1817 год. №№ 1-12. Санктпетербург, в типографии В. Плавильщикова, 1817 года» — так последовательно на русском, французском и английском языках раскрывает содержание титульный лист. Все тексты — также на трех языках. Несколько запоздали № 11 и 12, они вышли в 1818 году. Журнал выходил отдельными брошюрами, которые, как правило, владельцы потом объединяли под одним переплетом. В полном экземпляре должно быть 187 с., 1 л. цветной фронтиспис, 40 л. цветных иллюстраций, 1 л. — не крашенный. Всего 42 иллюстрации. Очень быстро журнал сделался библиографической редкостью, а споры об авторстве литографий и текстов продолжаются до сих пор. Во всех антикварных каталогах он числится как величайшая редкость, «в полном виде даже нет в Имп. пуб. библиотеке. Чертков

Ил. 3. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Ил. 4. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

38 г. стр. 233. Генн. № 239. Верецаг. № 119. Клочк. № 92 (неполн.) — 25 р. Готье № 1104 (неполн.) — 25 р.»¹.

Завод Гарднера выпустил серию фарфоровых фигурок, воспроизводящих персонажи из «Фонаря». Ни в каком другом издании того времени не представлено столько подробностей повседневной жизни. Действительно, будто на экране возникают уличные сценки и разговоры. Вот они первые всплески интереса к повседневности! Автором литографий не без основания считали то А. Венецианова, то его последователя К. Зеленцова. Раскрашивали литографюры вручную и не всегда достаточно аккуратно. Еще более споров было вокруг авторства текстов. Называют и Николая Греча, и Федора Глинку, и Павла Ивановича Петрова, и Петр Вяземский вроде как участвовал. Считали несомненным, что это кто-то, причастный к изданию другого журнала — «Сын отечества», издателем которого был

Ил. 5. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Ил. 6. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Николай Греч. Этот журнал тоже есть в редком фонде библиотеки Муромского музея.

Данное исследование не ставит целью расставить все точки над *i*. Возможные варианты авторства перебрал Евгений Осетров в 1988 году во вступительной статье «Рождение и жизнь „Волшебного фонаря“» к факсимильному изданию². Тем не менее, назовем еще одно имя, тогда не прозвучавшее — Фаддей Булгарин. Вот что пишет Н. Греч в своих мемуарах о Булгарине: «Набрав несколько исторических материалов, стал он издавать „Северный Архив“, печатал в нем статьи интересные, но впадал в страшные промахи, особенно по недостаточному знанию иностранных языков, коверкал имена собственные, смешивал события, и если бы издавал теперь, то не избежал бы обличений и насмешек, но в те блаженные времена, когда печатный каждый лист казался нам святым, и не то сходило с рук.

Ил. 7. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Ил. 8. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

Желая придать сухому журналу более интереса для читающей публики, Булгарин вздумал издавать при нем особые листки, под заглавием „Волшебный Фонарь”, и тут попал в свою колею. Небольшие, вообще сатирические, картины нравов и исторические очерки понравились публике и поощрили его усердие. Занявшись легкой литературой, он оставил ученую, для которой не имел ни основательных познаний, ни особенного дарования. Я помогал ему усердно, особенно сглаживая слог, который отзывался полонизмами и галлицизмами³. Записки составлены через несколько десятилетий после событий, и многое забылось. Отношения были очень испорчены у всех литераторов, можно сказать, со всеми, репутации подмочены. Именно поэтому свидетельство кажется правдивым, иначе зачем бы отдавать авторство столь прославленного журнала одиозному Фаддею Булгарину. И так, несмотря на обильную литерату-

Ил. 9. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Гравюра с пометами цензора

резолуцией цензора — 30 июля 1856 г. Остается предположить, что готовилось переиздание, но не было осуществлено. Кем? Возможно, в архивах Петербургского цензурного комитета можно найти документы. Кто-то должен был обратиться за разрешением. Например, именно в 1850-е годы была издана детская азбука «Крики Петербурга». Цветные иллюстрации и разговоры (крики) персонажей из журнала «Волшебный фонарь» послужили основой этой азбуке. Затем картинки с «криками» повторились в другом издании — наборе карточек, с изображениями и «криками», соответственно буквам русского алфавита. Дети легко угадывали на цветных картинках тех, кого они ежедневно видели и слышали на улицах. Возможно перед этими изданиями «Фонарь» и угодил повторно под цензурный

ру, посвященную изданию, достоверно можно назвать лишь имена его типографа — В. А. Плавильщикова и цензора — И. О. Тимковского.

В редком фонде библиотеки Муромского музея хранится полный экземпляр «Волшебного фонаря»⁴: книга в картонном переплете с зеленым тисненым кожаным корешком, характерным для второй половины девятнадцатого века. Экземпляр этот совершенно уникален — он весь испещрен замет-

ками и зачеркиваниями цензора. Дата под рукописной

колпак. Книга с цензурными пометами оказалась в коллекции графов Уваровых.

Середину XIX века называют эпохой цензурного террора. Сергей Семенович Уваров имел непосредственное отношение к цензурным комитетам по роду своей государственной деятельности. Став министром народного просвещения, С. С. Уваров вел политику ужесточения цензуры, обращая особое внимание на «повременные сочинения», т. е. журналистику, а также на произведения, обращенные к народу, массовой аудитории. Он считал, что дешевая литература препятствует умственному развитию, представляя собой поверхностное чтение, поэтому «необходимо отклонить введение у нас дешевых простонародных журналов». Николай I поддержал министра: «Совершенная истина, отнюдь не дозволять». Если учесть, насколько низок был уровень подобных изданий, то с ним можно и согласиться. Министр народного просвещения граф С. С. Уваров специально встречался с цензорами и, как он выражался, давал им наставления и «личные объяснения». К 1856 году Уварова уже не было ни на каких постах, и вообще не было в живых. Политика же, введенная им, развивалась. По распоряжению нового министра народного просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова в 1850 г. «лубочные картины», не проходившие ранее никакой цензуры, приравнивали «к афишам и мелким объявлениям», подведомственным надзору полиции⁵.

Сын С. С. Уварова, будущий археолог и коллекционер граф Алексей Сергеевич, начинал службу на дипломатическом поприще. С 1853 года он перешел в Кабинет его императорского величества, который возглавил его родственник Перовский. Кабинет ведал личным имуществом русской императорской фамилии и некоторыми другими вопросами, едва ли имевшими

отношение к цензуре. Книга могла попасть в знаменитую уваровскую коллекцию позже как библиографическая редкость.

В нашем экземпляре «Фонаря» зачеркнуто первичное цензурное разрешение, напечатанное, как полагалось, на обороте титульного листа: «С. П. Б. Декабря 19 дня 1816 года. Цензор, Стат. Сов. Кавалер Ив. Тимковский». Это цензор пушкинской поры и самого Пушкина, конечно. Все имена, так или иначе связанные с Пушкиным, не остались незамеченными. В том числе и этому цензору досталось внимания. Иван Осипович Тимковский — петербургский цензор — разрешил к печати семнадцать стихотворений Пушкина, поэму «Руслан и Людмила» и запретил «Русалку». «Как цензор был известен строгостью и мелочной придирчивостью»⁶. Тимковский был интереснейший человек: действительный статский советник, доктор медицины, цензор, директор гимназий и училищ Петербургской губернии. Родился он в 1768 году. Среднее образование получил в Московской университетской гимназии, затем закончил медицинский факультет Московского университета. В 1795 г. был отправлен врачом в Иркутское наместничество. Пробыв здесь полтора года, соскучился и попросил о переводе в Московский военный госпиталь, хотя бы сверх штата и без жалованья(!), что и было удовлетворено. В 1800 году по собственной просьбе переведен в Петербургский «физикат» (врачебная управа) без жалованья, которое стал получать лишь с 1802 года. В 1804 г. назначен петербургским цензором и оставался в этой должности до 1821 года. Жалованье цензора считалось хорошим, но чем же он жил до того? С. Экшкют в книге «На службе российскому левиафану» (М., 1998) отмечает, что служба без жалованья была не редкостью среди дворян. И. О. Тимковский женился на дочери известного морехода Г. Шелихова, получив с приданым хорошее состояние. По больницам работал из инте-

реса. Тимковский заведовал больницами по обеим столицам. В 1810 г. за усердие по службе награжден был бриллиантовым перстнем. Затем занимал еще ряд чиновничьих должностей в сфере образования. Перевел с французского языка сочинение Тиссота «Врач светских людей». Умер в 1837 г., в один год с Пушкиным⁷.

Знал бы о таком трудовом поприще ненавистного цензора Пушкин, когда писал в эпиграммах:

«Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет»⁸

и

«Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!»⁹.

Ага, брат Пушкин! Не так уж плох был Тимковский! Современники подливают масла в огонь! В 1826 году Вяземский ругается в письме к Тургеневу: «Они (цензоры) думают, что Россия только для них сотворена, и они могут смело купаться по уши в грязи. Клянусь честью, что вытащу их за уши из лужи и повешу на крюк. Как ни заступайся за Тимковского, но он первый повиснет, как только разрешится неволя печати. Я знаю, что он по штату должен невежничать, но, по излишнему усердию, он часто порывается и на сверхштатное невежество»¹⁰.

Известный библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский подробно описал, как И. А. Крылов «подготавливал» первое издание своих басен. Подошел он к этому обдуманно и осторожно, все басни предварительно напечатал в «Драматическом вестнике», неоднократно читал их вслух в различных литературных салонах, в гостиних влиятельных лиц, в литературных кружках самых различных направлений. Тем не менее, книга, представленная в цензуру в 1808 году, была задержана цензором

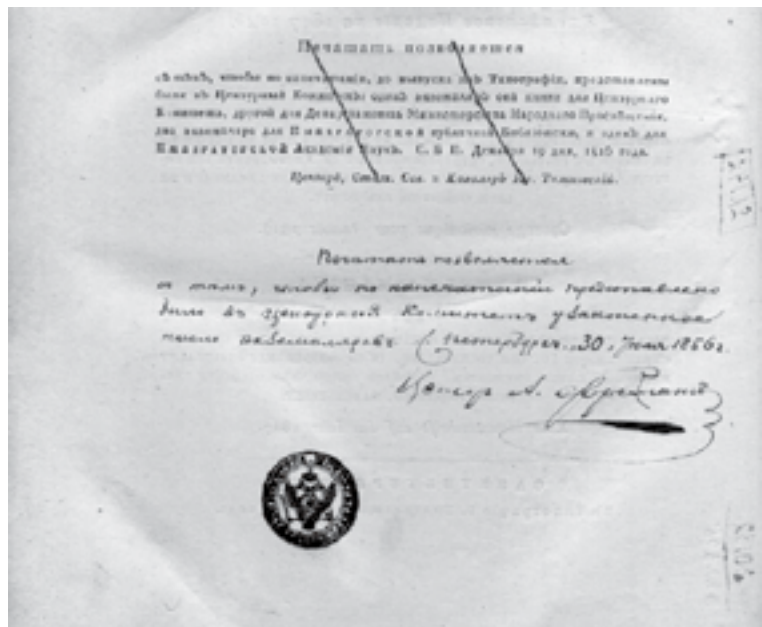
И. О. Тимковским почти на месяц. Басня «Парнас» вызвала резкое возражение цензора, и Крылов несколько раз ее переделывал и переписывал заново. При этом И. О. Тимковский считался приятелем баснописца¹¹.

Однако находим и иные свидетельства. Греч в «Записках» вспоминает историю, как обвиняли А. И. Галича за написанную им «Историю философских систем». Профессора университета разделились на две стороны — белую и черную. Директор училищ Тимковский оказался на белой¹². А в седьмой главе у Греча читаем: «Около 20 сентября приехал ко мне тогдашний начальник мой, Иван Осипович Тимковский, человек самый благородный и добрый, которому я многим в жизни обязан»¹³.

Цензор И. Тимковский в 1808 году так отзывался об оде Державина: «Хлестко, хлестко Гавриил Романович об ином начальстве: „Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами, где должно действовать умом, он только хлопает ушами“, — декламировал он „Вельможу“ издателю Иверсону, выдавая билет на право выпуска в свет очередного номера „Карикатур“. Не в бровь, а в глаз! — Не обиделся бы кто, — покачал головой тот, — уж больно жирен вельможа у Венецианова. А толстых начальников у нас пруд пруди. — Ничего, перетерпят, — закончил Тимковский. — Может, умерят свой аппетит и жрать поменьше будут»¹⁴.

Похоже, и к изданию «Волшебного фонаря» с картинками он отнесся подобным образом. Сатирические нотки порой просвечивают сквозь якобы простонародный разговор.

На титуле книги сверху надпись «№ 637 июня 8 — 1856 года»¹⁵, так крупно, размашисто обычно пишут при регистрации. Наверное, это записан входящий номер Цензурного ведомства. 30 июля цензором уже подписано разрешение. Оперативно — всего два месяца бюрократической канители.

Ил. 10. «Волшебный фонарь». МИХМ. № ММ825, К679. Обрат титульного листа. Фрагмент — резолюция и подпись цензора А. Фрейганга

В 1856 году книга из Цензурного комитета, видимо, вернулась к владельцу с резолюцией о «дозволении печатать», заверенной печатью и неразборчивой подписью цензора. Читается только инициал «А» и конец: «...ганг» — явно нерусская фамилия¹⁶.

На эту загадочную подпись я смотрела неоднократно еще четверть века назад, в полной уверенности, что никогда не узнаю, кто это был. Если б только добраться до архива Цензурного комитета. Но теперь удивительные возможности Интернета расширяют границы поиска. С 1998 г. идет подготовка биобиблиографического справочника «Цензоры России. Конец XVIII — начало XX в.». Это совместный проект семи научных учреждений С.-Петербурга (специалисты различных

вузов и библиотек) по грантам РФНФ. Часть материалов уже опубликована. В аннотированном списке цензоров по дате, инициалу, и окончанию подбираем фамилию — Фрейганг Андрей Иванович (1805-1875). Весьма известная личность. Отличался гонением на литературу и бессмысленным формализмом. Опять ругают!

Происходил он из дворян, лютеранского вероисповедания. Образование получил в Благородном пансионе при Царскомсельском лицее. В 1824-м определен в канцелярию МВД. С 1827 г. занимал должность журналиста. С 1828 г. — в цензурном ведомстве. С 27 апреля 1836 г. по 5 мая 1859 г. — сторонний цензор СПб. Цензурного Комитета¹⁷. О личной жизни находим лишь крупитцы сведений, а деятельность в качестве цензора нашла оценку во многих сочинениях его современников.

Об отношении к нему в кругу литераторов можно судить из письма В. Н. Майкова к А. В. Дружинину (от 14 июня 1857 г.): «Фрейганга, хотя он и не очень свирепствует, все-таки приятно бы было вывести за городскую стену и побить камнями»¹⁸. В автобиографии историк Н. И. Костомаров пишет: «Моего „Богдана Хмельницкого“ я предназначал для печатания в „Отечественные записки“, которые цензуровал Фрейганг. Верный наставлению Дубельта, этот цензор был действительно ко мне очень строг: вымарал множество мест, не представлявших ничего подозрительного, если не прилагать особого желания толковать их с натяжкой в дурном смысле». Для данного расследования особенно любопытна дата — разрешение Петербургского цензурного комитета на печатание сочинения Костомарова было получено после изъятия 120 страниц текста 27 октября 1856, т. е. в том же году подписан наш «Фонарь»¹⁹. Владимир Федорович Одоевский в 1844 г. жаловался в письме С. С. Уварову на «нерасположение» к нему цензоров журналов:

«Северной пчелы» (цензоры А. П. Крылов и А. И. Фрейганг и «Библиотеки для чтения» (А. В. Никитенко)²⁰. Министр в порядке исключения обещал «указать цензорам на возможность превратного истолкования его произведений»²¹.

Работа цензора неблагодарная. Посмотрим, что скажет цензор о цензоре. Александр Васильевич Никитенко, известный писатель, литератор, профессор кафедры русской словесности Санкт-Петербургского университета. Происходил из малорусских крепостных графа Шереметева (дальнего родственника Уваровых), сумел получить университетское образование, работал в различных цензурных учреждениях. Он вошел в историю как автор интереснейшего личного дневника, содержащего живые отклики на множество литературных и общественных событий XIX века. В знаменитом его дневнике наш персонаж упоминается неоднократно (тт. 1-2).

«12 январь 1844 года

Киевский генерал-губернатор Бибиков прислал к министру внутренних дел жалобу на цензуру... „Библиотека для чтения” обвиняется в явном пристрастии к Польше, ...в оскорблении малороссийской национальности словами, что „народ ее составил из беглых польских холопей” ... в самом пагубном антинациональном направлении. Эту жалобу Перовский препроводил к нашему министру; а тот (Уваров. — Т. К.) сделал легкий выговор цензорам Корсакову и Фрейгангу.

14 январь 1844 года

Мы читали в цензурном комитете объяснение цензоров Корсакова и Фрейганга на жалобу Бибикова. Оно написано довольно дельно. Я предложил легкие изменения, которые и были приняты. Цензора опираются на то, что „Библиотека для чтения” изъявила только свое ученое мнение относительно малороссийского народа — мнение, в котором всякий волен.

27 ноября 1852 года

Был вчера у цензора Фрейганга с моей статьей о Жуковском... Он заметил одну фразу, которую, по его мнению, надлежало изменить, или, вернее, не фразу, а два слова: „движение умов”. От Фрейганга я услышал дивные вещи о цензуре: о том, как Елагин не пропускает в физике выражения: „силы природы”; о шпионстве разных прислужников, о тысяче притеснений, каким подвергаются все, кому приходится иметь дело с цензурою. Фрейганг в мое время считался одним из самых мнительных цензоров, теперь же слывет за самого снисходительного.

22 декабря 1852 года

Кончил с Фрейгангом. Он пропустил всю статью, за исключением нескольких мест, которые, нечего делать, пришлось изменить другими. Я, впрочем, почти не спорил, сознавая, что иначе и нельзя по той системе, которой держатся ныне благоразумнейшие цензора вроде Фрейганга. Об остальных и говорить нечего: те не держатся никакой системы и следуют только внушениям страха. Система же первых в том, чтобы угадывать, как могут истолковать данную статью враги литературы и просвещения. Фрейганг откровенно мне в том сознался...

— Ваша статья прекрасна, — между прочим заметил Фрейганг, — она, без сомнения, обратит на себя внимание — тут-то и следует быть строже.

С своей точки зрения он прав, но от того не легче бедному автору.

3 апреля 1855 года

Решено: как скоро государь утвердит инструкцию, отставить нынешних цензоров и определить новых. В этом случае я позволяю себе действовать на пользу общую со вредом для некоторых. Да и надо сказать в самом деле: кто велел этим господам принимать на себя бремя не по силам? Жалованье, вот,

хорошее. А сколько наделано гадостей, глупостей и, что хуже всего, подлостей! Иногда доходит до того, что не чувствуешь ни малейшего сожаления ко всем этим Елагиным, Ахматовым, Пейкерам, Шидловским. Их набрали Ширинский-Шихматов и Мусин-Пушкин. Елагин заведовал конюшнею у Шихматова. Ахматов, казанский помещик, сделан цензором потому, что его начальник ему должен, а Б. ему родственник. Из старых остался один Фрейганг. Он служил еще в мое время и тогда считался самым придирчивым и мелочным цензором, а теперь он лучший, хотя сам нисколько не переменялся к лучшему.

12 февраля 1857 года, вторник

Князь Вяземский, которому теперь поручено главное наблюдение за цензурой, просил меня заняться проектом об ее устройстве, ибо великий хаос в ней. Я повторил ему то же, что сто раз говорил и ему и министру, именно, что тут нужно, прежде всего, сделать три вещи: а) дать инструкции цензорам; б) освободить цензуру от разных предписаний, особенно накопившихся с 1848 года, которые по их крайней нерациональности и жестокости не могут быть исполняемы, а между тем висят над цензорами как дамоклов меч; с) уничтожить правило, обязующее цензоров сноситься с каждым ведомством, которого касается литературное произведение по своему роду или содержанию.

...Для предварительного обсуждения я избрал себе в помощники, за неимением лучшего, Фрейганга²²».

Так что же «вымарал» наш цензор в 1856 году из текста «Волшебного фонаря», уже публиковавшегося в 1817-м.?

На с. 7 речь идет о календаре: «дряхлый 1816 год по двенадцатимесячном **царствовании** /заменен на **господстве**/ вдруг обомрет»; «1817 год по праву наследника мгновенно **вступит на престол** /заменен - **займет место**/»; «Новый царь /заменен - **год**/, как законный наследник...». Здесь все понятно — 2 марта

1855 г. умер царь Николай I, и текст неожиданно стал двусмысленным. Год как новый царь вступил на престол.

На с. 13 — **барин** заменен на **хозяин**, похоже это тонкость — слово «барин» имело уже негативный оттенок.

На с. 31 — зачеркнуто несколько строк, где речь идет о том, что если боярин полюбит какую «**шавель**» (*шваль?* ТБК), та и ворочает всем, «**правдивые то молодцы в зуб целкают...**». Похоже, здесь забота о нравственности — неудобно упоминать о фаворитках.

На с. 45 — «...на начальника пеняют, коли **поколотит** /замена на **пожурят**/»

С. 73 — зачеркнуты строки «**Чи вы крестьяне? — Да и Бог весть чи! И управитель, и сотский, десятский, все командиры да господа**».

С. 88 — «в постот разбирают ли дичь? — Как не разбирать? **Кушают во славу Божию** (последнее предложение зачеркнуто).

С. 104 — убраны упоминания о телесных наказаниях — «...пыль с улицы не вычищу, так из кафтана **выбьют** (заменен - **взыщут**)».

С. 107 — вычеркнуто слово «**вольнодумец**», а на следующей странице — «**вельмож**».

С. 111 — зачеркнуто «**Вот придет время, подавай оброк; вынь да вылож, где хошь возьми, хоть разорвись**».

С. 163 — зачеркнуто «**проклятые басурманы**», видимо цензор расценил как ругательство? Но в другом контексте — «ах пес проклятый» оставил.

На с. 170 — речь о нерадивом работнике, которого завтраком покормили, а он уж выпросил у хозяйки авансом и обед с ужином — «... добрые люди после ужина всегда ложатся спать, так и я тоже сделал». Цензор не оставил эту юмореску

без назидания и дописал: «затем я получил от старосты урок, который нескоро забуду. — И поделом ленивцу! В другой раз не поработав не ходи спать на сено! Прощай!»²³ На том труд цензора и был закончен.

Как расценить эту правку? Текст оригинала не отличается высокой художественностью, да и автор над душой уже не стоит. Так можно и самостоятельность проявить! Если, действительно, готовили издание азбуки для народа на основе Волшебного фонаря, то это может объяснить сделанные правки.

А цензоров никто не любит. Два цензора Волшебного фонаря были и образованные и порядочные, и лавировали между авторами и законом. Любое слово можно истолковать превратно в любые времена, а им, особенно второму, достались строгие эпохи.

¹ Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.raruss.ru/rare-books/621-p-b.html>.

² Волшебный фонарь... Факсимильное издание. — М., 1988.

³ Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М., 2002 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fershal.narod.ru/Memories/Texts/Gretch/Gr-12.htm>.

⁴ Волшебный фонарь. МИХМ. № ММ825, К679.

⁵ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв. — М., 2001 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsetzuraHistory/library_view_bookbc40.html?chapter_num=4&bid=79.

⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л., 1989. — С. 435 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/chr-abc/chr/chr-4351.htm>.

⁷ Гринченко Н., Патрушева Н., Фут И. Цензоры Санкт-Петербурга: (1804-1917) (Аннотированный список) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/grin37.html>.

⁸ Пушкин А. С. Дельвигу: («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...») // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л., 1977. — Т. 2. — С. 32 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v02/d02-032-.htm>.

⁹ Пушкин А. С. Тимковский царствовал — и все твердили вслух... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.-Л., 1947. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 370 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol02/y21-370-.htm>.

¹⁰ Вяземский П. Старая записная книжка. — Л., 1929 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0080-1.shtml.

¹¹ Антикварный каталог // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sales-books.narod.ru/krilov.htm>.

¹² Греч Н. И. Записки о моей жизни. Гл. девятая // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fershal.narod.ru/Memories/Texts/Gretch/Gr-9.htm>.

¹³ Там же. Глава седьмая.

¹⁴ Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. № 3. Тверецкий Краевед. От «вельможи» — к Наполеону. А. Г. Венецианов как автор сатирических рисунков // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vischny-volochok.ru/wika/wika3/wika3-5.php>.

¹⁵ Волшебный фонарь. МИХМ. № ММ825, К679. Титульный лист.

¹⁶ Там же. Оборот титульного листа.

¹⁷ Гринченко Н., Патрушева Н., Фут И. Указ. соч.

¹⁸ Письма к А. В. Дружинину. — М., 1948. — С. 202 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/pisma/gpl/gpl-157-.htm>.

¹⁹ Автобиография Н. И. Костомарова. — М., 1922 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ukrstor.com/ukrstor/kostomarov_avtobiografiya-x.html.

²⁰ Одоевский. Письмо С. С. Уварову // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/odoevskiy-russkienochoi/odoevskiy-russkienochoi.html#sect004006>.

²¹ Письмо (ответ Одоевскому. — Т. К.) Уварова; впервые напечатано: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 г. — СПб., 1895. — С. 53-55 (приложение) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/odoevskiy-russkienochoi/odoevskiy-russkienochoi.html#sect004006>.

²² Никитенко А. В. Записки и дневник. — М., Захаров, 2005 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib10.ru/russian_classic/nikitenko_av/dnevnik_tom_3.10512.

²³ Волшебный фонарь. МИХМ. № ММ825, К679. Указанные в тексте страницы.

С. С. УВАРОВ В ДНЕВНИКАХ ЦЕНЗОРА А. В. НИКИТЕНКО: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Александр Васильевич Никитенко (1805-1877) – весьма заметная фигура в русской культуре XIX столетия. Историк литературы, доктор философии (1836), профессор Петербургского университета, действительный член Академии наук (1855), редактор журналов «Сын Отечества» (1839-1841), «Современник» (1847 – нач. 1848), «Журнал Министерства народного просвещения» (кон. 1850-х); газеты «Северная почта» (1862) и других изданий; читал лекции по русской словесности в Римско-католической духовной академии; был членом, а потом (1857) председателем Театрального комитета; автор нескольких историко-литературных и критических работ, которые, однако, не снискали ему известности. В истории русской литературы А. В. Никитенко остался, прежде всего, как цензор, сравнительно просвещенный и либеральный. Его существенные заслуги перед литературой были скрыты в министерских кабинетах и цензурных комитетах. Соответственно,

Ил. 1. Л. Н. Сальников. Портрет графа Сергея Семеновича Уварова. Монохромная финифть на меди. 12,2x10 см. XIX в. Муромский музей. М-4733 (ММ-26846)

Ю. М. Смирнов. С. С. Уваров в дневниках цензора А. В. Никитенко

оценки его заслуг в глазах современников значительно разнились. А. С. Пушкин, характеристикам которого в силу его холерического темперамента и постоянных проблем с цензурой я бы не стал особо доверять, в письме к П. А. Плетневу обзывает Никитенко «лягающим осленком»¹, А. Ф. Кони называет его «умным, благородным и довольно стойким»².

Происходил Никитенко из малорусских крепостных графа Шереметева, хлопотами В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, князя Е. П. Оболенского, министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына в 1824 году получил вольную, что дало ему возможность поступить в университет. Позже едва не поплатился жизнью за знакомство с декабристами; как цензор подвергался арестам и заключению на гауптвахту. В течение нескольких десятилетий, с четырнадцатилетнего возраста, Александр Васильевич вел дневники, носившие характер повседневных записок, трехтомное первое издание которых вышло в 1893 году. Едва ли стоит говорить, сколь ценным источником являются эти дневники, на страницах которых по горячим следам запечатлены слова и образы десятков деятелей русской культуры XIX столетия³. Нашлось место в заметках и Сергею Семеновичу Уварову, что объясняется очень просто: в 1833-1849 годах Никитенко служил в Петербургском цензурном комитете и был в подчинении Уварова, периодически встречался с ним по разным служебным делам.

Сергей Семенович Уваров (1786-1855) – видный государственный деятель России XIX века. Он родился в семье адъютанта князя Г. А. Потемкина, а его приемницей была императрица Екатерина II. Отец умер, когда Сергею было два года, и мать, не имея средств на воспитание сына, отдала его с братом сестре, в замужестве кн. Куракиной. Получил прекрасное домашнее образование и уже в 15 лет поступил

на службу в Коллегию иностранных дел. В 1803 году пожалован камер-юнкером, в 1806 стал дипломатом при Венском дворе, а затем (1809) определен в секретари русского посольства в Париже, однако не воспользовался должностью из-за материальных затруднений. Позже служил попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и членом Главного правления училищ (1810-1821), президентом императорской Академии наук (1818-1855), директором департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов и членом Совета министров (1822-1824), сенатором и членом Государственного совета (1826), товарищем, а затем исполняющим дела министра народного просвещения (1833), и, наконец, министром народного просвещения, председателем Главного управления цензуры (1834-1849). Из-за несогласия с политикой, проводимой правительством в отдельные периоды, дважды уходил в отставку (1821 и 1849). В 1846 году «за особые заслуги и высокие достоинства» пожалован «титлом Сиятельного графа с нисходящим потомством».

Не касаясь мировоззрения и политических взглядов С. С. Уварова, отмечу только то, что было сделано им на высоких государственных постах.

Тридцать семь лет находясь на посту президента Академии наук, Уваров коренным образом преобразовал ее деятельность, а созданная им структура сохраняется до сих пор. Он добился увеличения числа академиков и избрания в члены академии европейских ученых; при нем были основаны новые подразделения и программы: Пулковская обсерватория, исследования в области русской истории и языкознания, для чего в 1829 году была создана Археографическая экспедиция, также существующая поныне. В 1810 году Уваровым был предложен проект создания Азиатской академии наук, поскольку Восток он счи-

тал «колыбелью человечества». Хотя проект и не был принят, создание при учебных заведениях нескольких кафедр — персидской и арабской словесности, в академии — отделения востоковедения и «Азиатского музеума», затем отделения восточных языков (позже преобразовано в факультет) в Петербургском университете, ориентация на востоковедение Казанского университета, способствовало тому, что Россия стала одним из крупнейших мировых центров по изучению Востока.

Во главе министерства народного просвещения С. С. Уваров прослужил почти шестнадцать лет, «наследовав» пост своего тестя — А. К. Разумовского, создав за эти годы фундамент российского образования, в т. ч. университетского. При нем были открыты два новых университета — в Санкт-Петербурге и Киеве, молодых ученых и преподавателей вновь стали посылать за границу. В университетах начали издавать «Ученые записки», в которых не печатали политических новостей и «литературных ругательств», они выступали «как чистейший источник познаний и сведений». Во всех университетах были открыты кафедры по русской и всемирной истории, истории и литературе славянских наречий, поскольку Уваров считал, что преподавание истории есть дело государственное: «История образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей». Большое значение Уваров придавал созданию условий для обучения в университетах выходцев с национальных окраин империи — татар, бурят, калмыков, уроженцев Кавказа, дабы «юноши разных концов единого великого Отечества могли видеть друг в друге ближайших сограждан».

Система управления учебными округами была централизована, и в нее включены учебные заведения всех ступеней (приходские, уездные, гимназии, университеты); начало осу-

ществляться реальное образование, в уставы гимназий и университетов внесены изменения; были созданы казенные начальные школы для евреев. Первым из министров народного просвещения стал публиковать свои отчеты в основанном «Журнале Министерства Народного Просвещения».

Слыл одним из образованнейших людей своего времени. Знал семь новых и древних языков, на четырех публиковал свои научные труды по филологии и античности, а их было более двадцати, и они принесли ему заслуженный авторитет в российской и европейской науке. Один из создателей литературного общества «Арзамас». Избран почетным членом Императорской академии наук (1811), Российской академии (1828), многих ученых обществ России: Московского императорского общества сельского хозяйства (1818), Любителей российской словесности при Московском императорском университете (1818), Истории и древностей российских (1823), Одесского общества истории и древностей (1839), Киевского императорского университета св. Владимира (1844), Императорского русского географического общества (1845). Являлся почетным членом ученых обществ практически всех европейских стран: Национального института Франции, Королевского общества наук в Геттингене и Копенгагене, Королевского исторического общества в Мадриде, Французской Академии надписей и словесности и проч., а также Историко-географического общества Бразилии. Дружил с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, состоял в переписке с европейскими знаменитостями – И. Гете, Г. Штейном, К. Поццо ди Борго, А. и В. Гумбольдтами, Ж. Сталь.

С. С. Уваров собрал большой архив документов по истории России, значительную коллекцию памятников античного и западноевропейского искусства, библиотеку в двенадцать

тысяч томов, которые наследовал его сын и передал в Российский исторический музей. После революции собрание было расформировано: большая часть книг поступила в Государственную публичную историческую библиотеку (где хранится отдельным фондом), антики и образцы западноевропейского искусства были переданы в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а русские древности остались в Государственном историческом музее. По инициативе Уварова на русский язык размером подлинника были переведены древнегреческие эпические поэмы Гомера «Илиада» (Н. И. Гнедич) и «Одиссея» (В. А. Жуковский).

Уйдя в отставку, в 1853 году в Дерптском университете защитил магистерскую диссертацию о происхождении болгар; до последних дней трудился над докторской диссертацией.

Однозначной оценки своих современников ни личность, ни деятельность Уварова не получили. М. М. Сперанский называл его «первым русским образованным человеком». Н. И. Греч, саркастически оценивая либеральную речь Уварова при вступлении в должность президента Академии наук, заметил, что впоследствии он «сам себя посадил бы в крепость». С. М. Соловьев в характеристике Уварова также отмечал его противоречивость: «В этом человеке способности сердечные нисколько не соответствовали умственным... При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще-умном, поражали, однако, крайнее самолюбие и тщеславие... Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками»⁴.

Именем С. С. Уварова назван минерал из группы гранатов – уваровит⁵.

В советское время деятельность С. С. Уварова практически

не изучалась, но за провозглашенную им формулу «Православие. Самодержавие. Народность» получила однозначно одиозную оценку, хотя, с одной стороны, она была лишь парафразом более старого лозунга «За веру, царя и отечество», а с другой, если повнимательнее присмотреться, ее плохо спрятанные уши торчат, например, из проповедуемого большевистской идеологией принципа социалистического реализма⁶. Только в последние десятилетия заслуги С. С. Уварова были более-менее объективно оценены, а его триаду известный русский советский философ А. В. Гулыга назвал «формулой русской культуры». Собственно, и в структуре современной российской идеологии просматриваются типологические черты уваровской концепции.

Из семидесяти пяти авторских листов, составляющих дневники А. В. Никитенко, почти лист занимают эпизоды, прямо отсылающие к С. С. Уварову. Даже если судить только по тому, как Никитенко называет Уварова — министр (79 раз), министр Уваров (2 раза), Уваров (30 раз), граф Уваров (5 раз), ни разу не назвав его по имени отчеству — отношения между ними не выходят за рамки отношений начальник — подчиненный. Разумеется, автор дневника не ставил целью написать очерк жизни и деятельности своего начальника или дать его законченный психологический портрет. В записках за 1834-49 годы Сергей Семенович проходит в черед других, совершенно различных по своей роли и значимости, деятелей эпохи. Поэтому вполне понятно, что записки не носят систематического характера в отношении Уварова: автор по несколько месяцев может не находить чего-либо достойного быть помещенным в дневник; может вкратце описать какие-либо ситуации, не вдаваясь в контекст и взаимоотношения их участников, ибо автору заметок это и без того известно; может зафиксировать отдельные выражения или законспектировать более пространные тира-

ды Уварова; может дать свою оценку каким-либо словам или действиям, порицая или сочувствуя. Маргиналии такого рода не позволяют создать полноценный образ Сергея Семеновича. Разумеется, что многие замечания касаются литературной жизни и состояния цензуры. По сути, каждая из этих ремарок может послужить поводом для отдельного исследования.

Время, на которое приходится служба Никитенко в цензурном комитете, характеризуется острой борьбой между славянофилами и западниками. К тому же еще свежи были воспоминания о восстании на Манежной и напуганность вольнолюбивыми идеями декабристов. С. С. Уваров, несмотря, а может, и благодаря тому, что был воспитан на французский манер аббатом Мангеном, что в молодости имел опыт европейской жизни, по своему мироощущению, тем не менее, был гораздо ближе к первым.

8 августа 1834 года, всего через несколько месяцев после вступления С. С. Уварова в должность, Никитенко делает такую запись: «Министр Уваров сегодня был в ударе говорить. Привожу целиком монолог, который он произнес: „Мы, то есть люди XIX века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере, теперь еще, кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. Я знаю, чего хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и на которой состою стражем — нет, не удастся. Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я испол-

ню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория; я надеюсь, что это исполню. Я имею на это добрую волю и политические средства. Я знаю, что против меня кричат: я не слушаю этих криков. Пусть называют меня обскурантом: государственный человек должен стоять выше толпы»⁷. В этой тираде заключено цензорское кредо Уварова, которым он руководствовался на посту министра народного просвещения.

Почти через десять лет, 21 декабря 1843 года, Никитенко записывает слова Уварова, переданные ему князем Г. П. Волконским. Министр, рассерженный очередным цензурным скандалом, «хочет, чтобы, наконец, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мере, будет что-нибудь определенное, а главное, — говорил он, — я буду спать спокойно»⁸. Одной этой фразы — слава Богу, она была произнесена в приватной беседе, — достаточно, чтобы на веки вечные заработать клеймо реакционера. Однако трудно представить, что столь обскурантистскую позицию занял человек, сам не чуждый науке, много сделавший для ее становления в России, а просвещение считавший наиважнейшим государственным делом. Взятая вне социально-политического и бытового контекста эта фраза прочитывается именно так, но вместе с тем в ней чувствуется накопленное раздражение человека, которому постоянно приходится урезонивать слишком ретивых, по его разумению, литераторов. Несколько позднее (8 мая 1845 года) Никитенко отметит, что министр много говорил «о дурном, грязном и торговом» направлении нашей литературы⁹. Судя по записям Никитенко, Уваров не делает существенного различия между представителями различных по социальной направленности литературных течений. Для него равно одиозны А. С. Пушкин с Н. А. Полевым и П. А. Плетневым, с одной стороны, и О. И. Сенковский, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин — с другой,

в том случае, если они, по мнению Уварова, угрожают спокойствию государства. О Грече, например, он судил «очень резко: „Я имею... такое повеление государя, которым могу в одно мгновение обратить его в ничто. Вообще эти господа не знают, кажется, в каких они тисках, и что я многое смягчаю еще в том, что они считают жестоким”»¹⁰.

Соответственно, и нападкам Уваров подвергался с двух сторон — и со стороны тех, кого мы привыкли считать прогрессивными литераторами, и со стороны реакционеров.

Январь 1834 г. «На Сенковского, наконец, воздвиглась политическая буря. Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением „Библиотеки для чтения”» (журнал, издаваемый О. И. Сенковским. — Ю. С.). Приказание это такого рода, что если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писаря, чем оставаться в литературе. Министр очень резко говорил о его „полонизме”, о его „площадных остротах” и проч. Присмотрев во мне желание возражать, министр круто повернул разговор и немедленно затем отпустил меня. Говоря по совести, я решительно не знаю, чем виноват Сенковский как литератор. Безвкусием? Но это не касается правительства. Он не хвалит никого, а больше бранит, впрочем, его сатира общая. Конечно, не могу поручиться за патриотические или ультрамонархические чувства его. Но то верно, что он, из боязни ли или из благоразумия никогда не выставляет себя либералом. Но чему тут удивляться?... Опять те же речи насчет Сенковского. Я говорил в пользу Смирдина, стараясь отклонить беду от его журнала, который все-таки что-нибудь да значит в кругу нашего жалкого образования, или, вернее, полуобразования. Министр сказал, что наложит тяжелую руку на Сенковского. Кажется, ему хочется, чтобы тот отказался от редакции... Сенковский,

наконец, принужден был отказаться от редакции „Библиотеки”. Впрочем, это только для виду. По крайней мере, он по-прежнему заведует всеми делами журнала, хотя и напечатал в „Пчеле” („Северная Пчела” — журнал Ф. В. Булгарина. — Ю. С.) свое отречение. В публике много шума от этого. Недоброжелатели Уварова сильно порицают его. Он, действительно, в этом случае поступил деспотически. Разнесся нелепый слух, что он меня назначает на место Сенковского. Благодарю покорно!»¹¹

Апрель 1834 г. «„Московский „Телеграф” (журнал, издаваемый Н. А. Полевым. — Ю. С.) запрещен по приказанию Уварова. Государь хотел сначала поступить очень строго с Полевым. — „Но, — сказал он министру, — мы сами виноваты, что так долго терпели этот беспорядок”.

Везде сильные толки о „Телеграфе”. Одни горько сетуют, „что единственный хороший журнал у нас уже не существует”.

— Поделом ему, — говорят другие: он осмеливается бранить Карамзина. Он даже не пощадил моего романа. Он либерал, якобинец — известное дело и т. д., и т. д...

Министр долго говорил о Полевом, доказывая необходимость запрещения его журнала.

— Это проводник революции, — говорил Уваров, — он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России. Я давно уже наблюдаю за ним; но мне захотелось вдруг принять решительных мер. Я лично советовал ему в Москве укоротиться и доказывал ему, что наши аристократы не так глупы, как он думает. После ему был сделан официальный выговор: это не помогло. Я сначала думал предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить с публикою — это правительство всегда властно сделать и при том на основаниях вполне юридических: ибо в правах русского гражданина нет права обращаться письменно

к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет. Впрочем, — продолжал он, — известно, что у нас есть партия, жаждущая революции. Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их. Но, да знают они, что найдут всегда против себя твердые меры в кабинете государя и его министров. С Гречем и Сенковским я поступил бы иначе: они трусы; им стоит пригрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой — я знаю его: это фанатик. Он готов претерпеть все за идею. Для него нужны решительные меры. Московская цензура непростительно слаба»¹².

Август 1834. «Ездил к министру с докладом по цензуре. Сенковский хочет напечатать в „Библиотеке для чтения” статью о Фридрихе Великом, где говорится, что этот государь основал новую форму правления в Европе — военное самодержавие, что это форма есть наилучшая, в особенности для России, в которой она и осуществляется с таким успехом.

Эту статью, как политического содержания, надлежало представить министру. Он велел исключить в ней все, относящееся к России»¹³.

Октябрь 1836. «Ужасная суматоха в цензуре и в литературе. В 15-м номере „Телескопа” (издатель Н. И. Надеждин. — Ю. С.) напечатана статья под заглавием „Философские письма”. Статья написана прекрасно. Автор ее Чаадаев. Но в ней весь наш русский быт выставлен в самом мрачном виде. Политика, нравственность, даже религия представлены как дикое, уродливое исключение из общих законов человечества. Непостижимо, как цензор Болдырев пропустил ее... Журнал запрещен...

Я сегодня был у князя. Министр крайне встревожен... Думают, что это дело тайной партии»¹⁴.

Октябрь 1845. «Министр Уваров страшно притесняет журналы. На днях „Литературной газете” (с 1840 года поочередно

редактировалась А. Краевским, Ф. А. Кони, Н. А. Полевым. — Ю. С.) не позволено выходить по три раза в неделю (не изменяя ни на йоту программы) и переставлять статьи с одного места на другое, например, печатать повести под чертою, в виде фельетона и т. д., хотя все это позволялось или, лучше сказать, не замечалось прежде, потому что не заслуживает замечания. Конечно, всему этому можно привести важные государственные причины. У нас чрезвычайно богаты на государственные причины»¹⁵... — иронизирует Никитенко.

В отношении цензуры западных авторов Уваров был не менее строг. Апрель 1834. «Был сегодня у министра. Докладывал ему о некоторых романах, переведенных с французского.

„Церковь Божьей Матери” Виктора Гюго он приказал не пропускать. Однако, отзывался с великой похвалой об этом произведении. Министр полагает, что нам еще рано читать такие книги, забывая при этом, что Виктора Гюго и без того читают в подлиннике все те, для кого он считает это чтение опасным. Нет ни одной запрещенной иностранною цензурою книги, которую нельзя было бы купить здесь, даже у букинистов. В самом начале появления „Истории Наполеона” сочинения Вальтер-Скотта, ее позволено было иметь в Петербурге всего шести или семи государственным людям. Но в это же самое время мой знакомый Очкин выменял его у носильщика книг за какие-то глупые романы. О повестях Бальзака, романах Поль де Кока и повестях Нодье он приказал составить для него записку»¹⁶.

Ужесточить цензуру С. С. Уваров пытался практически всю свою бытность министром. Его положение при дворе не было стабильным и нередко напрямую зависело от того, что происходит в цензуре, поэтому в некоторых случаях его манипуляции с цензурою выглядят не только как попытки оправдаться, но и как потуги на расширение и упрочение своей власти.

Декабрь 1844. «Неожиданная, нелепая мера министра народного просвещения. В цензурном комитете получена от него бумага, в которой он объявляет, что „действительно нашел в журналах статьи, где, под видом философских и литературных исследований, распространяются вредные идеи”, и потому он предписывает цензорам „быть как можно строже”. Повторяется также приказание бдительнее смотреть за переводами французских повестей и романов... Министр объявил также, что он будет карать цензоров беспощадно. Приятная перспектива»¹⁷.

Июнь 1846. «Распоряжение министра: хотя французские романы и повести, печатаемые в иных журналах, до такой степени переделываются в русских переводах, что в них не остается ничего вредного, однако, лучше не допускать их вовсе — за чем предписывается цензорам строго смотреть. Да и вообще не должно разрешать печатания никаких переводов иначе, как представляя предварительно каждый перевод попечителю, от усмотрения коего будет зависеть, пропустить его или нет. Другими словами: цензора уже не рассматривают этих произведений, цензурный комитет отменяется и высочайший закон больше не существует.

Я ездил объясняться к Комовскому и намеревался поехать от него к министру, но увидел из беседы с первым бесполезность этого. Был, однако, у попечителя, говорил ему о нарушении устава и о невозможности исполнить предписание министра. Он согласился с этим. Тогда просил его объявить о том в комитете, — что он и сделал. Итак, положено не исполнять предписания министра и все оставить по-прежнему»¹⁸.

Август 1839. «В цензурном уставе есть статья, в силу которой книги нравственного содержания, хотя бы и основанные на Св. Писании и подкрепленные текстами из него, пропуска-

ются светскою цензурою. В духовную же отсылаются только догматические и церковно-исторические. Теперь мы получили от министра предписание, основанное на отношении св. синода, чтобы все сочинения „духовного содержания, в какой бы то мере ни было“, отсылались в духовную цензуру... Я просил князя Волконского сделать об этом представление министру. Он сделал уже. Мы спрашиваем: „Чему должно следовать — новому распоряжению или высочайше утвержденному тексту цензуры“»¹⁹?

Декабрь 1842. «Гоголь и Даль пишут повести, а первый и комедии, в которых нападают на современные гадости... теперь все это сделалось преступным и запретным. Комитет поручил мне составить представление министру о затруднениях, в каких он находится: он просит наставлений и руководства... Все дни занимался сочинением представления министру. Комитет одобрил его, князь (Волконский) тоже»²⁰.

Декабрь 1843. «Булгарин подал донос на цензуру, на попечителя, князя Волконского, и на самого министра. Вот в чем дело. В прошедший вторник, в заседании цензурного комитета, положено озаботиться прекращением ругательств, которыми осыпают друг друга журналисты, особенно Булгарин и Краевский. В самом деле, это, так называемая, полемика часто доходит до отвратительного цинизма. Так, например, в одном из последних номеров „Северной Пчелы“ Булгарин объявляет, что Краевский унижает Жуковского, несмотря на то, что Жуковский автор нашего народного гимна: „Боже, царя храни“. Что это, как не полицейский донос? Князь Волконский велел решение комитета сообщить Булгарину не официально, а в виде предостережения, чтобы тот больше не трудился писать таких мерзостей, ибо цензура будет безжалостно вымарывать их. Впрочем, это распоряжение касается всех журнали-

стов-ругателей. По этому-то поводу Булгарин написал князю Волконскому дерзкое и нелепое письмо. Он, между прочим, пишет, что: „существует партия мартинистов, положивших себе целью ниспровергнуть существующий порядок вещей, и что представителем этой партии являются „Отечественные Записки“; цензура явно им потворствует“. К этому присоединил несколько и весьма неудачных выписок из „Отечественных Записок“ — совершенно невинных. В заключение он говорит князю: „Но с того времени, как вы председательствуете в комитете, попускаются вещи посильнее и почище этих“.

Далее он упрекает министра в том, что тот не видит, что делается у него под носом, давая понять, что он или простак, или покровитель либерализма; требует следственной комиссии, перед которой предстанет как „доноситель“ для обличения партии, колеблющей веру и престол; будет просить государя разобрать это дело, а если государь не вникнет в это, или до него не дойдут его, Булгарина, изветы, то он будет просить прусского короля довести до сведения государя все, что угодно будет ему, Булгарину, сказать в ограждение его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой: „Я не позволю, чтобы на меня, как на собаку, надевала цензура намордник“.

Так как это письмо заключает в себе формальный донос о важном государственном деле — цареву слово и дело — то князь Волконский препроводил его к министру, а министр, при своем отношении, официально препроводил его к Бенкендорфу. Ожидаем последствий.

Князь Григорий Петрович Волконский вчера в цензурном комитете говорил следующее по поводу дела Булгарина. Министр сделал представление государю о необходимости дополнить и изменить цензурный устав. В нем будто дано мало

средств для обуздывания литераторов, особенно журналистов. Он ссылается на попечителя, который будто бы требует его помощи, а министр сам имеет мало возможности делать что-нибудь решительное. Очевидно, Уваров хотел расширить свою власть. Говорят, он просил, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, как скоро в них найдется что-нибудь бранное.

Государь отвечал, что цензурный устав достаточен и что, следовательно, нет никакой надобности дополнять его, а еще менее изменять. „У цензоров довольно власти, — сказал он, — у них есть карандаши: это их скипетры”. За испрашивание же помощи велел сделать строгий выговор князю Волконскому, потому что эту помощь он должен бы найти в своих правах.

Тут что-то много темного. Кажется, князь заранее условился с государем дать делу такой оборот... Хорошего в этом — что цензурный устав остается неприкосновенным. В противном случае, Бог знает, к каким еще стеснениям мог бы повести пересмотр его в настоящее время.

В заключение, что выиграл или проиграл Булгарин своим доносом — неизвестно. Князь сказал, что тут есть подробности, которых он не может объявить.

Самое интересное в этих новых распоряжениях министра то, что они как бы совершенно оправдывают донос Булгарина на него самого, на князя Волконского и на всех нас.

Говорят, что государь, прочитав письмо Булгарина, отдал его Бенкендорфу со словами: „Сделай так, что бы я, как будто, об этом ничего не знал и не знаю”²¹.

Январь 1846. «В последних числах декабря кончил большое дело, возложенное на меня министром народного просвещения, и которому я без перерыва посвятил два последние месяца прошлого года. Это „Проект изменений и дополнений к цензур-

Ю. М. Смирнов. С. С. Уваров в дневниках цензора А. В. Никитенко
ному уставу”. Министру, кажется, хочется издать новый устав — в каком духе, понятно. Я решился, насколько возможно, помешать этому и собрал все доводы, чтобы доказать необходимость сохранить ныне существующий устав, который, по настоящим временам все таки меньшее зло из массы тяготеющих над нами зол. Надо было и комитет склонить к тому же. В прошедшую пятницу состоялось совещание о моем проекте: принят с весьма незначительными изменениями»²².

Май 1846. «Сегодня я получил от министра через попечителя секретное предписание следующего содержания: „Рассматривая появляющиеся в повременных изданиях сочинения об отечественной истории, я заметил, что в них нередко вкрадываются рассуждения о вопросах государственных и политических, которых изложение должно быть допускаемо с особою осторожностью и только в пределах самой строгой умеренности. Особенного внимания требует тут стремление некоторых авторов к возбуждению в читающей публике необдуманных порывов патриотизма, общего или провинциального, становящегося иногда, если не опасным, то по крайней мере неблагоприятным по тем последствиям, какие он может иметь”. В заключение предписывается иметь строго наблюдение и проч.»²³

Интриги высшего света, борьба за власть и влияние в обществе и при дворе заметно сказывались на поведении С. С. Уварова, который принимал решения иногда и во вред делу, исходя из личных интересов и руководствуясь личными симпатиями. Никитенко не акцентирует на этом внимание, хотя время от времени проскальзывает его раздражение по этому поводу.

Март 1844. «Князь Волконский заключил мир с Уваровым при посредничестве князя Дондукова. Итак, он остается у нас попечителем, чему все рады, особенно я»²⁴. (Нежные отношения Уварова и Дондукова, которого министр продвигал на высо-

кие должности, не соответствующие его способностям, не были секретом в обществе. Впрочем, в XIX веке нетрадиционные отношения между мужчинами в российском светском обществе и в армии были делом привычным: их обсуждали, но не осуждали²⁵. — Ю. С.).

Декабрь 1844. «Граф Уваров сбросил графа Строгонова с места попечителя в московском университете. Строгонов отомстил ему в марте, представив государю записку о либерализме, коммунизме и социализме, господствующими в цензуре и во всем министерстве народного просвещения, так что граф Уваров сам едва удержался на месте. В сентябре он ездил в Москву. Тамошнее „Общество истории и древностей“, состоящее под председательством Строгонова, занималось в это время печатанием в русском переводе записок Флетчера. Издание это предпринято на основании статьи цензурного устава, разрешающей печатать без исключения предосудительных для России мест все, что пишется и писалось о ней до водворения дома Романовых. Граф Строгонов лично разрешил записки Флетчера, в которых невыгодно говорится об Иоанне IV, Феодоре и о разных обрядах нашей церкви, что, впрочем, давно уже напечатано в записках Бера. Шевырев, некогда ухаживающий за Строгоновым, теперь представил министру, как неблагоприятно в данную минуту печатать Флетчера и как дурно делает Строгонов, допуская это. И как то всегда бывает на Святой Руси, он подкреплял свое представление заверениями в собственной преданности и усердии...

Уваров приказал остановить печатание и довел это до сведения государя. Последовало повеление: объявить графу Строгонову строжайший выговор через московского генерал-губернатора. Этот неслыханный случай с генерал-адъютантом. Говорят, Закревский не поцеремонился и послал к графу

Строгонову квартального надзирателя, с приглашением явиться к нему для получения выговора.

Но дело не в этом: „иже мерою мерите, возмерится и вам“. Строгонов, по выражению Гоголя, „нагадил“ Уварову, Уваров — Строгонову... Но за что погибла книга Флетчера — книга полезная для нашей истории? За что пострадал секретарь общества Бодянский, которого велели удалить в Казань? За что парализовано „Общество“, оказавшее немало услуг науке?...»²⁶

Февраль 1849. «Недавно был у меня князь М. А. Оболенский, начальник московского архива, и рассказывал мне о подвигах Шевырева и Погодина, чтобы выслужиться перед графом Уваровым: как они подвизались против графа Строгонова, как подавали донос о печатании Флетчера, как пострадало от того „Общество истории и древностей“ ... и пр.»²⁷

Некоторые подробности этой интриги изложены в книге С. А. Белокурова «„Дело Флетчера“ 1848-1864 гг.», вышедшей в 1910 году. В ней, в частности, версия конфликта изложена и со стороны, противной С. С. Уварову. Ф. И. Буслаев, близко сотрудничавший со Строгановым, рассказывает в своих «Воспоминаниях»: «Издавна граф Строганов был в непримиримой вражде с графом Сергеем Семеновичем Уваровым, и если мог действовать в управлении Университетом и Учебным округом вполне самостоятельно и независимо от его министерских предписаний, то лишь благодаря милостивому расположению, которым всегда пользовался со стороны императора Николая Павловича, и всякий раз сносился с ним лично, когда не соглашался с распоряжениями министра народного просвещения.

В 1847 году граф предпринял дать нашим Университетам новый устав и проект этого устава разослал по всем попечителям Учебных округов в конфиденциальных циркулярах. Граф Сергей Григорьевич не согласился ни с одним из главных

положений нового устава и свое мнение обстоятельно изложил в письме к государю.

Новый устав провалился. Нестерпимая обида, нанесенная его составителю, вызывала отмищение. Оно не замедлило...»²⁸

Когда вышла книжка, С. С. Уваров находился в Москве. О. М. Бодянский, секретарь «Общества» и второй, после Строганова, пострадавший в этом деле, вспоминает: «На другой день я лично доставил эту книжку министру гр. С. С. Уварову, и не более как через час получил от него запрос: кто дозволяет напечатание Флетчерова Сочинения? Я отвечал, что это сделано по распоряжению председателя Общества и вместе с тем Московского цензурного комитета, попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова. Министром написан был всеподданнейший доклад, вследствие коего издания Общества были отданы под цензуру, а должностные лица председатель и секретарь — наказаны»²⁹.

Тотчас ушедший в отставку Строганов вызвал, тем самым, неудовольствие государя, но, тем не менее, Бодянский передает весьма знаковый разговор, записанный со слов Строганова и произошедший примерно в октябре 1848 года: «Бывши у государя, после обеда я отошел с ним к камину, где, закурил сигарки, он спросил меня:

— Что там ты печатаешь такое?

— Государь, — отвечал я, — я печатал такое, что всегда готов напечатать. Флетчерово сочинение относится к царствованию Ивана Грозного и сына его Феодора; все худое, замеченное иностранцем о Руси того времени, не относится к нынешней, ничем на нее непохожей. Уваров по личной ко мне вражде решился наделать из этого шуму и представить вашему величеству как нечто зловерное. А я между тем напечатал его в журнале ученого Общества, бывшего под моим председательством,

имевшего весьма тесный круг читателей, преимущественно ученых, из коих, когда объявлена была мною на последний год подписка, одних архиереев было изъявлено желание получать его 33, т. е. из всех, к кому было сделано от меня отношение, только 2 не подписались (кстати, сын С. С. Уварова — А. С. Уваров — тоже был в числе подписавшихся. — Ю. С.).

— Но и архиереям не все можно позволять читать.

— Так, государь, но если ученым мы будем не позволять знать и худую сторону нашу, тогда и в доброй свет усомнится.

— Хорошо, хорошо, — подхватил тогда государь, мы все это уладим скоро и пострадавший от Уварова возвратится непременно на свое место, когда тот не будет более министром; а это, говорю тебе, скоро наступит.

И точно, ровно через год (20 октября 1849 г.) Уваров не был уже более министром»³⁰.

Видимо, для отставки Уварова уже был нужен только предлог, который вскоре и был найден и о котором я скажу чуть позже.

Апрель 1848. «...по мере того, как в Европе решаются вопросы всемирной важности, у нас тоже разыгрывается драма.. невыразимо печальная для лиц, с нею соприкосновенных. Несколько убогих литераторов с Булгариным, Калашниковым и Борисом Федоровым во главе, еще до европейских событий пытались очернить в глазах правительства многие из наших журналов, особенно „Отечественные Записки” и „Современник”. Но едва раздался гром европейских переворотов, как в качестве доносчиков выступили и лица гораздо более сильные и опасные. Граф С. Г. Строганов, бывший попечитель московского университета, движимый злобой на министра народного просвещения Уварова, который был причиною увольнения его от должности попечителя, представил государю записку об ужасных идеях, будто бы господствующих в нашей литературе — особенно в журналах,

благодаря слабости министра и его цензуры. Барон М. А. Корф, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его пост, представил другую такую же записку. И вот в городе вдруг узнают, что вследствие этих доносов учрежден комитет под председательством морского министра князя Меншикова и с участием следующих лиц: Бутурлина, Корфа, графа Строганова (брата бывшего попечителя), Дегая и Дуббельта. Цель и значение этого комитета были облечены таинственностью, и от этого он казался страшнее. Наконец, постепенно выяснилось, что комитет учрежден для исследования нынешнего направления русской литературы, преимущественно журналов, и для выработки мер обуздания ее на будущее время. Панический страх овладел умами. Распространились слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышление жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникали в публику. „Отечественные Записки” и „Современник”, как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей. Министр народного просвещения не был приглашен в заседания комитета; ни от кого не требовали объяснений; никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяжкие»³¹.

Справедливости ради следует отметить, что ужесточения цензуры хотел не только Уваров. Некоторые литераторы, страдавшие от цензурных ограничений, получив цензурную власть, тут же начинали при ее помощи сводить литературные счета. Март 1844. «Плетнев председательствует в цензурном комитете. Первое употребление, какое он сделал из своей власти в пользу литературы — это притеснение журналов, ему неприятных, а они почти все ему неприятны, ибо не обращают внимания на его бедный „Современник”. Более всего он оже-

сточен против „Отечественных записок”... Цензура заботилась только о том, чтобы журналы не нарушали правил ее и не касались предметов, предоставленных другим цензурам: духовной, военной и проч. Плетнев, поднимая этот вопрос, воздвиг страшную бурю и повергал в затруднение самого министра, который в начале каждого года утверждал существование журнала в том виде, в каком он уже существовал перед этим. Я вступил в спор с Плетневым и успел заставить его отменить это намерение»³².

Однако доставалось не только литераторам. Своих цензоров министр также держал в строгости.

Ноябрь 1837. «Немало упреков наслушался я сегодня по следующему поводу. В последнем номере „Библиотеки для чтения” упоминается о биографии Фон-Визина, которую когда-то обещал „некто князь Вяземский” и т. д. Последний жаловался министру, и мне с Корсаковым было сделано замечание от начальства.

— Как вы пропустили статью о князе Вяземском, слышал я сегодня чуть не от всех литераторов по очереди, — ведь он князь, вице-директор и камергер»³³.

Март 1839. «В пять часов потребовали меня к попечителю. Получен грозный высочайший запрос: „Кто осмелился пропустить портрет Бестужева в альманахе Смирдина „Сто русских авторов”?.. надо быть ко всему готовым. Говорят, что наш министр очень непрочен при дворе»³⁴.

Но и в обиду своих подчиненных Уваров не давал. В декабре 1842 года Никитенко и другой цензор, С. С. Куторга, по анекдотичной жалобе гвардейских офицеров были посажены на гауптвахту, где просидели сутки. Выйдя с гауптвахты поехали с жалобами.

Декабрь 1842. «От князя (Г. П. Волконского. — Ю. С.) мы поехали к министру. То же сожаление, те же ласки.

— На кого тут жаловаться и сетовать? — сказал министр. — Случай этот выходит из общего порядка вещей. Я тут ничего не мог сделать: я обо всем узнал, когда все уже кончалось. Я тотчас же поехал бы к государю, но не могу, потому что у меня в доме корь. В моей власти было только написать письмо и просить Бенкендорфа представить его государю.

Граф (Бенкендорф, у которого до того был Никитенко. — Ю. С.) читал нам это письмо. Оно написано умно и сильно. Свидетельствуя о нас, т. е. о Куторге и обо мне, как о лучших цензорах и профессорах, министр заявлял, что находится в большом затруднении относительно цензуры. Люди благонадежные не хотят брать на себя этой несчастной должности, а если мы с Куторгою еще остаемся в ней, то единственно по просьбе его, министра. Он боится, что цензурное дело вскоре делается всем ненавистно.

Говорят, государь прочел это письмо и ни слова не сказал.

Куторга выразил опасение, что такой случай может и вперед повториться.

— Могу вас уверить, — отвечал министр, — что при первом же таком случае я подаю в отставку. То, что теперь с вами случилось, более для меня пятно — если тут есть какое-нибудь пятно, чем для вас»³⁵.

Отдельной штрих-пунктирной линией прослеживается в записях Никитенко отношение Уварова к Пушкину. При этом автор порою сетует на сложный характер поэта или с некоторой обидой рассказывает об А. П. Керн, которая, в общем-то благосклонно принимая его ухаживания, в присутствии Пушкина совершенно перестает его замечать. В предысторию непростых взаимоотношений поэта и министра Никитенко не вдается.

Апрель 1834. «Я представил ему еще сочинение или перевод Пушкина „Анджело”. Прежде государь сам рассматривал

его поэмы, и я не знал, имею ли я право цензуровать их. Теперь министр приказал мне поступать в отношении к Пушкину на общем основании. Он сам прочел „Анджело” и потребовал, чтобы несколько стихов были исключены. Поэма эта или отрывок начата, по-видимому, в минуты одушевления, но окончена слабее»³⁶.

Январь 1836. «Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения, на которого он очень сердит за то, что тот подвергнул его сочинения общей цензуре. Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии государя, который и сам иногда читал их. Так, например, поэма „Всадник” им самим не пропущена.

Пасквиль Пушкина называется: „Выздоровление Лукулла”. Она напечатана в московском „Наблюдателе”. Он как-то хвастался, что непременно посадит на гауптвахту кого-нибудь из здешних цензоров, особенно меня, которому не хочет простить за „Анджело”. Этой цели он теперь, кажется, достигнет в Москве, ибо пьеса наделала много шума в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова.

Весь город занят „Выздоровлением Лукулла”. Враги Уварова считают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выигрывает в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако очень дорожит. Государь, через Бенкендорфа, приказал сделать ему строгий выговор.

Но дня за три до этого Пушкину уже было разрешено издавать журнал, в роде „Эдинбургского трехмесячного Обозрения”: он будет называться „Современником”. Цензором нового журнала попечитель назначил Крылова, самого трус-

ливого, а следовательно и самого строгого из нашей братии. Хотели меня назначить, но я убедительно просил уволить меня от этого: с Пушкиным слишком тяжело иметь дело»³⁷.

Январь 1837. «Сегодня был у министра. Он очень занят укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина. Он, между прочим, недоволен пышною похвалою, напечатанною в „Литературных Прибавлениях” к „Русскому Инвалиду”.

Итак, Уваров и мертвому Пушкину не может простить „Выздоровление Лукулла”»³⁸.

Март 1837. «В. А. Жуковский мне объявил приятную новость: государь велел напечатать уже изданные сочинения Пушкина без всяких изменений. Это сделано по ходатайству Жуковского. Как это взбесит кое-кого... Не выдержал: отказался от цензурной должности»³⁹.

Май 1845. «В воскресенье был у министра... Вспоминал о прежнем времени, когда имя литератора, по его словам, считалось почетным.

— Например, — продолжал он, — вот хотя бы наше литературное общество, состоявшее из Дашкова, Блудова, Карамзина, Жуковского, Батюшкова и меня. Карамзин читал нам свою историю. Мы были еще молоды, но настолько образованны, что он слушал наши замечания и пользовался ими. Однажды покойный государь Александр Павлович завел с Карамзиным речь об академиях. Вот что сказал ему по этому поводу наш историк: „А знаете ли, ваше величество, какая у нас самая полезная академия? Это та, которая состоит из этих шалунов и молодых людей, шутя и смеясь высказывающих мне много полезных истин и верных замечаний”. — Он разумел наше общество. Теперь не то. Имя литератора не внушает никому уважения»⁴⁰. К этому времени со дня гибели Пушкина прошло более восьми лет, однако, говоря о литературном обществе

«Арзамас», в которое входил и Александр Сергеевич, Уваров не упоминает имени поэта.

Несколько заметок Никитенко посвящены деятельности Уварова в сфере народного образования.

Март 1839. «Был занят выпускными экзаменами в Смольном монастыре... Девиц спрашивали по билетам — это нововведение Уварова, который почему-то ждал от него чудес»⁴¹.

Май 1843. «Вчера был министр на экзамене русской словесности у Плетнева. Он много говорил. Нельзя было не признать в нем настоящего министра народного просвещения. Все его замечания были умны, верны, богаты знанием и хорошо сказаны. Как жаль, что этому человеку не дано одной силы — силы нравственной воли. Добиваясь влияния и милостей при дворе, он связывает себя по рукам и ногам и лишился одновременно уважения и двора, и общества. Он хотел пожертвовать последним первому — и жестоко ошибся»⁴².

Февраль 1845. «Акт в университете (во время акта обвалилась стена. Уваров вел себя очень спокойно. — Ю. С.)... Министр закончил акт раздачею студентам медалей, но уже в другой зале»⁴³.

Июнь 1846. «Вчера, то есть 31 мая, состоялось чрезвычайное собрание совета в университете, под председательством попечителя (Мусин-Пушкин. — Ю. С.). На совет был приглашен и директор педагогического института Ив. Ив. Давыдов. Читали предписание министра, составленное по высочайшей воле, и где объясняется, как надо понимать нам нашу народность и что такое славянство по отношению к России. Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе. Мы сим торжественно от него отрекаемся. Оно и не заслужива-

ет нашего участия, потому что мы без него устроили свое государство, без него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало в зависимости от других, не умело ничего создать и теперь окончило свое историческое существование.

На основании всего этого, министр желает, чтобы профессора с кафедры развивали нашу народность не иначе, как по этой программе и по повелению правительства. Это особенно касается профессоров славянских наречий, русской истории и истории русского законодательства»⁴⁴.

Декабрь 1848. «В университете страх и упадок духа. Я присутствовал в заседании совета, в котором между прочим было читано предписание министра, чтобы ничто не печаталось от имени университета, что не сам университет издает... Очевидно, министр вербует факты для годового отчета: теперь конец года. Нужны пышные фразы, что приняты такие-то распоряжения, запрещено то-то, и т. д.»⁴⁵

«Министр приказал деканам наблюдать за преподаванием профессоров в университете, особенно наук политических и юридических...»⁴⁶

С. С. Уваров создал систему государственного образования, упразднив, по сути, образование домашнее. Однако для своих детей он приглашал лучших учителей, профессоров, о чем свидетельствует запись Никитенко: Июль 1839. «По приезде в Петербург... Частные уроки у министра Уварова 4 ^{1/2} часа в неделю»⁴⁷.

По некоторым запискам Никитенко можно судить о личностных качествах Уварова.

Январь 1834. «Я сделан экстраординарным профессором русской словесности... Был у министра благодарить его за повышение. Я был принят очень хорошо. Со мной вместе произведен в экстраординарные профессора Устрялов»⁴⁸.

Январь 1836. «Введены новый устав и новые штаты в университетах. Я получаю теперь 3900 руб. жалованья вместо 1300. Но это преобразование, однако, многим дорого стоит. Тринадцать профессоров и адъюнктов получили увольнение... Кто же может быть уверен в прочности своего положения? Каждый из нас, поневоле, должен, кроме университета, искать других занятий... Пример Бутырского особенно печален. Он служил долго и имел блестящую репутацию. Ничто не спасло его. Министр давно за что-то сердит на него. Долго недоумевали, каким образом уцелел Сенковский. Теперь объяснилось: он создание профессора Греффе, а Греффе близкий друг министра»⁴⁹.

Январь 1842. «У меня просидел вечер И. И. Давыдов, профессор московского университета. Обширный ум, бездна познаний, знание жизни — все это есть у него, — а дальше что?.. Профессор Давыдов в большой милости у Уварова. Он добился этого грубою лестью, которую министр всегда принимает с простодушием ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокого, то, во всяком случае, сметливого. Давыдов особенно завоевал его сердце статьею „о Поречье“, деревне Уварова, статьею, до того льстивою, что она насмешила всех в Петербурге, где нравы не так уж наивны, как в Москве. Уваров теперь принял здесь Давыдова с распростертыми объятиями. Недавно он заставил его прочитать по одной лекции в Екатерининском институте и Смольном монастыре, объявив предварительно девицам этих заведений, что они услышат „русского Вильмена“. Давыдов явился и не произвел ожидаемого эффекта. Особенно не по вкусу пришелся он в Смольном монастыре. Делая там обзор русской литературе, он отказал в поэтическом даре Державину и вовсе не упомянул о Пушкине — разумеется, из желания угодить Уварову, кото-

рый никак не может забыть „Лукулла”. В заключение Давыдов сказал, что всему в России дает жизнь и направление министерство народного просвещения. И все это в присутствии Уварова, который не покраснел и тогда даже, когда Давыдов торжественно объявил, что если он (Давыдов) сказал что-нибудь хорошее, то обязан этим не себе, а присутствию его высокопревосходительства: сам он (Давыдов) только „Мемнонова статуя, возбужденная лучезарным солнцем”.

После лекции Уваров подошел к начальнице М. П. Леонтьевой и сказал ей: „Ведь вы напишете государю о моем посещении?” Затем он уехал и увез с собой оратора. А ведь и тот, и другой слывут за умных людей!»⁵⁰

Май 1842. «Сегодня университет давал обед бывшему своему попечителю князю М. А. Дондукову-Корсакову. Обедающих было до восьмидесяти человек. Присутствовали, между прочим, и министр народного просвещения»⁵¹.

Январь 1843. «Министр назначил сегодняшний день для принятия поздравлений с Новым годом. Пестрая толпа чиновников в мундирах наполняла до тесноты узкую, длинную залу. Многие являются сюда только для того, чтобы побывать в этой зале: министр видит только тех, которые в первом ряду. С одними он поговорил, другим кивнул головой, на большинство даже не взглянул...

Март 1843. Сегодня, по повестке товарища нашего министра, князя Ширинского-Шихматова, собрались все служащие в министерстве к Уварову, поздравить его с десятилетием его управления народным образованием. Князь Ширинский-Шихматов приветствовал Уварова речью, в которой выражал всеобщую радость по случаю того, что он славно прошел весь этот период времени, и говорил о желании всем подобной же будущности впереди — одним словом,

все, как следует, по риторике Кошанского.

Министр отвечал сначала хорошо, но потом вдался в повторения и самовосхваления. Исчисляя свои заслуги, он, между прочим, не совсем осторожно упомянул „о свободе мыслей, о движении умов”. Говорил также о „твердых началах, им созданных, о верности этих начал, о том, что все это не есть минутная воля государя, но твердая и прочная система”. Несколько раз у него вырывались слова: „я и государь”, или „государь и я”. „Даже враги министерства, — объявил он, — и те сознаются, что мы знаем свое дело”. Упомянул он также и о возможности с своей стороны выйти из министерства.

Если весь этот церемониал действительно имел целью, как говорят, привлечь на себя благосклонное внимание двора, который, вот уже несколько месяцев, как неприязненно относится к Уварову — вряд ли этот маневр поможет ему. Призывая к себе в защиту общественное мнение, он скорее может повредить себе...

Жаль Уварова: он сам себе портит дело. А между тем он лучший из министров, когда либо управлявших нашим министерством. Исчисляя свои заслуги, он не упомянул или не мог упомянуть о важнейшей: „что в десять лет ни один человек не был, по его воле, преследуем за идеи”. Даже ограниченный князь Ливен — и тот не обошелся без того, чтобы не лягнуть наше образование: он, вместе с Адераксом, растерзал Нежинский лицей. Уваров действительно неповинен в этом отношении, а это в настоящее время много значит. Как бы то ни было, если мы потеряем его, Бог знает еще какой солдат будет командовать у нас умами и распоряжаться воспитанием граждан и идей.

Вечером концерт в университете... Зашел после к Плетневу... Говорили об Уварове. Все того мнения, что нынешнее утро он сделал большую ошибку. Между прочим, рассказали о нем следующую странность. Великая княгиня Елена Павловна, по смер-

ти его дочери, изъявила ему письменное свое участие. Вместо ответа он послал ей только что напечатанный по-французски том своих сочинений»⁵².

Март 1844. «У нашего министра. Он получил брильянтовые знаки Александра Невского и очень благосклонный рескрипт. Очевидно, он опять укрепился на своем посту»⁵³.

Октябрь 1844. «Поутру был у нашего министра. Кажется, на него порядочно действовал прием лести, поднесенный ему москвичами: он недавно из Москвы. Слабые нервы его живо, но не твердого ума не выносят этого рода щекотания. Он ужасно вооружен против „Отечественных Записок“, говорит, что у них дурное направление — социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, это навеяно москвичами-патриотами, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министр желает не щадить „Отечественных Записок“. Между тем, давно ли он и словом, и делом, осуждал донос Булгарина, составленный совершенно в том же духе»⁵⁴?

Октябрь 1846. «Уваров получил графское достоинство, отчего пришел в неописанный восторг»⁵⁵.

Последняя запись Никитенко, касающаяся С. С. Уварова, сделана 6 марта 1849 года. «Был у министра, чтобы лично испросить его согласие на определение меня чиновником особых поручений при министерстве финансов, по департаменту внешней торговли. Он принял меня приветливо и сказал, что согласен, лишь бы университет от того не потерял.

— Но ведь университет для меня не служба, а цель моей жизни, — отвечал я.

— Да, я сам так думаю, заметил министр, — и с моей стороны нет никаких препятствий для вашего нового назначения»⁵⁶.

Трудно представить, чтобы Никитенко, беззаветно служивший русской литературе, много лет — и порою совершенно бес-

корыстно, без гонорара и жалованья — проработавший цензором, приложивший все свои знания и старания для того, чтобы цензура была, по возможности, либеральной (иногда, правда, в сердцах грозившийся уйти с неблагодарной и по-своему опасной должности цензора), просто так, без видимых и веских причин оставляет ее, а министр, доселе не отпускавший Никитенко, вдруг спокойно согласится на его отставку. Видимо, все уже чувствовали, что дни Сергея Семеновича Уварова как главы Министерства народного просвещения сочтены. Действительно, этот пост вскоре занял другой человек.

Многое в этом эпизоде объясняют воспоминания другого человека, Е. А. Белова, служившего в пятидесятые годы XIX века в саратовской гимназии. Описывая свою первую встречу с Н. Г. Чернышевским, преподававшим в той же гимназии, Белов рассказывает: «1852-1853 академический год... разговор перешел на положение просвещения в России вообще. Это было время первых годов после падения кабинета Уварова, время, кто теперь этому поверит, гонения на древние языки и введение преподавания естественных наук в гимназии. Я, помнится, уже в Казани в 50 м году слышал, что главною причиною сокращения уроков латинского языка было так называемое дело Петрашевцев...

Что же, были между петрашевцами филологи? — допрашивал я (Чернышевского. — Ю. С.). — Ни одного настоящего...

...речь шла только о странном предлоге, вызвавшем целую педагогическую реформу... Дело было в том, что тогда во Франции стали приписывать изучению древнего мира, именно греко-римского, появление социалистических и коммунистических теорий. Эту нелепость развивал между прочим экономист Бастиа в особенной брошюре о Баккалорате. *Baccalaureat* — первая ученая степень во Франции... для получения этой

степени требовалось сдать специальный экзамен из древней истории и древних языков. Дело Петрашевского, приведенное в связь с древней историей и древними языками, дало возможность, кому было нужно, удалить из министерства Уварова»⁵⁷. Из контекста разговора следует, что даже Чернышевский, вечно всем и вся недовольный, вроде бы и сожалеет об отставке Уварова, и мемуарист, дабы не поставить пятно на «знамя нового этапа развития русского освободительного движения, добавляет: «И не об Уварове речь шла, а о печальном положении развития просвещения в России»⁵⁸.

Арестованы петрашевцы были 23 апреля 1849 года...

¹ См.: Александр Никитенко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Никитенко,_Александр_Васильевич&oldid=48557166.

² Березина В. Г. Цензор о цензуре (А. В. Никитенко и его «Дневник») // Русская литература. – 1996. – № 1.

³ Об А. В. Никитенко и его дневниках см., например: Ветринский Ч. Два русских общественных типа (Никитенко и И. С. Аксаков) // Новое Слово. – 1894. – № 7-8; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. – СПб., 2000; Медведский К. Н. Повесть честного гражданина (по поводу «Дневника» Никитенко) // Наблюдатель. – 1893. – № 3-4; Протопопов М. А. Из истории нашей общественности («Записки» и «Дневник» Никитенко) // Русская Мысль. – 1893. – № 6-7; М. Клевенский. Никитенко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mnogoraznogo.com/dictionary/literaturnaya_enciklopediya/3350.html; Цыганов А. В. Российский цензор А. В. Никитенко: по материалам дневника // Молодой ученый. – 2011. – № 4. Т. 2. – С. 51-54 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/27/2940/>; и др.

⁴ О С. С. Уварове см.: Акулышин П. В. Проект создания Азиатской Академии С. С. Уварова и его место в общественном движении России 1810-69 // Проблемы новой и новейшей истории Востока. – М., Рязань, 1993; он же. Гр. С. С. Уваров и его роль в жизни российского общества // Педагогика. – 1993. – № 4; Артамонова Л. М. Мероприятия властей по созданию сельских школ в царствование Николая I и в период руководства С. С. Уварова Министерством народного просвещения (на материалах юго-

востока европейской России) // Уваровские чтения-VII. – Муром, 2011. – С. 169-176; Стрижова Н. Б. Граф Алексей Сергеевич Уваров. – М., 2008; Фельдман Д. З. Граф С. С. Уваров в истории еврейского народа России середины XIX в. // Уваровские чтения-V. – Муром, 2003. – С. 239-244; Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol034.htm>; Хотеев В., Чернета В. Граф С. С. Уваров – министр-просветитель // Высшее образование в России. – 1996. – № 1, 2; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М., 1997; Уваров Сергей Семенович // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belrussia.ru/page-id-393.htm>; Уваров Сергей Семенович // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovarik.kiev.ua/biography/u/26737.htm>; Полунина Н. Уваров Сергей Семенович // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_u/uvarov_ss.php; и др.

⁵ Уваров Сергей Семенович // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belrussia.ru/page-id-393.html>.

⁶ См., например: Смирнов Ю. М. Поэтика и политика. О некоторых аллюзиях в творчестве М. А. Булгакова // Булгаковский сборник – III. – Таллин, 1998.

⁷ Никитенко А. В. Записки и Дневник (1826-1877). – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 318.

⁸ Там же. – С. 458.

⁹ Там же. – С. 474.

¹⁰ Там же. – С. 360.

¹¹ Там же. – С. 318.

¹² Там же. – С. 324, 325.

¹³ Там же. – С. 360.

¹⁴ Там же. – С. 374.

¹⁵ Там же. – С. 476.

¹⁶ Там же. – С. 324.

¹⁷ Там же. – С. 459.

¹⁸ Там же. – С. 489.

¹⁹ Там же. – С. 399.

²⁰ Там же. – С. 440.

²¹ Там же. – С. 456-459.

²² Там же. – С. 478.

²³ Там же. – С. 486-487.

- ²⁴ Там же. – С. 463.
- ²⁵ См., например: Дондуков-Корсаков и Пушкин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>; Кирсанов Владимир. «Голубое» окружение Пушкина // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mitin.com/dj01/kirsanov.shtml>; Кон И. С. Возникновение полового вопроса // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sexsology.narod.ru/chart602.html>; и др.
- ²⁶ Никитенко С. А. Указ. соч. – С. 495-496.
- ²⁷ Там же. – С. 505.
- ²⁸ Буслаев Ф. И. Воспоминания // Вестник Европы. – 1891. – Ноябрь. – С. 139. Цит. по: Белокуров С. А. «Дело Флетчера» 1848-1864 гг. – М., 1910. – С. 13.
- ²⁹ Цит. по: Белокуров С. А. Указ. соч. – С. 14.
- ³⁰ Там же. – С. 15, 31.
- ³¹ Никитенко С. А. Указ. соч. – С. 493-494.
- ³² Там же. – С. 473.
- ³³ Там же. – С. 389.
- ³⁴ Там же. – С. 393.
- ³⁵ Там же. – С. 427-428.
- ³⁶ Там же. – С. 324-325.
- ³⁷ Там же. – С. 364-365.
- ³⁸ Там же. – С. 381.
- ³⁹ Там же. – С. 386.
- ⁴⁰ Там же. – С. 474-475.
- ⁴¹ Там же. – С. 392.
- ⁴² Там же. – С. 450.
- ⁴³ Там же. – С. 470-471.
- ⁴⁴ Там же. – С. 488.
- ⁴⁵ Там же. – С. 496-497.
- ⁴⁶ Там же. – С. 496.
- ⁴⁷ Там же. – С. 397.
- ⁴⁸ Там же. – С. 318.
- ⁴⁹ Там же. – С. 364.

- ⁵⁰ Там же. – С. 425-426.
- ⁵¹ Там же. – С. 432.
- ⁵² Там же. – С. 440-441; 447-448.
- ⁵³ Там же. – С. 463.
- ⁵⁴ Там же. – С. 467.
- ⁵⁵ Там же. – С. 480.
- ⁵⁶ Там же. – С. 510.
- ⁵⁷ Сушицкий В. Воспоминания Е. А. Белова о Чернышевском // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1931. – Т. IV. – С. 140-141.
- ⁵⁸ Там же. – С. 141.

Т. Б. Купряшина

УВАРОВЫ БОТАНИКИ

Представители семейства Уваровых оставили заметный след в истории и культуре России. Все Уваровы-мужчины считали службу своим долгом. Среди них были государственные деятели, военные, ученые. Некоторые из них сочетали основную деятельность с увлечением садоводством, растениеводством, занимались селекционным делом.

Первый среди них ботаник – старший брат самого известного представителя фамилии министра народного просвещения графа Сергея Семеновича Уварова – **Федор Семенович Уваров (1786-1845)**. Личностью он был совершенно неординарной, но его буквально «не видно» за младшим братом-министром, который дошел «до степеней известных». Федор Уваров тоже достоин цитаты из Грибоедова – «чин следовал ему, он службу вдруг оставил... в деревне заперся».

Знатность и богатство братьям не даны были с рождения. Разница их в возрасте – всего два года. С младенчества они

лишились отца, и были отданы на воспитание в семью их тетки по матери, которая была замужем за генерал-прокурором Сената князем А. Б. Куракиным. В двенадцать лет старший Федор по традиции был записан в юнкеры. Разумеется, не своей волею в столь юном возрасте принимали решения. Младший брат попал в статскую службу, а старший — в военную. Неизвестно еще, как бы это отразилось на российской истории, если бы их направили наоборот. В те времена непрерывных войн одна только военная карьера и ценилась. Она давала возможность отличиться, но даже Денис Давыдов не имел высоких чинов. Когда бы не высокие покровители, братья Уваровы были обречены на прозябание, несмотря на все свои блестящие способности. Старший, как и брат, получил европейское воспитание, отличался изящной французской речью, как отмечали сослуживцы. В службе старший Уваров, похоже, был вполне «счастлив» и заслуженно.

В Художественной галерее Муромского музея представлен его портрет. На нем молодой бравый офицер. Федор Уваров сумел всего двадцати лет отроду в чине поручика отличиться в Аустерлицком сражении, за что получил орден Св. Анны 4-й степени. В Бородинском сражении он был ранен в шею картечью и в правую руку пикою — явно участвовал в ближнем бою. В 26 лет за отличие при Бородино попал в плеяду молодых полковников александровского царствования. Был он в сражениях при Тарутине, при Малом Ярославце, при Вязьме. Под Красным отличился в сражении с корпусами маршалов Нея и Даву, за что получил Владимира 4-й степени с бантом. За отличие при взятии Парижа получил орден Владимира третьей степени. Орден Георгия, который давали только за личный подвиг, он получил за то, что подбил неприятельское оружие в сражении при д. Лябрусаль. Уваров имел прусский орден

«За достоинства». В 1817 г. — он генерал-майор, командует бригадой, затем полком в кирасирской дивизии. Кстати, именно в этот период (1818) у его сослуживца С. Н. Тургенева родился сын Иван (будущий писатель), и Федор Уваров стал его крестным отцом. Память о полковом братстве осталась навсегда. В семье Тургеневых крестного отца вспоминали очень тепло¹.

В 1820-м после смотра войск Ф. Уваров награжден табакеркой, обсыпанной бриллиантами, с вензелем Александра I. Неожиданно в 1826 г. он просится в отпуск на год по семейным обстоятельствам. Уволен в 1827 г., «с мундиром», т. е. с почетным правом носить военный мундир. С 1830 года, после смерти матери, он постоянно почти безвыездно жил в родовом селе Холм Бельского уезда Смоленской губернии, занимаясь хозяйством и заботясь о своих крестьянах, которых досталось 1763 души.

Почему он так резко переменял судьбу? Сменилось царство? Отставка и жизнь в деревне — поступок странный. А мог бы дослужиться и до полного генерала. Увы, высокий чин не означал материального благополучия. Брат Сергей, сумев жениться и выгодно, и счастливо, отказался в его пользу от наследства². Но что с таким наследством делать!? Родовое по линии матери Дарьи Ивановны Головиной имение Холм в Смоленской губернии давно было без призора, заложено, тянулось многолетняя тяжба. Он сумел исправить ситуацию, создав процветающее доходное хозяйство.

Федор Уваров слыл за человека мягкого, деликатного. Был большим любителем музыки, особенно малороссийской, народной. Любил играть на бандуре, как и его отец, который служил у Потемкина и за игру на бандуре получил от светлейшего не слишком почетное прозвище Сеня-бандурист. Федора Семеновича считали за оригинала и чудака. В Муромском музее

хранится его портрет (Ил. 1)³ (копия неизвестного художника с В. Голике) — Федор Уваров на нем уже седой и солидный, в штатском платье, но с боевыми наградами. Живя в деревне, он выписывал лучшие иностранные журналы, знал литературные новости. Производил вино собственного завода. Но истинным его увлечением стало садоводство и ботанические занятия.

Его прекрасный парк славился уникальными растениями, оранжереями. Он получил золотую медаль «за отличные успехи в садоводстве», принимал участие в создании уникального парка в имении брата Поречье. Страстное увлечение растениями и до сей поры воспринимается как некое чудачество. Из генералов — в ботаники?! Разумеется, рачительный хозяин имения вынужден был осваивать сельское хозяйство, но для таких тонкостей, как оформление парка, нанимали специалистов. Он же был сам истинно увлеченным человеком, общительным радушным хозяином. В далеком провинциальном Холме круг общения был небольшой — соседи, доктор, священник. Вот они только и могли видеть утопающую в цветах усадьбу. Его сосед А. Барышников, владелец имения Алексино, путешествуя по Европе, писал Федору Уварову, что у него «только одна мысль, поскорее переселиться поближе к Холму... и чтоб в оранжереях ваших цвело все так, как я видел четыре года назад»⁴. Его успехи были столь значительны, что в 1831 г. Уварова

Ил. 1. Неизвестный художник. Копия с В. А. Голике. Портрет Ф. С. Уварова. 1838 г. Х., м. МИХМ

избрали вице-президентом Российского общества любителей садоводства.

У братьев Уваровых были очень близкие теплые отношения. Много лет они, не имея возможности часто видаться, вели постоянную переписку. В своих воспоминаниях «Былое» графиня П. С. Уварова упоминает о Федоре Уварове. Отмечает, что свекра ботанические темы не интересовали, а великолепный парк в их подмосковном имении Поречье был спланирован и создан Федором Семеновичем. Он «имел хорошую оранжерею, растил чудные кусты камелий, культивировал и вводил в русскую флору разные иноземные растения (до сих пор растет и приносит плоды в холмовском парке ореховое дерево, им посаженное) и часто наезжал в Поречье, где занимался разбивкой парка и насаждением тех великолепных экземпляров лип, пихт и пр., которые служат украшением порецкого парка»⁵.

Федор Уваров умер в 1845 году холостым. После него осталась богатая коллекция растений, одна из лучших в тогдашней России. Имение Холм по наследству перешло в графскую линию Уваровых, сначала младшему брату Сергею, затем его сыну Алексею, потом его жене Прасковье.

В 1891 году, по достижении совершеннолетия младшего сына Игоря, Прасковья Сергеевна Уварова предложила своим детям разделить имения. В своих воспоминаниях графиня пишет: «Чтобы с одной стороны облегчить мне труд управления имениями, которые муж оставил на моем попечении, и, во-вторых, чтобы освободить детей от некоторой опеки, которую каждый из них должен был чувствовать и которая, как всякий денежный вопрос, могла быть им часто неприятной. В виду того, что дети были хорошо знакомы со всеми именьями и часто их посещали и после кончины отца, весь дележ совершился очень скоро, без всяких трений и притязаний»⁶. Старшему сыну

Алексею Алексеевичу (1859-1913) отошло саратовское имение. Подмосковное Поречье – Федору Алексеевичу (1866-1954). Младшему Игорю Алексеевичу (1869-1934) – родовое имение Холм в Смоленской области.

Игорь Алексеевич Уваров получил имение Холм вскоре после своего совершеннолетия. Впоследствии он стал действительным статским советником, камергером, членом Государственного Совета, представителем дворянства Бельского уезда. Первое официальное упоминание о Холме относится ко времени Петра I в 1708 году. Название Холм произошло от географического положения села. Холм расположен на самом возвышенном месте в районе. При нем (Игоре) имение занимало почти всю Холмовскую волость и состояло из 52 деревень. В 1852 году в селе Холм насчитывалось 29 дворов, в 1886 – 46 с населением 240 человек, две церкви и четыре торговые лавки. Эти цифры дают представление о масштабе хозяйственной деятельности при Федоре Уварове. Вдохновила ли ботаническая тема Игоря Алексеевича, внучатного племянника Федора Семеновича неизвестно.

В семье графов Уваровых нашлись последователи увлечения ботаникой. «Федор Семенович очень любил жену брата (Е. А. Разумовскую) и его единственного сына (Алексея); ему, вероятно, обязан племянник тою любовью к природе, которая в нем так сильно была развита»⁷.

Племянник Федора Семеновича **граф Алексей Сергеевич Уваров** на придворной службе достиг чина камергера, стал знаменитым археологом и страстным коллекционером (Ил. 2). При всей своей занятости он с энтузиазмом занимался благоустройством парка и огородов в своих имениях.

В 1869 году, как пишет П. С. Уварова, было много хлопот не только ввиду организации первого археологического съез-

Ил. 2. Портрет графа А. С. Уварова. Неизвестный фотограф. 1870-е гг. МИХМ, Ф01-150-02

пестролиственных тепличных растений; заявлено Комитету Выставки о желании получить такого-то размера место для нашей выставки и приняты все меры предосторожности для перевозки и установки нашего отдела. Все труды увенчались успехом и вознаградились сторицею: похвалами, высказанными мужу и его главному помощнику Тительбаху, и Порецкому садоводству присуждена Золотая Медаль»⁸.

При разделе имений графине Прасковье Уваровой с дочерьми Прасковьей и Екатериной досталась Карачаровская вотчина около Мурома. Имение называлось «Красная гора» – оно стояло на вершине высокой горы над излучиной реки Оки. С балкона открывался необыкновенной красоты вид на Оку и заречные луга. Дом в 1891 году стоял в запустении. Тот парк, оранжерея

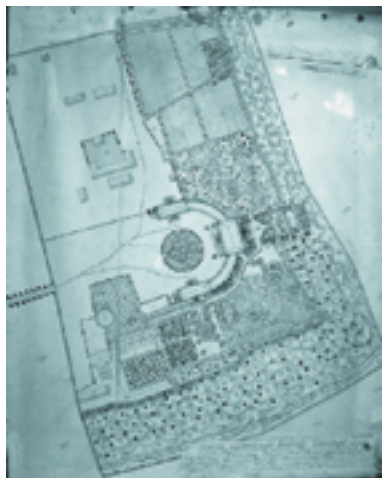
Ил. 3. Дворец графов Уваровых в имении «Красная гора» в Карачарове. Фото 1910-1920. МИХМ. Ф01-150-13

и цветники, которые можно видеть на сохранившемся в музее плане, создавался при ее непосредственном влиянии. До нашего времени от парка дожили старые липы. (Ил. 3, 4).

Имя графини Прасковьи Сергеевны Уваровой осталось в ботанике особенным образом.

В 1859 в Париже молодеж-

ны Уваровы встретились с известным селекционером Жаком Жюльеном Марготтенем. Граф заказал посвящение молодой графине — розе⁹. «Comtesse Ouwaroff» зарегистрирована в 1861 году (Ил. 5). Сорт «Графиня Уварова» относится к группе чайных роз. Махровые цветки с количеством лепестков от 17 до 25 имеют светло-розовую окраску, куст высокий, сильный. До сих пор в Европе цветут розы, названные в честь этой удивительной женщины. Прасковья Сергеевна — урожденная княжна Щербатова (1840-1924), первая женщина-археолог, почетный член Петербургской Академии

Ил. 4. План Карачаровского имении графов Уваровых «Красная гора». Конец XIX- начало XX в. МИХМ. М-12177

Ил. 5. Роза графини Уваровой. «Comtesse Ouwaroff» (Т. Margottin, 1861)

Ил. 6. Портрет графини П. С. Уваровой в саду. Фото Бродницкого. На обороте надпись: «В память о пребывании в Екатеринославле от фотографа-любителя Бродницкого 11 августа 1905 года». МИХМ. Ф01-150-32

наук, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины, жена и сподвижница Алексея Сергеевича Уварова, основателя Московского Археологического общества и Российского Исторического музея (Ил. 6). Добавим ко всем регалиям — мать шестерых детей. В 1897 г. Прасковья Сергеевна удостоилась еще одной награды. Люксембургские розоводы Супер и Ноттинг (Souper & Notting) свой новый сорт розы назвали «Comtesse Theodore Ouwaroff» (в некоторых каталогах «Princesse Theodore Ouvaroff»). Таким образом, графине Уваровой было посвяще-

но две розы. Последняя из роз не сохранилась. Известно лишь, что она принадлежала чайной группе, имела очень крупные и полные цветки (26-40 лепестков) розового цвета с темно-желтым оттенком у основания. На портрете работы Н. Рачкова графиня П. С. Уварова изображена с розой у корсажа голубого платья.

Ее сын **граф Федор Алексеевич Уваров**, названный в честь своего двоюродного дедушки Федора Семеновича Уварова, стал истинным продолжателем ботанической линии (Ил. 7). Детство Федора прошло в Поречье. Как и все дети в семье Уваровых, он получил сначала домашнее образование, учился на историко-филологическом отделении Московского университета. Участвовал в археологических экспедициях на Урале

и в центральных губерниях России. Будучи студентом, записался в Терское казачье войско. В феврале 1891 года вышел в отставку в чине хорунжего. Вот почему он так одет на фотографии! (Ил. 8). Женился он на троюродной сестре — графине Екатерине Васильевне Гудович. Жили они с женой и двумя дочерьми — Варварой и Екатериной — в Поречье. Еще ему при разделе отошло Чернышево в Пензенской губернии. Он энергично занялся хозяйством и поднял имения до образцового

Ил. 7. Портрет графа Федора Алексеевича Уварова. Фото неизвестного фотографа. 1888-1890 гг. МИХМ. Ф26-02-17

Ил. 8. Групповой портрет на парадной лестнице Уваровского дворца в Карачарове. На четвертой ступеньке снизу, в черном платье — П. С. Уварова, за львом — Ф. А. Уваров, с ним рядом — Е. А. Уварова, на верхней ступеньке вторая слева сидит П. А. Уварова. МИХМ. Ф01-150-34

состояния, получал значительные доходы. Заметных успехов добилось лесное хозяйство, организованное ученым-лесоводом Карлом Францевичем Тюрмером¹⁰, который более 38 лет проработал лесничим Уваровых.

Особенно успешно при Федоре Алексеевиче развивалось Поречское садовое заведение и семенное хозяйство, основанное еще в конце XVIII века при графе Льве Кирилловиче Разумовском. Позднее Федор Алексеевич широко развернул дело, создав колоссальное промышленное садоводство и семеноводство по всей России (Ил. 9)¹¹. Его садоводство имело три отделения в разных регионах России. Центральным являлось Поречье, где производился контроль и испытание семян. Это отделение обслуживало всю северную и часть центральной

Ил. 9. Реклама садового заведения графа Ф. А. Уварова

приз города Петербурга на юбилейной выставке 1908 года, золотая медаль 1-го разряда Главного управления землеустройства и земледелия «за полезную деятельность графа Уварова в области сельского хозяйства» 1910 года¹².

В Поречье были выведены новые сорта многих растений. Например, картофель «Порецкий гр. Уварова» — выдающийся по нежности столовый сорт, очень ранний и очень плодovitый. Астра «Каприз 20 века», выведенная к 1914 году, низкий, мелкий цветок с полным отсутствием лепестков, замененных тычинками. Дыня «Поречье гр. Уварова» — десертный сорт. Капуста «Порецкая гр. Уварова» — сорт, дающий громадные кочаны. Тыква «Арлекин» и многие другие.

Получил Федор Алексеевич и несколько десятков высших

России. В имении Чернышево им были созданы огромные семенные поля. Это отделение снабжало в основном центральную Россию. Еще одно отделение граф создал в приобретенном имении Камбилеевка около Владикавказа. Садовое заведение графа Уварова получило 401 награду. Высший наградой было звание поставщика двора его императорского величества. Среди его наград — Почетный диплом города Петербурга на Петровской выставке 1905 года, четыре золотые медали и ценный

наград за племенное птицеводство, скотоводство, свиноводство, коневодство, овцеводство и некоторые породы собак. У графа было и традиционное дворянское увлечение — охота, на которую выезжали большими компаниями.

Федор Алексеевич был видным государственным деятелем. Он — член Государственного Совета, избранный от Московского земства, действительный статский советник, шталмейстер. Он, как и его отец, много сил отдавал земской деятельности. Долгие годы он был председателем Можайской земской управы. Он составил и издал на свои средства «Систематический свод постановлений Можайской земской управы за 45 лет». На его средства построена земская больница в Поречье. При активном участии Уварова земство построило новое шоссе от железнодорожной станции Уваровки до Поречья. В 1914 году граф Федор Уваров добровольцем пошел на фронт в чине хорунжего.

В 1920 г. все Уваровы из Новороссийска уехали на пароходах в Константинополь, затем в Сербию, затем во Францию. В 1928 г. князь Голицын пригласил Федора Алексеевича в Ниццу заведующим и садовником его имения в Монтебелло. Скончался Федор Алексеевич в 1954 г. и похоронен в Ницце.

В Поречье теперь находится ведомственный санаторий.

¹ Тревожная осень 1818 года. Материал предоставлен автором Н. М. Черновым для публикации на www.turgenev.org.ru // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hl.mailru.su/mcached?q=%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D1%83%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%20%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2&c=7-1%3A140-1&r=14686417&url=http%3A%2F%2Fturgenev.org.ru%2Fе-book%2Fchernov%2F1818.htm&fr=webhsm>.

² Полякова М. А. Поречье и Холм Уваровых // Русская усадьба. — М., 2001. — Вып. 7 (23). — С. 459.

³ Портрет Ф. С. Уварова. Х., м. Копия с Д. Доу. МИХМ, Ж-59, М-6871.

Атрибутирован в 1993 г. В ГИМе хранится такой же его портрет, писанный самим Д. Доу. 1822 г. ИЗО ГИМ. Инв. № 77553/-1-2906. Через 11 лет после Д. Доу и шесть лет после отставки его портрет написал В. Голике — в 1833 году (портрет Ф. С. Уварова. 1833 г. ИЗО ГИМ. Инв. № 77794/И-12911). В Муроме — копия неизвестного художника. МИХМ, Ж-55, М-6867. См.: Купряшина Т. Б. Фамильные портреты // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 105-107.

⁴ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 799. — Л. 75-77. Цит. по: Полякова М. А. Указ. соч. — С. 461.

⁵ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. — М., 2005. — С. 51.

⁶ Там же. — С. 192.

⁷ Там же. — С. 52.

⁸ Там же. — С. 129.

⁹ Роберт Тальсон. Графиня Уварова — ученый и роза // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/08/25/1408>; Роза 'Графиня Уварова'. Rose 'Comtesse Ouwaroff // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kajuta.net/node/2127>.

¹⁴ К. Ф. Тюрмер (1824-1900). Последние годы жизни (1892-1900) работал в муромцевских лесовладениях графа В. С. Храповицкого. Его метод основан на принципе постоянства лесопользования. Он создал около 6 тыс. га лесных культур на территории нескольких лесничеств: Порецкого, Тюрмеровского в Калужской обл., Андреевского, Языковского и Муромцевского — во Владимирской обл., где до сих пор стоят созданные им леса, при том, что естественные природные леса сведены были еще в XVIII в. Имя замечательного ученого-лесничего осталось в названии деревни Тюрмеровка, расположенной на владимирской автотрассе. О Тюрмере см.: Селезнева Л. Б. К. Ф. Тюрмер и П. К. Кнорре — выдающиеся лесоводы частных владений графа А. С. Уварова // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003.

¹⁵ Реклама питомников Ф. А. Уварова // Веселова С. С. Искусство озеленения интерьеров и создания зимних садов: От Древней Руси до эпохи модерна. — М., 2012. — С. 201.

¹⁶ О. А. Дробнич. Граф Федор Алексеевич Уваров — последний владелец усадьбы Поречье // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.borodino.ru/download.php?file_id=675&__CM3__CM3=iv78hhr03g4hnqckvbag49nn6.

Л. М. Балакирева (Ставрополь)

БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРОВСКИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ: ДЕЛО О «ПОГРАБЛЕНИИ ПЕНЗЕНСКОЙ КАЗНЫ» В МУРОМСКОМ ЛЕСУ (1721-1726 ГГ.)

В современной исторической науке уже практически не вызывает споров тезис о том, что процесс модернизации всех сторон жизни общества находит наиболее полное выражение в радикальном преобразовании традиционного государственного устройства. Именно таковы реформы органов власти и управления, осуществленные в России в первой четверти XVIII в.

Петр I, будучи, по остроумному замечанию Е. В. Анисимова, «типичным технократом», тем не менее, являлся убежденным приверженцем камерализма — учения о бюрократическом управлении, получившем широкое распространение в Европе XVI-XVII вв. Причину популярности этой теории позднее объяснил М. Вебер: «Как показывает опыт... бюрократический тип управленческой организации способен, с чисто технической точки зрения, достичь наивысшей степени эффективности... и превосходит любую иную форму по своей точности, стабильности, дисциплине и надежности»¹. Поэтому «рационально организованная бюрократия является одновременно и результатом процесса рационализации, и важнейшим средством ее осуществления», а культ бюрократических учреждений в России ведет свое начало именно с петровских времен².

Сегодня государственная администрация продолжает играть особую роль в жизни российского общества, определяя в значительной степени его экономическое, политическое,

юридическое, социальное и пр. состояния. Названные обстоятельства обеспечивают неослабевающий интерес к современным государственным структурам и чиновникам как со стороны исследователей, так и граждан.

Научное изучение данной проблемы началось еще в XIX в. в трудах К. Е. Троцины, А. Вицына, Ф. М. Дмитриева, а затем продолжилось в трудах К. Н. Неволлина, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, А. Н. Филиппова, М. М. Богословского и других историков и правоведов, относящихся к «государственной школе»³. В настоящее время предметным изучением реформ первой четверти XVIII в. занимается лишь небольшой круг ученых. Среди них следует отметить Е. В. Анисимова, который еще в 1989 г. заявил, что «бюрократия — необходимый элемент структуры государств нового времени», а в 1997 г. издал фундаментальную монографию о петровских высших и центральных ведомствах⁴. Историю отдельных учреждений успешно исследуют М. О. Акишин, М. В. Бабич, Н. В. Козлова, Д. О. Серов⁵. Труды современных ученых-правоведов, к сожалению, большей частью написаны с формально-юридических позиций, основываются преимущественно на опубликованных исторических исследованиях, источники привлекаются авторами лишь в качестве иллюстраций⁶.

В данной статье на примере расследования конкретного уголовного дела рассматривается практическая реализация судебно-административными органами бюрократических принципов, положенных Петром I в основу реформы государственного аппарата. Источниками послужили: законы, включенные в «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ); документы, опубликованные Н. А. Воскресенским⁷; делопроизводственные материалы учреждений из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) — «Сенат

Л. М. Балакирева. Бюрократические принципы судебных органов и сенатские учреждения» (№ 248), «Юстиц-коллегия» (№ 282), «Нижегородский надворный суд» (№ 672).

Итак, основными постулатами камерализма являются: функциональная организация государственного управления; строгая иерархия учреждений и должностных лиц, руководствующихся в своей деятельности уставами и регламентами; коллегиальное принятие решений; унификация структуры, штатов учреждений, обязанностей должностных лиц и их материального обеспечения; специализация канцелярского труда; организация бумажного делопроизводства. Иными словами, «рациональное государство отличается разделением чиновничества на отдельные ветви и развитием рационального права»⁸. Применительно к теме данной статьи нас интересуют: разграничение полномочий и принципы взаимодействия ведомств, а также различных инстанций; порядок и форма делопроизводства, сроки рассмотрения дел.

Наилучшим образом воля Петра I относительно функционирования новых коллегий отражена в регламентах — своеобразных «сводах бюрократической мудрости». Однако Юстиц-коллегию так и не «удовольствовали» никаким специальным регламентом⁹, поэтому она была вынуждена пользоваться общими законодательными установлениями. Генеральный регламент от 28 февраля 1720 г. установил: исключительно письменную форму делопроизводства — «как в Сенате, так и в других коллегиях словесные указы никогда отправляемы быть не надлежат»; жесткие сроки решения государственных дел — «а больше того, а именно: шти недель отнюдь не продолжать» (на разрешение проблем челобитчиков отводилось максимум шесть месяцев); необходимость тесного взаимодействия коллегий при невмешательстве в чужую компетенцию — «одному коллегию в дело другого не вступаться, но ежели иногда что случится, которое и до другого коллегия

касается, то одному с другим о том порядочно и письменно корреспондовать. А ежели в таких корреспонденциях какое непотребное замедление учинится, в том особливо президенту ответственать надлежит, а в прочих корреспонденциях, которые членам коллежским определены, то им в замедлении оных особливо ж ответственать»; делопроизводственные обязанности каждого канцелярского чиновника; жесткие наказания за отступления от норм регламента — от штрафа до смертной казни¹⁰.

Что касается компетенции Юстиц-коллегии, то первое распоряжение царя Сенату на эту тему не датировано — Н. А. Воскресенский поместил его между указами от 11 и 15 декабря 1717 г. Третий пункт документа гласил: «Юстиц-коллегиум — всякой суд во всех делах»¹¹. Несомненно, столь общее определение полномочий нуждалось в дальнейших разъяснениях, и в 1718 г. состоялось несколько специальных распоряжений¹². Итогом усилий законодателя в этом направлении стал именной указ от 12 декабря 1718 г.: «Юстиция (то есть расправа гражданских дел). Судные и розыскные дела; в той же коллегии в ведении и Поместной приказ»¹³.

Развивая царскую мысль, присутствие Юстиц-коллегии 15 января 1719 г. наставляло судью и ландрихтера Земского приказа И. П. Топильского «как ему в делах поступать»: «Кроме иноземцов, никаким людем изъятым из суда той же коллегии Юстиции не быть, какова б оне звания не были, в делех убийственных, разбойных и татинных, так же фискальных, кроме одних особ офицерских и салдацких, или которья по имянному... указу особно ведомы в канцелярии Преображенской и Адмиралтействе»¹⁴. 23 января 1719 г. члены Юстиц-коллегии разъясняли С. Попову, который на Алатыре в Ясачном приказе должен был управлять «челобитчиковы и земские дела», суть его обязанностей: «Его Великого Государя указы и чело-

битчиковы ясачные и монастырские дела, которые... касаются до коллегии Юстиции, принять, кроме всяких денежных зборов и доходов, и тамошних расходов, в которые отнюдь ему не мешатца»¹⁵. В дальнейшем указы аналогичного содержания получали все городовые судьи при назначении на службу¹⁶.

Следует заметить в этой связи, что Петр I вряд ли когда-либо стремился полностью отделить суд от администрации¹⁷. Царь, скорее всего, имел ввиду «возможное разветвление администрации по роду дел»¹⁸.

Так, почти все учрежденные в России в 1717 г. коллегии, будучи преимущественно органами управления, получили в годы петровских преобразований еще и ограниченную судебную компетенцию — наряду с Военной и Адмиралтейской, функции специализированных судов были тогда возложены на Камер-коллегию, Ревизион-коллегию, Берг-коллегию, Коммерц-коллегию, Вотчинную коллегию, Главный магистрат¹⁹. Правда, в утвержденном 11 декабря 1719 г. Регламенте Камер-коллегии судебная функция никак не предусматривалась. Более того, согласно ст. 11, в случае выявления каких-либо преступлений в сфере государственных финансов, таковое дело надлежало направлять в ведавшую финансовым контролем Ревизион-коллегию²⁰. Лишь в Инструкции московскому обер-полицмейстеру от 9 июля 1722 г. (ст. 36), как установил Д. О. Серов, весьма ограниченные судебные полномочия Камер-коллегии все же были закреплены²¹.

Кроме того, «Наказ воеводам», данный в январе 1719 г., гласил: «Хотя ему, воеводе, не надлежит ссор тяжёбного дела между подданным судить... однако ж ему крепко смотреть, чтоб земские суды по данной инструкции уездной суд управляли». Одновременно в ст. 6 предусматривалось право воеводы вносить в надворный суд протесты на решения по гражданским

делам, вынесенные судебными органами провинции²². Именной указ московскому губернатору от 15 января 1719 г. повелевал, чтоб губернатор «Земского приказа ни в чем, кроме порядочных дел, не ведал и до судей никакого дела не имел». Но если ландрихтер И. Топильский «с товарищи» потребуют определения на «дела, которые принадлежат до коллегии Юстиции», то «слушать те дела и их решить ему, губернатору, с товарищи... до предбудущаго о всем о том определения»²³. Назначая 8 апреля 1719 г. нового московского вице-губернатора, царь велел судьям Земского приказа «во управлении губернских дел с помянутым вице-губернатором Воейковым быть обще»²⁴. Иными словами, совершенно прав был В. О. Ключевский, предостерегая потомков от поисков «в умах минувших времен... своих любимых мыслей»²⁵.

Контур новой судебной иерархии впервые был очерчен Высочайшими резолюциями на докладе Юстиц-коллегии от 9 мая 1718 г.: «Судам быть по городам, а главным в каждой губернии по одному, а малые под оным, а главные губернские под Юстиц-коллегией»²⁶. Взаимоотношения между инстанциями 12 сентября 1718 г. установил Сенат: Юстиц-коллегия была определена как центральное и исключительно апелляционное судебное учреждение — в ней «имеют рассматриваны и вершены быть судныя и розыскныя... дела, которые в иных канцеляриях и по губерниям, и по городам не могут без решения вышняго того суда... быть определены, или в которых спорных делах чье будет прошение на судей в неисправном их дел оных вершении, или о... неполезных челобитчикам волокитах; и для того в коллегии той же порядочным делам, кроме вышеозначенных прилучаев, решенным быть не надлежит»²⁷. Наконец, Петр I в именном указе от 22 декабря 1718 г. уточнил: челобитчикам надлежало обращаться в городские и провинциальные суды; в надворные

суды дело разрешалось переносить, только если нижестоящие инстанции «неправдою вершат или волочить за срок будут»; в Сенат, последнюю для них судебную инстанцию, позволялось жаловаться на Юстиц-коллегию лишь «со изъяснением прямых важных и правых... причин»²⁸.

Таким образом, созданная в начале реформы нормативная база позволила судебным учреждениям, наряду с прочими государственными органами, уже в 1720 г. приступить к деятельности «новым маниром»²⁹. Увидеть, как «работали» бюрократические установки, можно только на примере конкретных дел. Одним из весьма показательных в этом смысле стало расследование преступления против «государева интереса», совершенного разбойниками в Муромском лесу.

Сюжет уголовной драмы не был необычным для того времени. 22 мая 1721 г. пензенские камерир Л. Аристов и рентмейстер Н. Аристов отправили в Штатс-контор-коллегию 23 791 руб. 41,5 коп. казенных денег с местным дворянином Ю. Микулиным и 24 солдатами в качестве охраны³⁰. Путь до Арзамаса обошелся без приключений. В Арзамасе же воевода князь Оболенский не предоставил нужного количества подвод, поэтому Микулин, отпустив десять солдат по домам и перегрузив драгоценное имущество, с остальными четырнадцатью продолжил путь в Петербург³¹.

Тракт проходил через деревню Ломовка, куда обоз и прибыл 13 или 14 июня 1721 г. «по полудни»³². Ю. Микулин потребовал у старосты А. Иванова крестьян для наведения переправы через р. Шилокшу, чтобы «казны не подмочить». Однако староста людей не дал, сказав, что «та казна не их правинции»; «в реке вода малая» и переправиться можно без труда; «на Муромском лесу смирно, воровских людей не слышно»; «указу о даче таких провожатых ис правинцы... Микулин никакова не объявил».

Ввиду названных причин А. Иванов в другие деревни за крестьянами также не посылал и посылать «не хотел»; пензенского дворянина «с казною ночевать у себя не унимывал», а, наоборот, постарался проводить государев обоз из Ломовки как можно скорее³³.

На самом деле, как показал впоследствии беглый драгун, бывший крестьянин вотчины князя Ю. Ю. Одоевского М. Сергеев, в Муромском лесу «под дорогой... стояли воровские люди арзамасского уезду разных деревень» численностью около 33 человек. Разбойники, конечно, вряд ли знали о транспортировке столь крупной суммы денег, они просто грабили всех проезжавших³⁴.

Конвой Микулина подвергся нападению не доезжая четырех-пяти верст до р. Шилокши. «И он де, дворянин, и салдаты им кричали, и по них стреляли, и им... противились, и сказывали, что казна государева. И они де, воры, переловя их, били и всех перевезали и оную казну разграбили. И, розграбя оную казну, куды пошли — не усмотрели». Сам Ю. Микулин и часть выживших в побоище солдат вскоре сумели развязать друг друга. В разбитых телегах они обнаружили 3 тыс. серебряных рублей и 150 медных, которые, вероятно, разбойники просто не смогли унести с собой. С этими жалкими остатками и пришлось возвратиться обратно в Ломовку³⁵.

Утрата столь значительной суммы государственных средств грозила как непосредственным участникам детективной истории, так и лицам, имевшим к ней косвенное отношение, серьезными последствиями. Но догнать разбойников «по горячим следам», вернуть «пограбленное» и тем самым скрыть инцидент не удалось³⁶. Поэтому, когда в Муромском лесу пензенского дворянина с сопровождающими повстречал ехавший из Петербурга курьер Астраханской губернии Д. Андреев,

Ю. Микулин попросил его известить о случившемся камерира Л. Аристов, что курьер и исполнил 18 июня 1721 г., прибыв в Пензу³⁷. Именно этот момент следует считать отправной точкой официального расследования, ибо государственная машина пришла в движение. Оно велось сразу несколькими заинтересованными органами, хотя, согласно закреплению в правовых нормах принципу разделения сфер деятельности и полномочий, должно было производиться «юстицким» ведомством.

Первым, видимо, начал действовать пензенский камерир Л. Аристов, ибо уже 19 июня 1719 г. ему давал объяснения урядник И. Горшечников относительно состава конвоя, отправленного с казной. В этот же день начальник саранского гарнизона капитан А. Ивинский получил приказ, видимо, из пензенской канцелярии воеводского правления ехать к месту преступления, найти Микулина с солдатами и расспросить «где она казна у них отбита и каким случаем», а затем в городах и «около тех мест проведывать с великим тщанием, дабы о той отбитой казне и о ворах получить известие». Однако 20 июня 1721 г. камериру Л. Аристову подали доношение самого Ю. Микулина, в котором он подробно описал суть произошедшего, а также сообщил, что «оставшая казна удержана в Арзамасе и отдана... в Канцелярию для охранения». Пензенские «управители» тут же написали: арзамасскому воеводе с требованием прислать деньги, Ю. Микулина и бывшую охрану под караулом; капитану А. Ивинскому — еще раз о необходимости тщательного расследования; «а командиром в Казанскую, в Нижегородскую, Тамбовскую губернии, и тех губерней в провинции и в городы... дабы они в... в поиске оных воров чинили по... указу»³⁸. Как можно заметить, в этом списке не было упомянуто ни одного судебного учреждения. Отчасти это объясняется четко установленными границами подведомственности — судьями

всех рангов командовала только Юстиц-коллегия. Но, скорее всего, местные финансовые чиновники стремились разрешить ситуацию самостоятельно. Это явно выходило за рамки их компетенции, зато ускоряло розыскной процесс, позволяло скрыть от «юстицких» судей свои упущения; демонстрировало служебное рвение в целях смягчения царского гнева.

Тем не менее, муромский судья С. Владыкин был уже в курсе произошедшего на территории его округа. И, хотя посланные им сыщики вернулись ни с чем, вскоре в Муроме был пойман вор Мишка Сергеев, который в разбое винулся и «говорил на товарищев своих», о чем Владыкин сообщил в Арзамасскую провинциальную канцелярию, требуя, видимо, прислать «оговорных людей» к розыску³⁹.

Однако упускать шанс отличиться бывший тогда арзамасским воеводой князь Оболенский вовсе не собирался, тем более, что столь масштабный разбой был совершен в его уезде, и злополучный обоз возвратился именно к нему. Допросив Ю. Микулина и солдат конвоя, воевода «для взятя (крестьян) в неотводе следу» послал в деревню Степурино подпоручика Г. Чикина. Офицер, «поймав тайно той деревни да другой деревни Роговы крестьян трех человек, привез в Арзамас к роспросу». Правда, оказалось «первой приводной слеп, другой глух и весьма престарелы. И как оные крестьяне в Арзамасе спрашиваны, и при том роспросе той... вотчины приказного, также старосты и выборных не имелось и спорить было некому»⁴⁰. А по получении запроса из Мурома, «взяты были взяты в Арзамас» еще четверо крестьян деревни Ломовки «и питаны напрасно безвинно»⁴¹.

О дальнейшем развитии событий свое пензенское начальство 6 июля 1721 г. информировал капитан А. Ивинский. Поскольку «оговорные люди с пытки в Арзамасе в разбое и в отбитии

той казны не вмятца», он просил муромского городского судью С. Владыкина прислать вора М. Сергеева в Арзамас, для чего и «солдат к нему посылал»⁴². Однако Владыкин, следуя «букве» инструкции, вероятно, напомнил коллегам о том, кому подведомственно расследование уголовных дел. Крестьян отослали из Арзамаса в Муром, где «на двух очных ставках» Сергеев «с товарищи» их «очистили и сказали имянно, что... на оном разбое и на других нигде с ними не бывали, и они их не знают»⁴³.

К сожалению, имеющиеся в распоряжении автора источники не содержат сведений относительно того, искал ли капитан Ивинский «с велики тщанием» утраченную казну и воров, но возвратился он в Пензу где-то во второй половине июля 1721 г., привезя с собой незадачливого Ю. Микулина с солдатами и, видимо, копию дела следствия канцелярии воеводы Оболенского. По крайней мере, 1 и 2 августа 1721 г. соответственно Камер- и Штатс-контор-коллегии уже получили доношения земского комиссара Пензенской провинции И. Лебедева о происшествии и произведенном местными властями розыске⁴⁴.

Главные финансовые органы, конечно, прежде всего интересовали поиск денег, ибо они предназначались для конкретных государственных нужд. Штатс-контор-коллегия, не имевшая сети подчиненных учреждений в губерниях и провинциях, 3 августа 1721 г. обратилась в Юстиц-коллегию с предложением, чтобы о расследовании и о посылке к кому надлежит указов «учинит решение в Юстиц-коллеги немедленно», и прислала копию с присланной И. Лебедевым выписки⁴⁵.

Первые указы во исполнение запроса Штатс-контор-коллегии были отправлены в подчиненные суды из «юстицкой» канцелярии уже 20 августа 1721 г. 4 октября 1721 г. коллегия еще раз возвращалась к этому вопросу, приговорив расследовать дело в Казанском и Нижегородском надворных судах

(сумма похищенного была слишком велика для следствия городского судьи); нижегородским судейским чиновникам упор было велено сделать на допросах пойманных в Муроме разбойников; о результатах надлежало Юстиц-коллегию «по вся месячно репортоват». Для качественного проведения следствия из «юстицкой» канцелярии вице-президенту нижегородского надворного суда князю В. И. Гагарину послали при указе копию выписки из Штатс-контор-коллегии. Другим судам, офицерам и дворянам, посланным для «сыску воров», надлежало причастных к громкому разбою лиц отсылать в Нижний Новгород, «где она казна пограблена»⁴⁶. 18 ноября 1721 г. состоялся третий аналогичный приговор Юстиц-коллегии⁴⁷.

Указы в подчиненные инстанции и същикам должны были направить, исходя из иерархического устройства судебной системы, уже соответствующие надворные суды. Такой порядок, несомненно, разгружал канцелярию Юстиц-коллегии, но явно удлинял сроки производства по делам. Кроме того, если бы пензенские провинциальные власти обратились напрямую в Нижегородский надворный суд, то его расследование могло начаться в конце июня — начале июля 1721 г. Соблюдение принципов разграничения компетенций и инстанционности в данном случае отодвинули эту дату до 11 октября 1721 г., когда, наконец, в Муром к судье Владыкину с распоряжением нижегородских надворных судей «о присылке дела и вора» был послан солдат Г. Ручьев⁴⁸.

Иным путем пошла Камер-коллегия. Поскольку она ведала всей совокупностью фискальной организации и, по справедливому замечанию Е. В. Анисимова, занимала исключительное место в системе государственного управления (как в Швеции)⁴⁹, руководство данного учреждения официально решило организовать собственное расследование.

Вообще вторжение камеральных чиновников в судебную сферу происходило достаточно часто. Еще 25 января 1721 г. президент Юстиц-коллегии граф А. А. Матвеев с присутствием постановили подать в Сенат жалобу на то, что «определенным ис Юстиц-коллегии судьям вице-губернаторы и воеводы не токмо что в отправлении дел помешательство чинят, но и в дела, подчиненные Юстиц-коллегии, вступают... И не токмо сами, но и определенным ис Камор-коллегии камисаром по инструкциям, от себя данным, судебные дела управлять, и розыски, и казни чинить повелевают. А им... по данным из Сената инструкциям... без надворных судов того чинить не велено». Юстиц-коллегия такую практику многократно запрещала, «токмо немалой напрасной труд». Реакции Сената, видимо, не последовало, ибо 19 апреля 1721 г. центральное судебное ведомство постановило «от себя» послать в Камер-коллегию очередной указ, чтобы последняя запретила подчиненным камерирам и комиссарам «вступать» в дела судейских чиновников «и помешательство... чинить»⁵⁰.

Несмотря на все демарши, 25 августа 1721 г. уже сама Юстиц-коллегия получила любопытный указ: «По определению Камор-коллегии велено про оную пограбленную от воровских людей казну розыскать подлинно посланному из Камор-коллегии в Казанскую губернию лейб-гвардии капралу Кречетникову». Арзамасскому воеводе князю Оболенскому повелением этой же коллегии надлежало отправить дворянина Ю. Микулина с солдатами и остатками казны в Пензу. Губернаторам, воеводам и камерирам окрестных губерний и провинций следовало казну искать, воров ловить, а капралу Кречетникову «чинить вспоможение» и «приличных людей в той краже отдавать к розыску безо всякого прекословения». О ходе следствия информировать себя присутствие Камер-

коллегии приказало «по вся неделно», а в Юстиц-коллегию — «отписать о том... для ведома»⁵¹.

Конечно, пензенское дело имело чрезвычайный характер из-за размера нанесенного государственной казне ущерба; тем не менее, имело место явное вторжение в пределы чужой компетенции. Юстиц-коллегия, отстаивая собственные законные позиции, в этой связи твердо приговорила: во все надворные суды послать «с прежняго отпуску повторительные указы»; где каких воров или деньги найдут, — писать в Петербург «как скоро возможно»; но «тех воров по сыску к надлежащему розыску для отыскания казны отсылать в Нижний Новгород, где она казна пограблена, за крепким караулом». Капралу Кречетникову следовало лишь «в сыску тое пограбленные казны и воровских людей чинить всякое вспоможение». Указ на основании этого приговора был составлен и подписан 29 сентября 1721 г., в Нижнем Новгороде его получили 15 ноября 1721 г., «в провинциальной суд и в городы к людям ис канцелярии надворного суда указы посланы сего ж ноября 16 дня»⁵².

Между тем, 29 сентября 1721 г. Н. С. Кречетников также получил указ, но из Камер-коллегии — «против присланной с Пензы выписки розыскать». А уже 20 октября 1721 г. в Нижегородском надворном суде с удивлением «рассуждали» о его письме судьям, где капрал требовал именно его информировать обо всех пойманных ворах и разбойниках, которые имели хотя бы косвенное отношение к пензенскому делу, т. к. «оный розыск велено... чинит» ему. Секретарская помета на письме гласила: «Записат в книгу, взять в приказной стол и снести вместе с присланным указом из Юстиц-коллегии о сыску означенных разбойников. А к нему, сыщнику, с присланного указу послать для ведома... копию»⁵³. В дальнейшем оба расследования так и производились параллельно, что, как правило, при-

водит к конфликту ведомственных интересов и не способствует успеху в отыскании истины.

Другим препятствием, помешавшим вице-президенту Нижегородского надворного суда князю В. И. Гагарину «с товарищи» вовремя исполнить свои обязанности, неожиданно стал городской судья С. Владыкин. Муром входил в округ Московского надворного суда, поэтому Владыкин о «пограблении пензенской казны», поимке вора М. Сергеева, отыскании части денег и, главное, своих заслугах на этом поприще 10 июля и 3 августа 1721 г. сообщил в Москву. Не получив никакого ответа, судья примерно в середине сентября 1721 г. послал доношение и копию дела в Юстиц-коллегию, ибо, в соответствии с законом, при отсутствии реакции надворного суда на два запроса подчиненной инстанции следовало писать в Юстиц-коллегию. Ввиду названных причин 19 октября 1721 г. С. Владыкин отказался дело и разбойников отправить в Нижний Новгород до получения указаний из Москвы или Петербурга, чтобы «не принять штрафа». 5 ноября 1721 г. на «вторичной указ» прислать дело и вора «безо всяких отговорок» муромский судья снова ответил отказом, прибавив к прежним аргументам ссылку на письмо Н. С. Кречетникова от 3 октября 1721 г., который объявлял Владыкину о своем статусе и приказывал вора Мишку Сергеева и товарищей его держать «под крепким караулом», а если они что будут рассказывать о «пограбленной казне», — писать ему в Арзамас. На этот раз терпение нижегородского надворного суда лопнуло — 10 ноября 1721 г. присутствие приговорило подать в Юстиц-коллегию доношение «о неотдаче дела»⁵⁴.

Однако в планы нижегородских судейских чиновников вмешался случай. Дело в том, что 12 ноября 1721 г. «в ночи» содержавшиеся у неуправляемого ревнителя законов С. Владыкина разбойники, которые напали на пензенскую казну, «побив дне-

валного подъячего и караулных салдат, из той розыскной канцелярии скованы ушли силно». По «горячим следам» в Муроме задержали только М. Сергеева, остальные шесть человек бежали в лодке вниз по р. Оке, посланная вслед погоня ничего не дала. На сей раз муромский судья униженно вопрошал князя В. И. Гагарина «с товарищи»: о сыске беглых воров в Нижегородском уезде, по рекам, о заставах по дорогам и т. д. «ваше благородие что повелите?»⁵⁵.

Доношение С. Владыкина в Нижегородский надворный суд доставили только 22 ноября 1721 г. — видимо, провинившийся судья все-таки надеялся на поимку преступников и не сразу сообщил о служебном упущении, ставившем крест на его карьере. Информация произвела должный эффект — в течение одного дня надворные судьи приняли решение о дальнейших действиях; допросили присланного из Мурома с бумагами солдата, «каким видом оные воры ушли»; отправили указы в Губернскую канцелярию «о сыску на заставах и в других местах означенных воров, а в города — к судьям». Только Юстиц-коллегии соответствующее доношение было послано 3 декабря 1721 г.⁵⁶ Пребывавшее, таким образом, некоторое время в неведении коллежское присутствие на основании полученной ранее от С. Владыкина копии дела 17 декабря 1721 г. бодро отрапортовало Штатс-контор-коллегии: муромский судья поймал семь разбойников, нашел «денежной казны 26 мешков, а что в них щетом, — того не ведомо»; дальнейшие поиски предпринимал, «токмо денежной казны ничего не сыскано»⁵⁷.

Еще одним фактором, повлиявшим на ход расследования «громкого» дела, явился, как ни странно, долгожданный Ништадский мир. Царский двор и высшие чиновники велением Петра I в декабре 1721 г. целыми учреждениями отправлялись для празднования в Москву. С собой они везли почти

полный канцелярский штат и обозы дел — государственное управление не должно было прерываться. Поэтому приговор Юстиц-коллегии по упомянутому выше запросу состоялся лишь 13 января 1722 г., а соответствующий указ в Нижнем Новгороде получили 27 февраля 1722 г. Граф А. А. Матвеев «с товарищи» решили: «Оного вора и разбойника и тюремного утеклца Михаила Сергеева и об нем и о протчих ево товарищех... подлинное дело и дневалного подъячего, и караулных салдат... взять из Мурома к надлежащему розыску в Нижегородский надворный суд», где надлежало расследовать как о «пограбленной казне», так и о причинах побега — «как то учинилось»? В отношении остальных беглецов Юстиц-коллегия приказала: еще раз послать в подчиненные надворному суду «правинциальные и городовые суды» указы, «дабы в сыску тех воров имели радетелное усердие»; всех пойманных «утеклецов» — отсылать в Нижний Новгород. Муромского судью С. Владыкина «за противность двух указов, посланных из Нижегородского надворного суда о присылке тех воров к розыску», после чего «учинилась тем ворах утечка», взять в Нижегородский надворный суд с поручными записями; «поместья ево и вотчины отписать на Его Императорское Величество до указу. А ему, Владыкину, тех сел и деревень, в которых оные воры явились, прикащиком и старостам, велеть им сыскивать, и в том собрать по ним поручные записи». Прошлые аргументы С. Владыкина были отвергнуты коллежским присутствием именно с последовательно бюрократических позиций — «и то ему не в оправдание того ради, что ему, Владыкину, за посланным из Коллегии Юстиции указом спрашиватца с надворным судом не надлежало, а надлежало учинить по тому указу без всякого преслушания немедленно». Досталось начальственного гнева и Московскому надворному суду. Его присутствию приказали немедленно отве-

тить: когда именно к ним обращался муромский судья? что было «учинено... и зачем чего не исполнено»⁵⁸?

Ответную «отписку» за подписями С. Т. Караулова, Ф. А. Плещеева, князя И. В. Бабичева из Нижнего Новгорода отправили с солдатом П. Рогожиным «для подачи в Юстиц-коллегию» не позже начала марта 1722 г. Однако Петр I, освободившись от ратных дел, именно в это время взялся за ревизию совсем недавно устроенного по-новому аппарата государственного управления. Сенат с марта 1722 г. начал «перебирать» служилое сословие (чиновники по очереди вызвались в Москву на смотр), но не торопился замещать вакансии надворных судей («от чего дел стало быть множество без решения»); в апреле 1722 г. именным указом с таким трудом созданные нижние суды были упразднены как институт; 29 апреля 1722 г. президент Юстиц-коллегии вместо графа А. А. Матвеева стал граф П. М. Апраксин⁵⁹. В результате доношение Нижегородского надворного суда затерялось в «юстицкой» канцелярии; присутствие вернулось к «пензенскому делу» аж 26 ноября 1722 г., хотя запросы Штатс-контор-коллегии о ходе расследования были получены им 10 февраля и 10 августа 1722 г. Общим приговором Нижегородскому надворному суду было велено срочно обо всем доложить «и тое отысканную денежную казну прислать в Москву в... Юстиц-коллегию за добрыми провожатыми» (указы аналогичного содержания были впоследствии посланы данному суду еще 5 декабря 1722 г. и 9 марта 1723 г.)⁶⁰.

Тем не менее, только 30 января 1724 г. ассессор нижегородского надворного суда князь А. Болховской приказал навести справки в собственной канцелярии о причинах столь долгого «неответствия» в Петербург, ибо это угрожало судьям, как минимум, крупным штрафом. Коллежский указ от 23 января 1722 г. нашелся «в ящике подьячего Петра Суровцова, кото-

рой по присланному указу из Москвы ис канцелярии ведомства генерала И. И. Бутурлина... послан в Москву во оную Канцелярию в... интересном деле к розыску. А дел за оною скорою высылкою никому не отдал. И для чего по тому указу оной подьячей по пометам не произвел, — о том не ведомо, для того что по отъезде надворного суда судей в Москву к смотру... всякое отправление в делах без них имел преждебывшаго провинциального суда натариус Иван Денисов, и тот указ прислан в бытность ево. А оной Денисов по оговору колодника Степана Шевякова... послан в Москву в Преображенской приказ, и с Москвы донине в Нижней не бывал. И по означенное дело и по колодников он, Денисов, в Муром не посылал». 13 февраля 1724 г. Ю. Ржевский, кн. В. Гагарин, кн. И. Бабичев, кн. А. Болховской, наконец, постановили послать в Муром «афицера и при нем 12... салдат для взятья означенного дела и по тому делу колодников, и подьячих, и солдат, и судьи Владыкина»⁶¹.

19 февраля 1723 г. прапорщик нижегородского гарнизона И. Горбатов докладывал начальству, что у муромского земского комиссара Языкова ни дела, ни дневального подьячего Ключарева, при котором сбежали колодники, не оказалось — все забрали во Владимирскую провинциальную канцелярию (бывший Муромский судебный округ в числе других перестал существовать). «А судья Степан Владыкин умре», поместий и вотчин в Муромском уезде у него никаких не было. «А дневальные салдаты, которые были при утечке воров, ныне держатца в Муроме в тюрьме под караулом. А вор Михайла Сергеев ныне в ведомстве... капрала... Кречетникова». Охранял всю арестантскую компанию сержант Казанского гарнизона Л. Кузнецов, который «в приказной канцелярии объявил писменно, что бес повеления от того капрала... Кречетникова вора Сергеева отдать

не смеет», а солдат — без повеления из Владимирской провинциальной канцелярии⁶².

На сей раз чиновники сработали довольно оперативно: 3 марта прапорщик И. Горбатов вернулся в Нижний Новгород, привезя с собой даже разбойника М. Сергеева с наказом комиссара Языкова содержать «Мишку под крепким караулом со всяким сохранением», т. к. до этого вора «о пограбленной казне... касаютца впредь» (вопросы), о чем «показано и Камор-коллегии в выписке имянно». 6 марта 1723 г. И. Бабичев, А. Болховской с облегчением приказали сделать выписку из «пензенского дела», чтобы, наконец, его закрыть⁶³.

Однако «совершенного окончания» по тому делу сразу «учинить» так и не удалось, «для того что ис Камор-коллегии подлинное о том следование производил... лейб-гвардии капрал Кречетников. А по взятому из Мурома делу, не снесшись с его делом — что той денежной казны в отыску — ...о том подлинного известия в Коллегию Юстиции прислать невозможно», — писали в столицу нижегородские судьи. Штатс-кантор-коллегия, отчаявшись получить хоть какую-либо информацию, а главное — найденные деньги, в ноябре 1723 г. пожаловалась на Юстиц-коллегию в Сенат. Только после его приказания «о тех пограбленных деньгах ведомость и отысканные деньги отослать в Штас-кантору немедленно, а для чего по посланным ис той канторы промемориям... сысканных денег не прислано, — о том в Сенат ответствовать» граф П. М. Апраксин «с товарищи» 31 января 1724 г. послали соответствующую промеморию в Камер-коллегию⁶⁴.

Ответное послание об отправке указа воеводе и камериру Пензенской провинции — чтобы отдали колодников и дело, «которое... было у капрала Кречетникова... без всякого медления», объяснили причины нерасторопности и т. д. — финан-

совое ведомство «сочинило» 18 апреля 1724 г. Между тем, как свидетельствовал сам Н. С. Кречетников, обстоятельная выписка «для решения» была направлена им Камер-коллегии еще 15 марта 1722 г., «токмо... 723 году февраля по 23 число решения никакого не получено»⁶⁵.

Получив все необходимые документы, Нижегородский надворный суд не стал вдаваться в подробности и тщательно исследовать обстоятельства разбоя в Арзамасском уезде, поскольку все установленные Генеральным регламентом сроки расследования подобных дел давно были превышены в несколько раз. Вынесенный уже 2 мая 1724 г. приговор гласил: «Пограбленную денежную казну досталные за отисканием 16 956 рублей 15 алтын 5 денег» расположить «на 14 вытей... по 1211 рублей по 5 алтын по полшестых денги на выть»⁶⁶, т. е. виновными фактически признали местных крестьян, которые и должны были покрыть убытки казны и прикрыть огрехи следствия. К сожалению, ни протокола заседания, ни даже полного текста приговора в архивном деле нет, поэтому сказать что-либо определенное о составе судей, либо о ходе слушаний не представляется возможным. Единственно, вице-президент В. И. Гагарин вряд ли председательствовал на процессе: еще 11 октября 1723 г. Юстиц-коллегия постановила выслать его в Петербург «за поруками» или «за караулом» по иску московского купца Шапкина в «вывозе им, Гагариным, из Сибири пожитков и в учиненных ему, Шапкину, обидах»⁶⁷. Скоропалительный приговор инициировал встречные иски приказчиков пострадавших деревень, его частичную отмену и признание самими судьями (в декабре 1724 г., марте 1726 г.) необходимости продолжить следствие⁶⁸.

Итак, пензенское дело о «пограбленной казне» вместо шести недель расследовалось пять лет, так и не придя «к совер-

шенному окончанию»; действия Камер-коллегии явно выходили за рамки ее компетенции; «доброй корреспонденции» между различными государственными учреждениями не получилось; нижестоящие инстанции не всегда подчинялись вышестоящим; указ из столицы почти год пылился в ящике обыкновенного муромского подьячего (данный ряд может быть продолжен). В результате удалось вернуть в казну лишь менее трети утраченной суммы и поймать одного разбойника. Парадоксально, но, как можно заметить даже на примере одного дела, низкая эффективности работы судебных органов стала следствием как несовершенства самих бюрократических установок в интерпретации петровской администрации — часть правовых норм вызывала конфликт ведомственных интересов, сиюминутная целесообразность всегда преваляла над законодательными установлениями, исключительно бумажное делопроизводство и строгое соблюдение инстанционного порядка существенно удлиняли решение любого вопроса, — так и их слабым усвоением чиновниками первой четверти XVIII в.

¹ Weber M. Theory of social and economic organization. — New York, 1964. — P. 337.

² Анисимов Е. В. Время петровских реформ. — Л., 1989. — С. 42, 238; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. — М., 1994. — С. 50.

³ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. — М., 1902; Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств. — Казань, 1855; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — СПб., Киев, 1909; Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. — СПб., 1866; Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. — М., 1859; Кавелин К. Д. Основные начала русского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собрание сочинений. —

СПб., 1900. — Т. I.; Неволин К. Н. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений. — СПб., 1859. — Т. VI.; Троица К. Е. История судебных учреждений в России. — СПб., 1851. — Т. I.; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711-1741 гг.). — СПб., 1911.

⁴ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. — Л., 1989. — С. 275; он же. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. — СПб., 1997; он же. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. — М., 1999.

⁵ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество: эпоха Петра Великого. — Новосибирск, 1996; он же. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: организация и состав государственного аппарата. — М., Новосибирск, 2003; Бабич М. В. Вышний суд как высшее учреждение Петровской эпохи // Петр Великий и его время. Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб., 1999; она же. Государственные учреждения XVIII в.: комиссии Петровского времени. — М., 2003; Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). — М., 2007; Козлова Н. В. Коммерц-коллегия в 20-50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. — М., 1991; она же. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. — М., 1999; Серов Д. О. Строители империи. — Новосибирск, 1996; он же. Прокуратура Петра I (1722-1725 гг.) — Новосибирск, 2002; он же. Администрация Петра I. — М., 2007; он же. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. — М., 2009.

⁶ Лойт Х. Х., Хацкилов А. С. Реформирование Петром I кадрового состава и структуры государственной гражданской службы России // История государства и права. — 2007. — № 10. — С. 12-14; Карнаушенко Л. В. Институт фискалитета в контексте механизма взаимоотношений монарха и его подданных // История государства и права. — 2007. — № 8. — С. 15-19; Метушевская Т. И. Модель государственной службы в России в XVIII в. // История государства и права. — 2007. — № 5. — С. 21-24; Хрусталев Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII — первая четверть XVIII вв.) Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. — М., 2004 и др.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (1-е собрание) (ПСЗ). — СПб., 1830; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I (Акты о высших государственных установлениях). — М.-Л., 1945. — Т. I.

⁸ Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономиче-

- ской истории. – Петроград, 1923. – С. 212.
- ⁹ Анисимов Е. В. Государственные преобразования... – С. 161.
- ¹⁰ Генеральный регламент или Устав Его Императорского Величества, по которому государственные коллегии поступать имеют. – СПб., 1819. – Г. Л. II, IV, XIV, L, LI.
- ¹¹ Воскресенский Н. А. Указ. соч. – С. 218.
- ¹² ПСЗ. – Т. V. – № 3202, 3224.
- ¹³ Там же. – № 3255.
- ¹⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 282. – Оп. 1. – Ч. VI. – Д. 21562. – Л. 10.
- ¹⁵ Там же. – Л. 23об.
- ¹⁶ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого... – С. 205–206; Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. – Новосибирск, 2003. – С. 245–247.
- ¹⁷ Серов Д. О. Судебная реформа Петра I... – С. 200-208.
- ¹⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения. – М., 1989. – Т. IV. – С. 170.
- ¹⁹ См.: ПСЗ. Т. V. № 3303, 3318, 3464, 3466. Т. VI. 3708, 3937 Т. VII. № 4378, 4453. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I... – С. 203, 310.
- ²⁰ ПСЗ. – Т. V. – № 3466. – С. 555-569, 766.
- ²¹ Серов Д. О. Судебная реформа Петра I... – С. 311. См. также: ПСЗ. – Т. VI. – № 404, 4730.
- ²² ПСЗ. – Т. V. – № 3294. См. также «Инструкцию земским комиссарам» // ПСЗ. – Т. V. – № 3295. – Ст. 22.
- ²³ Там же. – № 3282.
- ²⁴ Там же. – № 3344.
- ²⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 169.
- ²⁶ ПСЗ. – Т. V. – № 3202.
- ²⁷ Там же. – № 3227. См. также: там же. – № 3298, 3435.
- ²⁸ Там же. – № 3261.
- ²⁹ Там же. – № 3255.
- ³⁰ РГАДА. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 5-5об., 10, 12.
- ³¹ Там же. – Д. 12. – Л. 30об.
- ³² Там же. – Л. 1, 20 об. – Д. 13. – Л. 4об., 65об.
- ³³ Там же. – Д. 12. – Л. 20об.-21об., 25об-26, 31.
- ³⁴ Там же. – Д. 13. – Л. 63.
- ³⁵ Там же. – Д. 14. – Л. 6-8об.
- ³⁶ Там же. – Д. 13. – Л. 64, 66об., 69, 72-72об.; – Д. 14. – Л. 8об-9.

- ³⁷ Там же. – Д. 14. – Л. 5.
- ³⁸ Там же. – Л. 5об.-6об.
- ³⁹ Там же. – Л. 6об.
- ⁴⁰ Там же. – Д. 13. – Л. 61об.
- ⁴¹ Там же. – Д. 12. – Л. 1об.
- ⁴² Там же. – Д. 14. – Л. 6об.-7.
- ⁴³ Там же. – Д. 12. – Л. 1об.
- ⁴⁴ Там же. – Д. 14. – Л. 12; Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21639. – Л. 97об.
- ⁴⁵ Там же. – Д. 14. – Л. 10; Д. 21639. – Л. 9об.-98.
- ⁴⁶ Там же. – Д. 14. – Л. 3-9, 34-35.
- ⁴⁷ Там же. – Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21596. – Л. 427.
- ⁴⁸ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 10об. – 11об.
- ⁴⁹ Анисимов Е. В. Государственные преобразования... – СПб., 1997. – С. 122-123.
- ⁵⁰ РГАДА. – Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21596. – Л. 75об.-81 об.; 174-174об.
- ⁵¹ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 12-14об., 34-34об.
- ⁵² Там же. – Д. 14. – Л. 34-42.
- ⁵³ Там же. – Л. 12, 14об. – 15.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 18-27об.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 43-43об.
- ⁵⁶ Там же. – Л. 28-31об., 43об.- 48об.
- ⁵⁷ Там же. – Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21639. – Л. 97об.-98.
- ⁵⁸ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 53-55.
- ⁵⁹ Там же. – Л. 57об.-60; Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21617. – Л. 16; Д. 21630. – Л. 58об.
- ⁶⁰ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 67-68; Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21639. – Л. 97об. – 99; Д. 21657. – Л. 56об.-57.
- ⁶¹ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 68об.-71. Мнение Д. Серова о том, что кн. В. И. Гагарин в тот период служил прокурором Московского надворного суда, не соответствует действительности. См.: Серов Д. О. Надворные суды в судебной системе России (1719-1727 гг.) // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 57.
- ⁶² РГАДА. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 84-85об.
- ⁶³ Там же. – Л. 86-91об.
- ⁶⁴ Там же. – Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI. – Д. 21657. – Л. 56об.-60; Ф. 248. – Оп. 31. – Д. 1920. – Л. 52-52об.
- ⁶⁵ Там же. – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 90; Ф. 282. – Оп. 1. Ч. VI.

— Д. 21655. — Л. 84-84об.

⁶⁶ Там же. — Ф. 672. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 66об.; Д. 12. — Л. 6.

⁶⁷ Там же. — Ф. 282. — Оп. 1. — Ч. VI. — Д. 21643. — Л. 200-201.

⁶⁸ Там же. — Ф. 672. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 1-2, 31-31об.; Д. 13. — Л. 1-2об., 60, 61-62об., 71-73.

Ю. М. Смирнов

СЕКС В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ (МУРОМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

После обеда на одном из таких приемов
я спросил гостеприимного хозяина Н. В. Суздальцева,
одного из самых именитых муромских купцов:

— Ну, и мастерица же ваша супруга.

Поцеловали ли вы ей ручку за то, что она наготовила?

— Какое там ручку... Все поцеловал, что полагается.

Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания

Интимная жизнь русской провинции, особенно городской, второй половины XIX — начала XX веков практически не исследована. Причин этому достаточно много, но все они сводятся к одной: скудность источников. Специфика русской культуры такова, что, во многом под влиянием православия, плотская тема считается низменной, греховной, а потому долгое время была закрытой для публичного обсуждения и обнародования. К тому же, и об этом уже достаточно часто говорилось, в русском языке отсутствует нейтральная лексика, которая может быть использована при разговоре о половых проблемах: она или уходит на самый низкий, непристойный уровень, и ее широкое использование в письменной речи до недавнего

времени было практически невозможно, или же заимствуется из медицинского словаря¹, что ни в коей мере не способствует адекватному общению. Для сравнения: по подсчетам лингвистов в английском языке существует 1000 слов для обозначения мужского полового члена, 1200 — влагалища и 800 — полового акта; во французском соответственно 600, 600 и 1500; в немецком член обозначается 860 словами, влагалище — 600². Ненормативность сексуальной лексики, видимо, можно считать одной из причин, из-за чего соответственная тема ушла в устное общение, частоте и непристойности обращения к которой, начиная с Адама Олеария, немало изумлялись иностранцы: русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодеении их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки, и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе»³. Однако здесь, пожалуй, следует оговориться, что подобные разговоры, как правило, были не обсуждением конкретных ситуаций, а «введением в тему». Более того, в силу запрета нейтрального обсуждения темы, сексуальные мотивы в русской культуре оказались выведенными в сферу юмора, и поэтому немецкому уху, настроенному на анально-фекальный юмор — а именно так определяют немецкий юмор многие исследователи⁴ — фривольные шуточки казались верхом непристойности. Еще в середине XVIII века русский поэт Иван Барков сетовал по этому поводу: «Благоприятная природа, снискивающая нам пользу и утешение, наградила женщин п...ю, а мужчин х..м; так для чего ж, ежели подьячие говорят открыто о взятках, лихоимцы о ростах, пьяницы о попойках, забияки о драках (без чего обойтись можно), не говорить нам о вещах необходимо нужных — х.е и п...е? Лишность целомудрия ввело в свет

сию ненужную вежливость, а лицемерие подтвердело оное, что мешает говорить околично о том, которое все знают и которое у всех есть»⁵.

Один мой знакомый в 70-е годы прошлого века проходил практику в фольклорной экспедиции в Подмоскowie. Ему в разработку досталась терминология семейных отношений. В какой-то из деревень по стандартному опроснику спрашивает местного мужичка: «А бывают у вас случаи, когда свекор со снохой живет?» «Конечно бывают», — отвечает. «А термин, ну, слово, которым это называется, есть?» «Конечно, есть: б.....о». Хрестоматийным в этом контексте стал пример из письма А. С. Пушкина в феврале 1828 года его другу С. А. Соболевскому: «Пишешь мне о М-те Керн, которую с помощью божией я на днях <у.б>»⁶. Что же касается снохачества, то Е. Добрынкина в 1875 году отмечает, что это «факт, встречающийся в деревнях (имеются в виду деревни Муромского уезда. — Ю. С.) постоянно»⁷. При этом автор старательно избегает не только каких-либо рискованных терминов, не приводит конкретных фактов, но даже посвященную конкретной теме статью назвала обезличенно-нейтрально: «Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде». Все это, конечно, резко снижает ее историко-информационную ценность.

Однако не следует забывать, что этот пласт лексики, о чем в цикле статей писал Б. А. Успенский, изначально формировался еще в язычестве как сакральный, а потому запретный для обыденного использования. В изначальном своем применении он употреблялся в качестве магического, соотносящегося с мифом о священном браке Неба и Земли, оплодотворяющим Землю, и долгое время сохранялся, а кое-где существует и сейчас, в ритуальном аграрном и свадебном сквернословии⁸.

Говоря о сексуальной жизни, нельзя, разумеется, обойти

и проституцию. Не вдаваясь в подробности истории этого явления на Руси, отмечу лишь, что упоминания о «бродячих женщинах» самой древней профессии имеются в средневековых источниках. Официально оно было обозначено в указе царя Алексея Михайловича от 1649 года, по которому городские объездчики должны были следить, чтобы «на улицах и в переулках б...и не было». Однако считается, что до петровского времени, когда возникли большие сообщества неженатых мужчин — солдат, матросов, чиновников — проституция широкого распространения не получала⁹.

В силу ряда социальных причин источники по этому вопросу наиболее доступны и распространены; соответственно, изучению разных аспектов этой проблемы посвящено достаточно много работ¹⁰. Однако что касается непосредственно Мурома, то здесь мы пока располагаем также ограниченным кругом материалов.

Данные о проституции в Муроме на 1 августа 1889 года содержатся в тринадцатом томе «Статистики Российской империи». Единственный дом терпимости в городе обслуживало семь проституток, средний возраст которых 19 лет. Из них местная была только одна, остальные шесть — из других губерний; девушек-иностранок не было. Одна работница интимной сферы болела сифилисом.

Возраст одиночных проституток, т. е. тех, которые не числились в штате публичного дома, но состояли на учете в полиции, немногим более — 21 год. Их насчитывалось четырнадцать, местных было только две. Если судить по сведениям Е. Добрынкиной, не состоящих на учете в полиции могло быть и больше, поскольку едва ли не основную их массу, по мнению Добрынкиной, составляли солдатские жены — крестьянки, ушедшие в город. «Измученная семейными дрязгами идет она из

дому вон, куда-нибудь в село или город на заработки... В городе жизнь иная, чем в деревне... Однако же свобода не служит ей в пользу... женщина распускается и начинает вести жизнь, не стесняемую никакими правилами нравственности.

...она живет... сознанием своей свободы, и того, что может делать что ей угодно. Проживя в наемниках два-три года... (она уходит от хозяев, поскольку те выгоняют ее за распущенность. — Ю. С.) кончает тем, что поступает на готовые харчи к какому-нибудь солдату или пролетарию из мастеровых (такой переход на «содержание» означал, по сути, лишь смену формы проституции — из открытой она становилась скрытой и в официальную статистику не попадала. — Ю. С.). Но вот срок службы мужа ее приходит к концу (крестьянка возвращается домой и, можно представить, что ей приходится терпеть от мужа. — Ю. С.)... Если же у мужа, или в особенности у жены есть родные, то они настоятельно требуют... переносить суровый нрав мужа и никак не разводиться с ним»¹¹. Из описанной Е. Добрынкиной ситуации следует, что состав этой категории скрытых проституток — пришедших из деревни крестьянок — не был постоянным.

В известной степени соображения Е. Добрынкиной подтверждаются более ранними материалами. В Российском Государственном архиве древних актов хранятся два небольших фонда — в сумме 129 дел — Муромского Борисоглебского монастыря и Муромского митрополичьего дома, относящиеся к последнему двадцатилетию XVII века. Большая часть документов в них носит так называемый «духовный» характер, т. е. рассматривает, в том числе, и разного рода сексуальные прегрешения. Причем, рассмотрение таких дел происходило, как правило, уже тогда, когда в результате порочной связи женщина беременела или уже рождался ребенок. Естественно, что в каждом случае обвиняемые пытались оправдаться. Например, «дворо-

вая девка» Марфутка Маркова из села Дедова год была в бегах, а «пришед из бегов... родила робенка»... В Муроме, на митропольем дворе, была «допрашиваема, с кем она того ребенка прижила». По ее словам, когда она была в бегах, «неведомо какой человек изнасиловал блудным падением и с того де числа она очреватела... а опроче того... ни с кем блудно не жила». То же случилось и с дворовой женкой вдовой Василиской Васильевой дочерью из с. Стригина, которая «летнею порою ходила... в лес для грибов».

Иногда для оправдания обвиняемые возводили напраслину на безвинного человека, как беглая крестьянка Феолка из Мошка. Сначала она отрицала свою беременность, но посидев месяц на съезжем дворе, сказала, она чревата от попа Никифора, в доме которого жила с восьми лет, потому что «блудно повольно жила», «сходилась с ним блудно в дому у него в хлеве». На очной ставке ее уличили в поклепе.

Были случаи и незаконного сожителства. За три с половиной года такового крестьянин сельца Икошева Савка Барашенок прижил с беглой крестьянкой Маремьяной Ермолаевой сына Фильку. За то, что «он блудно того ребенка прижил», Савка винулся «на митрополье дворе» и был наказан¹².

Кроме этого, в городах, особенно больших, как пишут исследователи, «с расширением масштабов использования женского труда... росло и количество женщин, явно совмещавших две профессии. В особенности это касалось белошвеек, модисток, девушек из кондитерских»¹³. В первую очередь это касалось столиц и больших городов. В Муроме же по данным на 1869 и 1874 женщин таких профессий еще не значилось¹⁴.

Таким образом, всего в Муроме в конце XIX века открытой проституцией занималась двадцать одна девушка. Для сравнения: во Владимире таковых было сорок девять, во всей

Владимирской губернии — сто сорок семь. После Владимира Муром стоял на втором месте. Стоили проститутки достаточно дорого: за визит — 1 руб., за ночь — 1,5-2 руб., в отпуск на дом — 2-3 руб.¹⁵ В дневниках муромского жителя А. И. Гладкова, относящихся к первой половине шестидесятых годов XIX века, к которым я еще вернусь, также есть упоминание о «вольной девке».

15 мая 1914 года местная газета «Муромский край» поместила ироническую заметку «Муром прогрессирует», а прогресс, по мнению автора, «сказывается в том, что усиленно развивается проституция. Проститутки — нередкие гости в излюбленных местах гуляний публики. Царство же их находится в так называемой Миллионке. Здесь есть притоны Матанихи, Синтитюрихи и др., который процветают»¹⁶. Хотя еще за шесть лет до этого, в 1909 году муромская городская дума постановила «просить г. исправника закрыть все существующие негласные дома терпимости и дома свиданий и уведомить, сколько будет разрешено официальных публичных домов в Языковском переулке, месте желательного их района. Ассигновать в распоряжение городской управы до 300 рублей, на которые и разрешить ей открыть смотровый пункт, когда будут закрыты негласные публичные дома полицией»¹⁷.

Одним из показателей распространенности проституции в те годы считались статистические данные по венерическим болезням и, прежде всего, сифилису, поскольку публичные девушки были основными его разносчиками. В октябре 1875 года в Муромское уездное земское собрание от уездной управы с подачи владимирского генерал-губернатора поступил доклад о постройке больничных помещений для сифилитиков. При этом сама управа выразила мнение, «что к устройству таковых отделений не представляется особой надобности, потому что в уезде

никаких местностей, густо населенных фабричными рабочими, не имеется, а в гор. Муроме на лечение сифилитических больных в земской больнице никакого неудобства не представляется, а бесплатно пользующиеся в сих болезнях удобно размещаются как в самой больнице, так и отделении оной». Само же собрание «разделяя мнение управы относительно уезда, где в устройстве сих отделений надобности не предстоит... тем не менее находит, с своей стороны, весьма полезным иметь при земской больнице в гор. Муроме особое отдельное здание, где пользующиеся присутствием своим не стесняли бы прочих больных и вместе с тем постоянно находились бы под надзором врача и могли бы получить чрез него совершенное излечение; *кроме того самый город служит местом, где большинство больных сими болезнями преобладают пред прочими населенными местностями* (курсив мой. — Ю. С.), а потому поручить земской управе к будущему очередному земскому собранию составить проект и смету, во что обойдется такое помещение»¹⁸.

Соответственно, основные данные по сельской округе Мурома, которыми я располагаю, приведены в материалах этнографического бюро В. Н. Тенишева, и они весьма лапидарны. Согласно им, возрастом достижения половой зрелости для девушек считается 15, для юношей — 16 лет. После этого им разрешается гулять по ночам, хотя родители время от времени начинают призывать детей к порядку: пора «статца», т. е. пора молодежь «обстепенить и обсеменить», чтобы она «зря не болталась». Собираются по праздникам или воскресным дням. Летом — на улице, зимой — на посиделках, на которые девушки ходят с 14 лет, юноши — с 15; порою туда же приходят и молодые вдовы. Иногда родители сами посылают детей на «гульбища». На гульбищах часто поют частушки непристойного содержания: «Милашка моя, / Уважь-ка меня! / Если будешь

уважать, / Я с тобой буду лежать». Одна из постоянных тем для разговоров между девушкой и юношей — «если возраст не вышел и жениться не можешь, то и встречаться незачем». Общение и поведение молодежи отличается свободой, даже днем позволяют себе объятия, ночью же допускаются все «безобразные вольности». Бывают случаи утраты невинности до свадьбы, но парень в таких случаях часто берет «вину» на себя и женится. Возраст вступления в брак для девушек 16-18 лет, для парней — 18. Препятствием к вступлению в брак могут служить венерические болезни¹⁹. В целом картинка соответствует среднестатистической по России.

Подобные вольности исследователи обычно связывают с пережиточными формами свободных сексуальных контактов между юношами и девушками, существовавшими в архаических обществах. «По мере христианизации такие обычаи не столько исчезали, сколько камуфлировались, создавая тем самым кричащий разрыв между официальной и бытовой культурами. Бытописателей XIX века удивляли и шокировали свободные нравы деревенских „посиделок“, где юноши и девушки имели довольно широкие возможности для сексуальных контактов — объятия, поцелуи, интимные ласки, практически все, кроме полового акта»²⁰.

А. П. Богданов, основоположник русской антропологии, добавляет, что когда «поселяне различных племен живут по соседству... браки между ними редки, хотя романы и часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камелиями, а не наоборот». К этому заключению он пришел, в том числе, и на основе рассказов графа А. С. Уварова, чье имение в Муромском уезде как раз граничило с районами поселения мордвы: «Русские никогда не женятся на мордовках, не веря твердости их нравов, искушать кои легко, как они знают

по собственному опыту»²¹.

Если в этнографических описаниях крестьянской жизни, к которым так велик был интерес на рубеже веков, исследователи все-таки находят толику материала из интимной сферы — при описании семейно-брачных отношений, взаимоотношений между различными категориями населения²² — то в городе все обстоит сложнее. Наиболее информативными свидетелями чувственной жизни могли бы стать интимные дневники, мемуары, письма, любовные записки и проч., но, к сожалению, тексты вроде «Донжуанского списка» А. С. Пушкина или «Дневников» Дж. Казановы, большая редкость. К тому же авторы таких сочинений нередко прибегают к коду, который известен или только им, или еще и адресату, как, например, в письмах М. Булгакова жене, где «про это» говорится при помощи фамилий двух русских литераторов — Писарева и Жемчужникова. Сдавая письма в архив, Елена Сергеевна, вдова Булгакова, эти фамилии старательно вымарала, а свои ответы уничтожила²³. Порою в такой переписке за неимением иной употребляется и ненормативная лексика. При известной осмотрительности в качестве источников могут использоваться произведения художественной литературы, в том числе и написанные для очень узкого круга, но в настоящем случае речь о них не идет. Еще один вид источников — это разного рода сведения об адюльтерах.

Что касается адюльтеров, то, пожалуй, самым известным муромским адюльтером был скандальный роман князя Л. С. Голицына с женой предводителя уездного дворянства Н. Засекиной. История необычна уже хотя бы тем, что, вопреки закону жанра, не оскорбленный муж вызывал Голицына на дуэль, а Голицын мужа-рогоносца, а когда тот отказался — ему, дескать, мама запрещает — Голицын дал повод для дуэли и еще прилюдно высек Засецкого кнутом. Засецкий подал в суд

за избиение, и, несмотря на то, что формально Голицын был признан виноватым, а он вины и не отрицал, ведь не мог он не наказать дворянина, ведущего себя вопреки кодексу дворянской чести, авторитет его в муромском обществе вырос неизмеримо: он был избран и мировым судьей, и предводителем дворянства (от обеих должностей Голицын отказался, а на его карьере юриста был поставлен крест). Хроника судебного процесса попала даже на полосы центральных газет, однако имя героини романа тщательно оберегалось и нигде названо не было. Итоговым результатом любовной истории стали не только две незаконнорожденных дочери, но и изобретение Л. С. Голицыным российского шампанского²⁴.

Своеобразным показателем вольности нравов в те времена было и количество, как тогда говорили, «незаконнорожденных» детей. В 1869 году в Муроме, где проживало 5362 человека, появилось на свет 431 законнорожденный и 37 незаконнорожденных детей; последние, таким образом, составляли 7,9 % от общего числа родившихся. В уезде, соответственно, 4659 и 129 детей, т. е. 2,69 %²⁵. Таким образом, «безобразные вольности» сельской местности, столь шокировавшие этнографов XIX века, гораздо менее способствовали «падению нравов» (в понимании того времени), чем условия городской жизни. В 1874 году в городе зафиксировано 442 законно- и 54 незаконнорожденных младенцев (данных по уезду нет), т. е. процент последних возрос до 10,9²⁶. Их могло быть и больше, но, как сообщает Е. Добрынкина в другой статье, «если какая-либо женщина, в особенности солдатка, затяжелеет в отсутствие мужа, стоит только покурить старой деве, она уж непременно найдет подходящее лекарство для произведения выкидыша, и преимущественно дают купорос, настоенный на вине, также сулему и буру»²⁷.

В самом Муроме в начале XIX века также существовал закрытый для посторонних брачный круг. «В Муроме почти все население — особенно его верхи, купечество, — было между собою сродни. С чужими родниться не любили... Было несколько фамилий, которые в городском населении повторялись несчетное число раз»²⁸. Показательна история одного брака — муромского купца Ф. В. Жадина с внучкой другого муромского купца Е. Н. Стулова. История началась в 1864 году, когда Жадину было девятнадцать лет. Он пришел к своему другу на крестины его дочери. Девочка произвела на гостя такое сильное впечатление, что он сказал: «Я буду ее воспитывать. Она будет моей женой». Так оно и вышло²⁹.

Относительно обстоятельная информация по интересующей нас теме содержится в дневниках муромского мещанина А. И. Гладкова за 1860-1865 годы³⁰. Несмотря на то, что Гладков был горьким пьяницей, дневники он вел достаточно регулярно и аккуратно, а благодаря тому, что он запойно пил, описывал он свои похождения честно, раскаиваясь и страстно желая избавиться от алкогольной напасти. Когда Гладков работал приказчиком, он освоил правила перевода мер алкогольных напитков в метрическую систему, поэтому количество выпитого он указывает не в привычных для того времени чарках, шкаликах, полуштофах и т. п., а в граммах. Интимные отношения с женой он шифрует — это единственные страницы в дневнике, где встречаются весьма простые сокращения, правда, развернуть их иногда не удастся.

«1864. Март, 19.

Пьянствовал, а в ночи на 19 ч., на четверг, с ж. сог. посл. прич. чрез 12 дней (с женой согрешил после причастия).

Апреля 3. Выпил 1/200 вина. В б. согр. с ж. (в бане согрешил с женой). Жена была долго у стоянья. Ее очень изругал.

...Пьянствовал, ссорился и куражился, на 9-е в доме согр.

с ж. (согрешил с женой). Это было на четверг вербной недели. ...выпивши 1/200 вина. С ж. согр. в б. (с женой согрешил в бане). Эта была пятница вербной недели.

Июня 6. В б. с ж. скв. (в бане с женой сквернил) весь день.

Июня 20. В субботу, Петрова поста, в б. им. д. с ж. (в бане имел дело с женой).

Июня 27. В субботу Петрова поста; в зад. гор. в д. гр. с ж. (в задней горнице в доме грешил с женой).

Июля 2. В месое. чет. в б. со скв. ж. (в мясоед четверг в бане сквернил с женой).

Августа 18. На вт. вн. сог. на п. (на вторник внезапно согрешил на постели).

1865. Генваря с 1-го по 9-е. Пьянствовал, закладывал вещи, шумел, страмился, гр. с ж. (грешил с женой).

Январь, 10. ...выпил 1/200 вина... поужинавши, стал ложиться, выгнал сына Ивана из комнаты с намерением с ж. г. (с женой грешить) и о. б. ок. (к сожалению, расшифровать не могу; судя по приписке, было что-то неординарное), что и исполнил. Ох, пьянство до всего доводит.

11 янв. У 3-х служб не был церковных. А было празднование преподобному Феодосию Киево-Печерскому... но выпил 2/100, и гр. с ж. (грешил с женой).

Январь 19. У трех церковных служб не был. В бане с женой грешил с утра.

Январь 28. С ж. на пос. гр. (с женой на постели грешил).

Апрель, с 10 по 21. Запил потому, что на пасху в пятн. на суб. ж. без прич. не мог. сог. на соед. (причастия не могла согласиться на соединение).

Май 23. ...напившись порядочно вина, пьянствовал до 1-го июня... Шумел, немного ругался с женой, ходил по Мурому, страмился и даже безобразничал, книг не читал,

в церковь не ходил, порядком не молился и с ж. ч. гр. (с женой часто грешил).

Августа 5. Пьянствовал. Ко всеобщей не ходил. В б. м. и с ж. гр. (мылся и с женой грешил).

Августа 8. С 15 июля по 9-е августа пьянствовал 25 дней. Буянил, дрался... Сквер. в пос. (сквернил в постели), к церковным службам не ходил.

Сентября 2. Выпил вина 2/100, на 2 число грешил с женой на постели.

Октября 3. Вечером ходили с женою к брату в кабак... закусывали и я напился очень пьяный, что шедши домой дорогою даже падал, ночью на 4 число грешил на пос. с ж. (на постели с женой).

Октябрь 8. В бане с женой гр. (грешил).

Октябрь 22. Не пил четыре дня. У двух церковных служб не был. Пошедши к обедне, зашедши к брату в кабак, пил... напился пьяный, а к вечеру был сильно пьян, порядком Богу не молился, в бане с ж. гр. (с женой грешил).

23 ч. Выпил 2/200, по домовничеству работал, в бане с ж. гр. (с женой грешил).

30 окт. ...выпивши вина 1/200, домой пришел очень пьян, спавши на постели обосцался. В бане с ж. гр. (с женой грешил), порядком не молился.

Ноября 5. Выпил вина 1/200, в бане гр. с ж. (грешил с женой).

11, 12, 13 и 14 числа. Пьянствовал на свои деньги и у людей выпрашивал, с женой безобразничал, с женою на пост. (на постели) грешил, порядком не молился...

15 ч. На 15 ч. в ночь на пос. с ж. гр. (на постели с женой грешил). До вечера был не очень пьян, но вечером... напился до безумия... Жёну свою обозвал всячески оскорбительными и скверноматерными словами...»

Первое, что обращает на себя внимание и настораживает в этой части записок, — негативно-оценочная лексика, используемая автором («грешил», «согрешил», «сквернил», «сосквернил») гораздо чаще, чем нейтральная («соединение», «имел дело»). Второе, что скрупулезно отмечает автор дневника, — это место, где происходило действие («в бане», «в доме», «в задней горнице в доме», «на постели»).

Это специфически подчеркнутое внимание к таким, казалось бы, незначительным мелочам находит объяснение в имеющихся в православии сексуальных запретах. Христианство вообще считает секс «нечистым порождением дьявола»³¹. Изначально выводя сексуальную жизнь за рамки гуманитарных ценностей, православие отводило ей постыдную и греховную роль, мешающую человеку вкушать все радости праведной религиозной жизни. С точки зрения православных норм только половой акт между венчанными супругами считается единственно возможным; при этом цель его — не сексуальное удовлетворение, а зачатие ребенка. Все остальное — грех. Поэтому техника полового акта строго регламентировалась. Допустимой считалась только одна поза, так называемая «миссионерская», в положении лежа: женщина на спине, мужчина сверху. Поза «женщина сверху» наказывалась покаянием от трех до десяти лет. Поза «мужчина сзади» называлась скотским блудом и могла караться отлучением от церкви³². Запрещалась позиция «стоя» — забеременеть в ней трудно, а значит она «не чадородия для, а токмо слабости ради», то есть во имя удовольствия. Тех, кто совершал половые акты в воде, объявляли колдунами и ведьмами³³.

Для «исполнения супружеских обязанностей» церковь отводила — по разным подсчетам — от 50 до 116 дней в году³⁴. Сексуальные отношения запрещаются во время постов, нака-

нуне воскресного дня, великих праздников, накануне среды и пятницы. Причем, в каждый из «сексуальных» дней дозволялось не более одного акта, будь это даже первая брачная ночь³⁵. Предписывалось вступать в интимные отношения только дома; видимо, кроме всего прочего, занятие сексом в других местах провоцировало использование недозволённых поз). Возбранились страстные поцелуи и поцелуи тела. (В этом контексте сделанное Суздальцевым признание о поцелуях своей жены, помещенное в качестве эпиграфа, звучит крайне вызывающе). Запрещался оральный и анальный секс.

Контроль за выполнением всех предписаний осуществлялся на исповеди. Во время исповеди каждый должен был отчитаться об интимных делах своих. Попам предписывалось задать мирянам массу вопросов на эту тему, в том числе и такой: «Не влагали ль вы уста и перста свои ближним своим в места непотребные и куда ненадобно?»³⁶ Например, в требнике XV века в «Сказе как подобает исповедовать» примерно 95 % вопросов выпытывают у исповедующегося подробности его интимной жизни; «а после этого всех спросить об убийстве, и о воровстве, и о захвате золота или кун»³⁷. Женщину на исповеди априори подозревали в том, что «наузы на себе носила, и осязание своими руками тайных уд у своего мужа и у чужих, и целовала их, и у себя также повелевала. И со ближним в роду в любодеении и прелюбодеении блудила всяким содомским блудом, на них взлазила и на себя впускала, и созади давала, и в задний проход давала, и язык в рот вдевала, и во свое лоно язык влагать давала, и у них тако творила... Блудила на девицах и над женами, на них взлазила и на себя впускала блудити, и целовала их во уста, и за груди, и в тайные уды с похотию до истечения похоти, и своєю рукою сама во свое тело блудила»³⁸. Сексуальные ограничения для женщин были заметно строже, чем для муж-

чин; имелись различия в возрастных и социальных запретах³⁹. В то же время отказ от исполнения супружеских обязанностей воспринимался как грех⁴⁰.

Специалист отмечает: «Сложно сказать, к чему могло привести навязывание человеку столь греховного представления о своей натуре. С одной стороны, можно увидеть здесь предпосылки для формирования своеобразного комплекса вины, при котором человек начинал воспринимать как греховные не только какие-либо отклонения от сексуальной нормы, но и интимные отношения вообще. С другой — повседневное перечисление всего перечня плотских прегрешений понижало его значимость и заставляло человека относиться к большинству упомянутых грехов как к чему-то обыденному и не такому уж страшному»⁴¹. Собственно, эта ситуация к концу XVIII века народным сознанием была отражена в «заповедной» поговорке «грех — когда ноги вверх, а опустил — Господь простил»⁴².

Дела о «половых преступлениях» церковные суды в России рассматривали вплоть до начала XVIII века⁴³. В феврале 1678 года, например, крестьянин Бутылицкого монастыря Петрушка Гаврилов бил челом митрополиту Муромскому на строителя монастыря старца Тихона «в блудном насилии жены его, а творил де он то блудное насилие дважды на монастырском скотском дворе при дворни и при жене и при тещи ево, а жену бил и в цепь сажал»⁴⁴.

И. А. Поляков, психолог и кандидат богословия, пытаясь выяснить, какую роль сексуальные запреты играют в жизни верующего, пишет: «Те люди, которые пытаются в этом разобраться, которые искренне пытаются жить в церкви, испытывают большой дискомфорт, они очень страдают. Почему? Потому что они не могут отказаться, вытравить в себе естественное сексуальное влечение. Это один из важнейших наших ресурсов,

с этим связаны и наши жизненные силы, и вообще жизненные возможности человека, они так или иначе опираются на его природу, на его тело, на его витальность, и тут невозможно обойтись без сексуальности.

Это влечение есть, и это грех, это плохо, это осуждается церковью. Очень трудно согласовать это все. И верующий человек искренне начинает в этом каяться, он начинает относиться к собственной сексуальности, к телесности, как к чему-то грязному, недостойному. И в конечном итоге это приводит к невротизации человека с возможностью даже перехода в какую-то патологическую форму»⁴⁵.

Судя по характеру дневниковых записей А. Гладкова, он находился в состоянии именно такого невроза. Постоянная рефлексия по поводу своего бессилия перед алкоголем отягощалась еще и комплексом вины за сексуальную невоздержанность, которая, в свою очередь, зачастую провоцировалась спиртным. Не случайно автор дневника по отношению к себе использует инвективную лексику, порою изумляясь своим сексуальным фантазиям («Ох, пьянство до всего доводит»); скрупулезно отмечает запретные для секса дни (праздники, постные и проч.), когда он не смог устоять перед искушением или когда выполнению религиозных обрядов предпочел плотские утехи с супругой, а также места, где он грешил с женой. Последнее в контексте сексуальных запретов имеет особый смысл: поскольку, как уже говорилось, предписывалось заниматься «этим» только у себя дома и только в определенной позе, любое другое место не только нарушает дозволенную локализацию секса, но и провоцирует на использование предосудительных позиций.

Есть записи, из которых следует, что Гладков изменял жене: «Весь январь месяц провел блудно, в пьянстве, в шуме и в раз-

доре. В церковь не ходил, согласно намерениям, Богу не молился и священного писания не читал: словом сказать, провел этот месяц неблагопристойно.

25 ч. У одной церковной службы не был. Выпил вина 1/100. По это число пьянствовал 16 дней... Пьянствовал, страмился, религиозные обряды не исправлял, книг не читал, блуд. (*блудил*)». Кстати сказать, православие делает различие между блудом и прелюбодеянием, причем блуд мужчины считается достаточно легким прегрешением⁴⁶.

В число запретов входил и запрет на предоставление своего дома для интимных встреч. Видимо, желая хоть как-то реабилитироваться в собственных глазах и загладить грехи, Гладков время от времени выступал ярким поборником нравственности: «Июнь, 23. Воскресенье. По доказательству дворницы Дарьи Фадеевны... что постоялка наша (в малом подклете), муромская мещанка... Стефанида Африкановна Иванова пустила в чуланчик незаконно пару исполнить плотские похоти. Что я и действительно застал и, заперевши чуланчик, побежал в полицию, чтоб захватить и отправить этих людей в полицию. Но прежде забежал к брату (в питейный дом) посоветоваться, и по совету брата не пошел объявлять полиции, а оборотился домой. Пришел в дом и отпер чуланчик — тех людей уже не было в чуланчике; они выпущены были в окно.

Май 30. Пришел домой: застаю у дворника Зиновия Андреева (бывши тогда в нашем доме), в чулане, пару — т. е. мужчину с женщиной, поругал их с женою.

Сентября 12. Пьянствовал, и постоялку, в малом подклете стоявшая, Стефаниду Африкановну, застал, которая из маленького чулана выпускала штукатура Ивана и, кажется, едва ли не грешила».

И еще один эпизод, в котором, кроме обычного самоосуж-

дения, прочитывается и некая толика обиды: «Март, 20. В пятницу, в бан. с ж. ск. согр. (*в бане с женой скоро или скверно согрешил*). А к ночи, напившись... разодрался с женою... Тогда меня, побивши, и засадили в Трубну. Жена хватала за муд и укусила у правой руки мизинец». Горечь Гладкова понятна, ибо в те времена, как писал мировой судья Я. Лудмер, «однократное избиение по закону ненаказуемо: в такой потасовке жена должна видеть только увещание... которое она должна принимать „с покорностью и почтением”. А чтобы судья имел право посадить тирана-мужа в кутузку, нужно „постоянное, одновременное и часто повторяемое причинение мужем жене своей побоев, оставляющих на ее теле следы и знаки, и употребление им в дело палки, ремня, кнута и т. п.” (см. кассационное решение 1871 года № 665). Пока, следовательно, жена не изувечена, она не может надеяться даже на временное удаление от нее мужа»⁴⁷. В нашем же случае — еще вопрос, кто кого побил. Наш герой и телесные повреждения — пусть легкие — получил, и действия, как бы сейчас отметили в протоколе, «циничного порядка», над ним были произведены. Кстати, если судить по этим самым действиям, то поводом для драки послужили, скорее всего, сексуальные разногласия между супругами.

¹ См., например: Герасимова Е. Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с партнерами // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. — СПб., 1997.

² Кон И. Вкус запретного плода: сексология для всех. — М., 1997. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kon/VkusZapretnogoPloda/03.htm>.

³ Цит. по: Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. Знаки и символы. — М., 1997. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kon/VkusZapretnogoPloda/03.htm>.

⁴ См., например: Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. — М., 1977.

- ⁵ Цит. по: Кон И. Был ли секс на святой Руси? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.neuronet.ru/sexsology/chapt601.html>.
- ⁶ Пушкин А. С. Письмо С. А. Соболевскому // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1828/1435_252.htm.
- ⁷ Добрынкина Е. Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского Губернского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – Владимир, 1875. – С. 127.
- ⁸ См.: Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Статья первая) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1983. – Т. 29 и последующие статьи.
- ⁹ Малахов А. Три века российской проституции // *Коммерсантъ-Деньги*. – 2001. – № 17-18. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aferizm.ru/histiry/his_3_veka_rus_prost.htm.
- ¹⁰ Бентович Б. Торгующие телом. Очерки современной проституции. – СПб., 1909; Ильюхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. – М., 2008; Федоров А. И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Санкт-Петербурге. – СПб., 1897; Михневич В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования. – СПб., 1886 и т. д.
- ¹¹ Добрынкина Е. Указ. соч. – С. 129.
- ¹² Астахина Л. Ю. Письменные памятники города Мурома XVII века как источник по истории русского языка и быта // *Уваровские чтения-III*. – Муром, 2001. – С. 219, 220.
- ¹³ Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Гетеры, авлетриды и тайные проститутки. Милость к падшим // Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М., 1994. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/lebir.htm>.
- ¹⁴ Владимирский историко-статистический сборник. – Владимир, 1869. – Табл. X; Ежегодник Владимирского Губернского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. – Владимир, 1876. – Т. I. – Вып. II.
- ¹⁵ Проституция [в Российской империи] по обследованию 1-го августа 1889 года. – СПб., 1890. – XXXVI. – С. 39, 86.
- ¹⁶ Цит. по: Притоны разврата // *Муромский рабочий*. – 1939. – 30 октября. – № 251. – С. 3.

- ¹⁷ Богатов И. Как хозяйствовали в Муроме «отцы города» // *Муромский рабочий*. – 1939. – 23 сент. – № 220.
- ¹⁸ Журналы Муромского очередного уездного Земского Собрания засеаний 1875 года. – Выходные данные утрачены. – С. 276, 346.
- ¹⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). Авторы-составители Б. М. Фирсов, Т. Г. Киселева. – СПб., 1993. – С. 236-246.
- ²⁰ Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. Знаки и символы.
- ²¹ Богданов А. П. О красоте русских типов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskolan.xromo.com/liter/bogdanov.htm>.
- ²² См., например: Безгин В. Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века) // «Белые пятна в российской истории. – 2011. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2011-1/2-bezgin.pdf>; Семенова-Тянь-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. – СПб., 1914; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. – М., 1877.
- ²³ См.: Смирнов Ю. Глазами Михаила Булгакова или «Мастер и Маргарита» в мире книг // *Шелковый путь: Альманах*. – Душанбе, 1990. – Вып. I. – С. 174.
- ²⁴ См.: Смирнов Ю. М. Муром, любовь и шампанское (князь Лев Сергеевич Голицын) // *Сообщения Муромского музея 2010*. – Владимир, 2011. – С. 35-57.
- ²⁵ Владимирский историко-статистический сборник. – Владимир, 1869. – С. 30.
- ²⁶ Таблица родившихся в 1874 году по городу Мурому // Ежегодник Владимирского Губернского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. – Владимир, 1876. – Т. I. – Вып. II.
- ²⁷ Добрынкина Е. Стары девы в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского Губернского статистического комитета. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – Владимир, 1875. – Стб. 91.
- ²⁸ Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. 2 // *НА МИХМ*. – Ф. 8. – Оп. 1. – № 94. – Л. 2. Подлинник хранится: ГАРФ. – Ф. Р-5881. – Оп. 2. – Д. 668.
- ²⁹ Казанкова М. А., Лаптева Т. А. Купеческий род Жадиных в истории

города Мурома и его генеалогические связи // Уваровские чтения-VIII. – Муром, 2012. – С. 212.

³⁰ Записки мещанина А. И. Гладкова. 1860-1864 гг. // Эпистолярное наследие провинции: история повседневности. – С. 75-138. НА МИХМ.

³¹ Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. Знаки и символы..

³² Проституция в России XIX века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/community/2859675/post102012835/>.

³³ Сексуальные традиции на Руси (интересные факты). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://relax.wild-mistress.ru/wm/relax.nsf/publica11/7FF7434DC84C7CAEC3257501005024CA>.

³⁴ См., например: там же; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--e1aktc.xn--p1ai/%D1%82%D0%B2-%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8B/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0_%D0%B8_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B8_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0/%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B8/; Сексуальные традиции на Руси. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pikabu.ru/view/seksualnyie_traditsii_na_rusi_27096.

³⁵ Сексуальные традиции на Руси (интересные факты).

³⁶ Там же.

³⁷ Сказ, как подобает исповедати // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России. Документы и исследования. – М., 1999. – С. 58. Цит по: Занков Д. «Блуд бывает всякий...» // Родина. – 2004. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=1444&n=79.

³⁸ Исповедание женам // «А се грехи злые, смертные...».

³⁹ См.: Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. Знаки и символы.

⁴⁰ Белякова Е. Брак и развод в России XIX века // Первое сентября. – 2001. – № 15.

⁴¹ Занков Д. «Блуд бывает всякий...»

⁴² Владимир Даль. Заветные пословицы и поговорки. – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/zavet.htm>.

⁴³ Проституция в России XIX века.

⁴⁴ Труды Владимирской ученой комиссии. – Владимир.

⁴⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--e1aktc.xn--p1ai/%D1%82%D0%B2-%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8B/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0_%D0%B8_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B8_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0/%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B8/.

⁴⁶ См.: Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. Знаки и символы.

⁴⁷ Цит. по: Белякова Е. Указ. соч.

Л. П. Гладкова

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ В. В. ЗВЕРЕВА ИЗ ФОНДОВ МИХМ

Рис. 1. В. В. Зверев

Василий Васильевич Зверев — инженер-механик, герой русско-японской войны. Родился 26 декабря 1865 г. в семье муромских мещан Василия Петровича и Марии Васильевны Зверевых. После муромского реального училища в 1885 г. поступил в Техническое училище Морского ведомства, находившиеся в Кронштадте, которое и окончил спустя три года. 22 сентября 1888 г. был произведен в звание младшего инженер-механика. В 1889-1898 гг. Зверев служил на Черноморском флоте, занимая должность механика на различных кораблях. 6 декабря 1894 г. он получил звание помощника старшего инженер-механика (аналог чина штабс-капитана). В начале XX в. В. В. Зверев продолжил службу на Дальнем Востоке. 6 января 1903 г. получил назначение на миноносец «Сильный». 14 марта 1904 г. погиб в бою. Об этом бое вице-адмирал С. О. Макаров отправил «всеподданнейшую телеграмму» Николаю II: «Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что сего числа с броненосцами, крейсерами и миноносцами выходил для осмотра некоторых соседних островов.

© Гладкова Л. П., 2014

194

14 марта

Всеподданнейше доношу, что 14 сего марта, в 2 часа ночи, неприятель сделал вторую попытку заблокировать вход во внутренний рейд. С этой целью им были направлены ко входу 4 больших коммерческих парохода, в сопровождении 6 миноносцев. Неприятельские суда были своевременно открыты прожекторами, подверглись обстреливанию батарей и со сторожевых лодок „Бобр” и „Отважный”.

Опасаясь прорыва неприятельских судов, командир сторожевого миноносца „Сильный” лейтенант Криницкий, бросился в атаку и миноу взорвал нос передовому из них, который повернул вправо, а за ним последовали 2 других парохода, так что все 3 выкинулись правее входа. Четвертый пароход взял влево и затонул также в стороне от фарватера.

Миноносец „Сильный” вступил в бой с 6-ю неприятельскими миноносцами; на нем убиты старший инженер-механик Зверев и 6 нижних чинов. Командир и 12 матросов ранены.

Утром показались японские броненосный и крейсерский отряды; со вверенным мне флотом вышел для встречи неприятеля.

Вторая попытка японцев заградить вход в Порт-Артур, благодаря энергичному отпору морских и сухопутных сил, потерпела такую же неудачу, как и первая.

Вход в порт остался совершенно свободным»¹.

Письма и документы поступили в архив музея от И. П. Богатова 19 марта 1955 года. Написаны в период с 1883 по 1904 годы; приведены с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Документ 01-64-01, М-12968/1

Письмо родителям и сестрам из Кронштадта. Написано чернилами на тетрадном листе в линейку, с обеих сторон.

195

Чернила выцвели. Бумага загрязнена, пожелтела, края письма не цельные, затерты. Размер 20,5x13,1 см.

Милые мои Родители
Папаша Василий Петрович
Мамаша Марья Васильевна
Сестрицы Фанничка, Анначка и Евпрасиенка.
Здравствуйти

Наконецъ то я, милые мои Родители увижу ваши драгоценные строчки начертанные Вашей рукой, такъ какъ я изъ (*неразб.*), где мне показалось все очень скверно и гадко, переехал на квартиру к кухмистеру Алексею. У него («у меня» — зачеркнуто) я имею отдельную кровать, место для одежды, а заниматься, где хочу въ гостиной и въ зале (я в (*неразб.*) былъ (*неразб.*) кабинетъ хозяина). Плачу за это 8 рублей въ мѣсяць; обедъ в этой кухмистерской состоитъ изъ 3 блюдъ, стоитъ 20 (каша, супъ и жарк — скобка не закрыта, далее слова затерты). Сколько подаютъ всего этого, то это видно изъ того, что когда я селъ обедать въ 4 1/2 часовъ на тощакъ, ибо утром в 8 часовъ съелъ 3-ю булочку, то я отдавалъ каждое блюдо недоевши. Сегодня, дорогой папаша, я былъ у учителя съ рекомендаціей моею; онъ меня хорошо принялъ и въ разговорѣ между прочимъ сказалъ, чтобы я все свое прилежание употребилъ въ оставшіеся 2 недели на математику, а на остальные предметы чтобы я и не думалъ обращать свое внимание въ это время, а после, ибо как онъ сказалъ «что если Вы ответите, может быть, и плохо, то (*неразб.*) все можно будетъ поправить, такъ (я — зачеркнуто) какъ я попрошу экзаменаторовъ объ Вас, ну, а что касается Математики то Я некоторыхъ попрошу, а других и не попрошу такъ какъ нельзя, поэтому Вы в эти 2 недели то и займитесь математикой» и я нынче-же занима-

юсъ съ одним реалистомъ Еисмондомъ, объ которомъ я писалъ. Учитель Баженовъ надеется что я выдержу. К Доктору я спросил его-нужно ли идти: — он сказал не нужно. На самомъ деле Братъ Еисмонда готовится тоже в училище, но я его убе-ру съ одной ручки. Живъ и здоровъ чего и Вамъ драгоценные мой Радетели и Сестрицы Ат всего сердца желаю. Да продлить Господь Богъ Вашу жизнь милые Родители. Во Вторник опять къ Максиму — званъ. Сережа у меня уехалъ въ Петербургъ въ 9 часовъ утра и я «въ пустыне странникъ одинокий». За всеи темъ с пожеланиями Вамъ доброго здоровья и въ делахъ вашихъ скорыхъ и счастливыхъ успеховвъ и въ долгоденствии мирной и счастливой жизни остаюсь искренне любящий и несчетно раз целующий покорный сынъ Вашъ и братъ

Василий Зверевъ.

Август 12 пятница 1883 года. Кронштадтъ.

Поклонъ передайте Алексею (*неразб.*), Марьи Вас, Тетке Паше, дядинкамъ Сереже, Тильту, Хозяйке, Люб. Ефимовне, всеи родивимъ и знакомымъ. Сегодня я купилъ почтовой бумаги — на 15 к чаю — на 40 к (четверть) сахару — на 11 к (1/2 фунта) (*неразб.*) купонъ в 2 р. 50 к за декабрь 1884 г нигде не берутъ. Мой адресъ: Кронштадтъ, Вас. Вас. Звереву в Кухмистерскую Алексею на углу (Соборной площади — зачеркнуто) Театральной площади и Северного бульвара.

В. Зверевъ.

На полях слева приписка: «Дай Богъ Пране хорошо учиться и въ нынешнемъ году и быть умной, а сестрамъ хорошими невестами».

Документ 01-64-02, М-12968/2

Письмо отцу в Муром из Севастополя. Письмо написано на двух тетрадных листах с обеих сторон, чернилами. Чернила выцвели, бумага пожелтела, загрязнена, на сгибах заломы. Без окончания. Размер 21,1x13,3 см.

Севастополь. 24. Февраля 1892 г

Милый и дорогой Папа.

Здравствуйте. Целую Васъ ... поздравляемъ съ дорогимъ днемъ Вашего Ангела и съ прошедшимъ Днемъ Вашего Рождения. От души и всего сердца желаю, чтобы этотъ День Ангела былъ (неразб.) Ангелькимъ (неразб.) и прошелъ бы весело и счастливо, мирно и тихо и по божески. Дай Богъ Вамъ Папа многие (неразб.) такого рода (неразб.) и въ будущемъ и надеясь быть хоть на одном изъ них да приведетъ Богъ побывать въ это время у Васъ. Да хотелось быть и в нынешнемъ то годе, да неладно вышло, ну что теперь не вывезло, такъ ведь когда нибудь да вывезетъ. Вотъ ведь тоже судя по прошлому Вашему письму сестренки на меня сердиты, а я уверенъ что пройдетъ немножечко времени и оне меня полюбятъ по прежнему и не будутъ более смотреть на миня какъ на врага, все во времени. Наконецъ то теперь и кажися завтра или после завтра получу деньги. Рапортъ помочь (неразб.) вышли изъ Николаева и вотъ еще маленькие формальности и «иждесъ» и потом (нарисован прямоугольник и в нем надпись: «Муромъ. Зверевъ»).

Впрочемъ сие все по тону, а вотъ что: Что ни лесъ, ни трава растилается. моя буйная головка приклоняется: от всего сердца и души продравляю и целую Машу, мамочку, маму и сестренку: дай Богъ всемъ вамъ славный праздникъ этотъ день.

В конце письма пропою Вамъ Чарочку, песенку, которую надо будетъ спевать за столомъ, въ канунъ обеда:

Чарочка моя Серебрянная
На золотомъ блюде Поставленная
Кому чару пить
Тому здраву быть
Выпить на здоровье
Василию Петровичу
На многая, многая, многая лета!

Я хоть теперь и не пью, но въ — день — Вашего Ангела закачу маленькую выпивку и ужъ тоже выпью, выпью и спою чарочку. Прошу Пранию принять Посильный Посылъ По Пимъ-Пиръ-Пимъ

*

Купили Пране фортепяно
Заиграло оно пьяно

*

Пригласили (неразб.)
Чтобъ исправиль онъ станину

*

У (неразб.) въ голове мигрени
Онъ исправиль еле-еле

*

А содраль въ три дорога,
Въ шею, вотъ ему дорога

*

(неразб.) учимъ у старухи
Дама — жъ «ахи», «охи» «ухи»

*

Такъ взяла-бъ и разорвала
Что урокъ ей навязала

*

Прыщикъ малый объявился
Знать в кого нибудь влюбился

*

Так пословица сказала:
На старушку указала

*

Если етой песни мало
То начну ее сначала

*

Папе мы на именины
Заиграли пимъ-пиръ-лиммы

На полях слева приписка: «Поклонъ крестному /Спасибо ему за теплое письмо/ роднымъ и (неразб). Фану тоже поздравляю».

Документ 01-64-03, М-12968/3

Письмо отцу в Муром из Севастополя. Написано на одинарном тетрадном листе черными чернилами. Без окончания. Бумага пожелтела, по краям в пятнах. Размер 20,5x13,2 см.

Милый дорогой Папаша

Здравствуйте, поздравляю Васъ съ Великимъ праздникомъ² и сердечно желаю провести его счастливо. Я все не писалъ потому что ждалъ отъ Прани ответа на письмо, но должно быть оно будетъ къ Рождеству, ладно подождемъ да только дело в томъ что я ждалъ ждалъ да и пропустилъ срокъ и вотъ причина почему Вы это письмо вместо 25 получите 27-го. Все таки съ праздникомъ. Ну Мамочка давайте я Васъ поцелую, очень не сердитесь, съумейте прощать маленькие обиды и Бог не оставитъ. Живу я (без окончания)

Документ 01-64-04, М-12968/4

Письмо отцу в Муром из Севастополя. Написано чернилами на одинарном тетрадном листе с обеих сторон. Бумага пожелтела, выцвела, края ветхие. Размеры 20,8x13,1 см.

Милый и дорогой Папаша

Здравствуйте. Целую Васъ и Мамашу и желаю Вамъ обимъ много летъ здравствовать. Дела было масса, хлопотъ и того больше, а потому простите, что давно не писалъ, хотя собственно говоря все ждалъ письма изъ дому; ждалъ, ждалъ, анъ глядь уже и 8-ое, пиши скорее «говорю» себе — и вотъ. 1-го числа сего месяца мы кончили плавать на Кодоре³, а 4 меня вновь назначили на Батумъ. «Батумъ»⁴ — тоже миноносець. Это назначение выхлопоталъ мне мой Кодорский командиръ въ награду за плавание. Онъ мной такъ остался доволенъ, что еще обещалъ (текст обрывается и начинается на другой странице со слов) вается что ранее конца будущего 1894 года меня въ отставку низачто не выпустятъ, а въ прошении о выходе въ запасъ наверное откажутъ. Нужно сказать, что и у насъ скоро будетъ отлично, ибо механиковъ нетъ. Я еще не решилъ и ответа не далъ.

Будьте здоровеньки и счастливы.

Еще разъ целую Васъ, Мамочку, и если подвернется, то и Праню. Поклонъ Крестному и другимъ роднымъ, начиная с Фаны.

Любящий сынъ Василий

адресъ:

Севаст. Морс. Собрание.

В. Сентябрь 8-го 1893 г. Севастополь

Документ 01-64-05, М-12968/5.

Письмо сестре Пране в Муром из Николаева. Написано чернилами на одинарном тетрадном листе с одной стороны. Бумага пожелтела, выцвела, в пятнах. Размер 21x13 см.

Милая Праня

Еще разъ поздравляю тебя съ Великимъ Праздникомъ и прошу безъ лишнихъ словъ и долгихъ фразъ взять (*неразб.*) здесь в целковыхъ и 3 письма и раздать по адресу, причемъ Евлаше три, Фане 2 и Ефросе 1. За эти труды я тебе въ свое время вышлю сумму, а теперъ только благодарно целую. Седьмой рубль тебе на утешенье. Не ругайся.

Твой братъ Василий

Поцелуй за меня Папашу и Мамашу и глубокий отвесь имъ поклонъ.

Николаевъ 14/IV 1894 года

Документ 01-64-06, М-12968/6

Письмо в Муром родителям и сестрам из Севастополя. Написано чернилами на двойном тетрадном листе с обеих сторон. Бумага выцвела, пожелтела. Размер 20,8x13 см.

Декабря.

1894 г.

Севастополь.

Мильи Папаша

Милая Мамаша

Милая Праня

Милая Фана

Здравствуйте, целую Васъ и поздравляю съ моимъ праздникомъ съ моимъ производствомъ. Сие случилось 6-го декабря и 6-го

Л. П. Гладкова. Письма и документы В. В. Зверева из фондов МИХМ

же ко мне прибежали знакомые съ этой вестью. Я сначала даже не поверилъ, такъ какъ 6-го декабря ранее никогда не производили, но оказалось, что теперъ и впредь будутъ производить не на Новъ-Годъ, а 6-го въ день Ангела Государя и Морской праздникъ св. Николая. Поздравляютъ еще и до сихъ поръ, а некоторые такъ на улице останавливаютъ и деля изъ (глазь — *зачеркнуто*) рукъ увеличительное стекло съ великимъ тчаниемъ рассматриваютъ новые две вдобавокъ къ старой звездочки, что вездсаютъ теперъ на погонахъ. Три звездочки штука не малая, больше (*неразб.*) не младший, но и не старший еще, какъ написала адресъ Праня. Я только теперъ имею право на место старшего механика съ его окладомъ, но я есмъ теперъ и прошу такъ величать: Помощникъ Старшего Инженеръ Механика. Старшимъ механикомъ я буду ровно черезъ 8 лет а тогда я буду штабъ-офицеромъ⁵ подполковникомъ, а пока я еще остался оберъ-офицеромъ⁶. Только деньжишекъ прибавили, а именно: береговыхъ безъ школы 72 и въ море 159. По настояще время я получалъ 72 плюсь 30 — итого 102р. въ месяцъ. Благодарю Господа Бога за его милость и Царя за щедрость нашему Ведамству. Всетаки ранее произвели, чемъ следуетъ. После меня изъ нашего выпуска произвели еще только 2, такъ что даже остались непроизведенными. Интересно что мой старш. механикъ тоже помощникъ и теперъ мы в одинаковыхъ правахъ, а онъ после Училища кончилъ курсъ еще въ Горномъ. Вообще теперъ нашему брату стало служить очень хорошо. Вы посмотрите только въ Правительственномъ вестнике сколько 6-го раздали нашимъ орденовъ — ужась.

Теперъ жду Мамашу не по днямъ а по часамъ. Не забудьте только о времени выезда изъ дома и приблизительного времени прибытия ко мне сообщить все письмомъ. Вотъ и снимемся. Скорее только приезжайте. Живу и служу хорошо и здоровъ. Будьте счастливы и передайте мой поклонъ всемъ родимымъ

Крестному Фед. Максимовичу. Пране спасибо за письмо.

Любящ. сынъ Василий.

Документ 01-64-07, М-12968/7.

Письмо сестре Пране в Муром. Без даты. Написано чернилами на двойном тетрадном листе с обеих сторон. Бумага пожелтела, загрязнена. Размер 20,8x13 см.

Милая и дорогая Праня.

Благодарю тебя за это, такъ и за все предыдущия письма, которыми ты меня обязательно уведомляла о томъ, что делается дома и какъ ты поживаешь. Слава Богу, что все понемногу устраивается къ лучшему и можетъ быть у васъ будетъ такой славный миръ, что другихъ будетъ только зависть братья. Дай Богъ, чтобы все было, какъ въ первые месяцы. Я нисколько не думаю о томъ, что тебе одной будетъ скучно, потому что, надеюсь, Анюта найметъ квартиру где нибудь поближе къ дому, что будетъ какъ для тебя, такъ и для нея очень хорошо и удобно. За карточку я тебе очень благодаренъ, хотя она явилась предъ моими очами вся въ чернилахъ, которые я конечно оттеръ осторожно и теперь пишу и люблюсь на тебя. У меня на столе посредине у стени ты, пониже Анюта, слева мамаша и Прас. Андреевна съ (*неразб.*), справа Папаша и Козьминъ. Я такъ обрадовался твоей карточки, что сейчасъ же съ письмомъ отправился, или лучше зашелъ в магазинъ и купилъ тебе рамку, ну, не тебе, а твоему портрету. Рамочка славненькая, миленькая, металлическая (*сверху вставлено — ажурная*) въ виде веера, очень красивая. Красива и ты, только слишком много шика; такъ не хорошо; эти букли и завитушки идутъ, когда они природные, а когда оне результатъ папильотокъ и щипцовъ, оне не производятъ теплого впечатления. Прими это какъ легкий

выговоръ. Коса шикарная, носъ великолепный, губки наши, буфера на плечахъ выше облака ходячаго, а въ общемъ очень красиво, только немножко нескромно, слишком шиказно; помни: простота есть лучшая красота и это во всемъ, въ манерахъ, въ нарядахъ, въ прическе, въ речи, ты ужъ прости, что я тебе выговариваю, какъ будто самъ лучше тебя, нетъ не лучше, а старше, а потому «смирно» и «есть» и больше никакихъ.

Душа моя, меня опять упекли на «Кодоръ»; что делать поплаваемъ и на этомъ суденышке, положимъ потомъ еще буду плавать на другомъ миноносце, а осенью на корабле «Георгий Победоносецъ»⁷, но этотъ «Кодоръ» навязъ у меня въ зубахъ, все оттого, что насъ очень мало; теперь на корабли нашихъ вместо 7 назначаютъ всего 4 и всетаки не хватаетъ. Къ Пасхи надеюся не произведутъ, а если произведутъ то ты радуйся; я тоже буду очень радъ.

Документ 01-64-08, М-12968/8.

Письмо бабушке и матери в Муром от Антона (фамилия неразборчива) о гибели Василия.

Написано черными чернилами на одинарном листе с обеих сторон. Бумага потерта, пожелтела. Размер 28x21,6 см.

Милая мамаша и
Дорогая бабушка!

Вы вероятно вчера получили отъ насъ телеграмму, извещавшую о внезапно постигшей Васъ, и всю нашу семью, тяжелой утраты, Дорогого, незабвеннаго сына, для насъ же брата и дяди Васи не стало! Горе — такъ неожиданно посетившее насъ, не поддается описанию. Все выражаемъ Вамъ наши искренния сочувствия о понесенной тяжелой для всехъ насъ неожиданной потери дорогого, близкаго намъ человека. Да пошлетъ Вамъ

Богъ силы и терпения перести все это. Въ тяжелья минуты. Истинные христиане, должны обращаться къ Богу, такъ какъ кроме Его, никто не облегчитъ наши страдания, и молитвы, вознесенныя Создателю объ упокоении новопреставленного раба Василия, на поле брани животь свой за веру, царя и отечество, положившаго, будутъ залогомъ, искренней преданности и любви к покойному. Вечная ему память! Онъ умеръ славною, геройскою смертию, исполняя свой долгъ — и верьте: многие позавидуютъ ему. Приявь мученический венецъ, онъ в свою очередь, будетъ молитвенникомъ предъ престоломъ Всевышняго, за насъ, смертныхъ.

Имя его будетъ отмечено на скрижаляхъ военной истории, и на миноносце «Сильномъ» будетъ вечно передаваться изъ устъ въ уста, как о герое, принимавшемъ участие в отражении лихой атаки неприятеля, и принесшим безспорную пользу отечеству, и верный присяге Царю Батюшке и Отечеству пожертвовалъ своею жизнью за честь родины. Вечная слава героямъ! Такъ какъ горе сближаетъ всехъ, для того чтобы поделиться и почтить память покойного, сегодня (*зачеркнуто*) все мы собрались въ церковь и отслужили панахиду по дорогомъ и незабвенномъ брате и дяди. За панихидой присутствовали папаша, мамаша, тетя Евлаша, жена Пети, Саша, Юля, Верочка, Аркаша и я. Извиняемся, что причинили грустной телеграммой Вамъ душевныя срадания, но истина — будь, она и горькая — лучше, нежели неведение. Все кланяемся Вамъ и тете Евраксии Васильевне и целуемъ Васъ обоихъ за очно крепко.

Миша, Паня, Евлаша, Саша, Юля, Верочка, внучата и я Антон (*фамилия неразборчива*)

PS. Газетныя сообщения — при семъ прилагаю.

Извиняюсь, что плохо написал письмо, т. т. кк нервы взвинчены.

Документ 01-64-09, М-12968/9.

Письмо сестре Пране от брата Володи из Архангельска о смерти Василия. Написано чернилами на одинарном тетрадном листе с обеих сторон. Бумага пожелтела, загрязнена. Размер 20,8x13 см.

Архангельскъ, 18 Марта 1904 г.

Дорогая Праня!

Глубоко скорблю объ ужасномъ горе, постигшемъ Вашу семью и искренне жалею безвременно погибшего Васю; какъ мне хотелось съ нимъ встретиться, сдружиться и такъ и не удалось. О! судьба, жестокая судьба! Утешениемъ для Васъ должно быть это то, что (онъ — *вставлено наверху строки*) умеръ почетной смертию, борясь за честь своего отечества, своей родины. Пожалуйста, напиши намъ скорее, такъ какъ Анюта очень беспокоится о Васъ, а также меня весьма интересуеть, какъ Вашъ городъ отнесется къ потери такого дорогого гражданина какъ Вася; смерть его должна служить гордостью для Мурома и, мне кажется долгъ города не забывать техъ, кто осиротель после него. По получении отъ тебя письма, саабщу тебе, чтобы Вамъ по моему мнению, следовало-бы предпринять. Крепко целую тебя, маму и всехъ. Будьте здоровы и не отчаявайтесь. Наша жизнь ужъ такова, что какъ ни живи, а все радостей не много. Ну, прощай, дорогая

Тебя любящий Володя.

Документ 01-64-10, М-12968/10.

Копия письма Василия Зверева родителям. Написано чернилами на одинарном тетрадном листе с одной стороны. Бумага пожелтела, потерта. Размер 21x13 см.

Копия с письма моего покойного брата, посланного Имъ

2 марта, а полученного нами 26 Марта 1904 г. Е. Зверева.

Милая и дорогая Мама!

Я окончательно здоровъ и невредимъ. Целую Васъ и поздравляю съ наступающимъ светлымъ праздникомъ и днемъ Ангела. Желая всего хорошаго Вамъ и всемъ Вашимъ и моимъ роднымъ.

Посылаю при семъ 75 р. въ Ваше личное распоряжение прошу на нихъ сделать подарки Пране, детямъ Фаны, дяде и Маше и себе и установить приличную ограду вокругъ могилки незабвеннаго нашего Папаши. На счетъ войны скажу, что съ Богъ чего и Вамъ отъ души желаю.

Василий.

Документ 01-64-11, М-12968/11.

Копия удостоверения Марии Васильевны Зверевой на получение пенсии. Написана чернилами на двойном листе. Бумага пожелтела, загрязнена, последняя страница порвана. Размер 22x17 см.

Копия.

Министерства Морское Главный Морской Штабъ по отделу личного состава по 1-му отделению 16 мая 1904 года № 12 029. Удостоверение. Дано сие от Главнаго морского Штаба вдове мещанина г. Муромы Марии Васильевне Зверевой на предмет исходатайствования пенсии, въ томъ что сын ея Корпус Инженеръ-механиковъ Флота Старший Инженеръ-механикъ Василий Васильевич Зверевъ убитъ 14 Марта 1904 года на миноносце «Сильный» въ бою подъ Портъ Артуромъ съ японскими миноносцами и Высочайшимъ приказомъ поморскому ведомству отъ 19 Апреля тогожегода за № 496 исключень изъ

списковъ. Старший делопроизводитель Капитанъ 1-го ранга Сергеевъ делопроизводства состава и привешена печать.

Я, нижеподписавшийся удостоверяю верность этой копии съ подлинникомъ ея, представленнымъ мне Сергею Васильевичу Русакову, Муромскому Нотариусу, въ конторе моей, находящейся на Касимовской улице, въ доме подъ № 19/14, Муромской мещанской вдовой Марией Васильевной Зверевой, живущей въ гор. Муроме; при сличении мною ятой копии съ подлинникомъ въ (два слова неразб.), приписокъ, зачеркнутыхъ словъ и (неразб.) небыла, подлинникъ гербовой (неразб.) 1904 года 7 июня дня по реестру № 546

Нотариус Сергей Русаков.

Внизу каждой страницы росчерк нотариуса. В конце копии оттиск личной печати нотариуса с изображением владимирского герба и круговой надписью «Печать нотариуса С. В. Русакова въ г. Муроме».

Публикация Л. П. Гладковой

¹ Всеподданнейшая телеграмма вице-адмирала Макарова // Летопись войны с Японией. — 1904. — № 2. — С. 40. О деталях боя см: Н. О. Военные действия на море // Летопись войны с Японией. — 1904. — № 2. — С. 35; История русско-японской войны. — СПб., б/г., — С. 100-101; Подробно о В. В. Звереве см.: Кузнецов Н. А. Инженер-механик В. В. Зверев — герой Муромской земли // Уваровские чтения-VIII. — Владимир, 2012. — С. 225-231.

² То есть с Пасхой. 25 апреля Пасха была в 1897 году, следовательно, письмо написано в 10-х числах этого года.

³ Миноносец в составе Черноморского флота. До 01.08.1886 года носил название «Кодор» (Кодор — река в Абхазии).

⁴ Миноносец. Экипаж состоял из 3 офицеров и 15 матросов.

⁵ Общее название военных чинов от майора до полковника.

⁶ Общее название военных чинов от прапорщика до капитана.

⁷ Эскадренный броненосец, экипаж 642 чел.

ЦЕРКОВНОЕ ВЕНЧАНИЕ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ ПО РЕДАКЦИЯМ ЖИТИЯ И ИКОНОГРАФИИ: К ВОПРОСУ О РЕДКИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЮЖЕТАХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ

«Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма эпохи Ивана Грозного не только знали и читали при царском дворе и в народе, но и несколько столетий после старательно пересказывали, переписывали, «редактировали» и иллюстрировали. А с XIX в. ученые изучают текст и интерпретируют содержание жития о змеборце князе и мудрой деве. К новому тысячелетию создана обширная «петрофеврониана», и к ней причастны не только специалисты по древнерусской литературе, но и другие исследователи — от историков до физиков. Краткое муромское сказание емко и многозначно по содержанию. Каждый его эпизод требует специального рассмотрения. В рамках наших исследований особо интересны иллюминированные списки жития и клейма икон Петра и Февронии, показывающие вариативность «живописного прочтения» литературного текста. В одной из своих работ мы представили, как словесный образ «драгоценного шитья» св. Февронии, над которым она трудилась перед посмертным соединением с супругом, дополнялся и переосмыслился редакторами Повести и отражался в иконописи и лицевых рукописях¹.

Настоящая статья посвящена начальному эпизоду жития (по разным редакциям) — сочетанию святых супругов в христианском браке и его воплощению в изобразительном искусстве. Момент ключевой для Повести, рассказывающей о женитьбе удельного муромского князя на вещице деве из рязанской глуши.

Сюжет «неравного брака» вполне соотносится с фольклорными схемами. Чаще всего и предлагалось прочтение жития Петра и Февронии как сказки, в том числе волшебной. При таком сопоставлении в нем выявляется, как выразительно соединяются «в одно целое два, казалось бы, противоположных в рамках своих жанров „хороших финала“: сказочная „свадьба“ и житийная „смерть“». Их противопоставление снимается. Они сливаются в одном образе-символе². По одной из трактовок женитьба князя-христианина на поселянке, из «языческой богини превратившейся в православную святую, четко определяет символический смысл „Повести о Петре и Февронии муромских“ — победу христианства над язычеством³. Интерпретировалась повесть Ермолая-Еразма и в системе традиционной свадебной обрядовой практики⁴, и как актуальный, составленный в назидание «литературный показ» правильности церковного брака (уже усвоенного в городе) для русской деревни, по данной версии «фактически христианизирующей» в первой половине XVI в.⁵ Брак Петра и Февронии рассматривался и как «союз змеборца и Премудрости» (союз Силы и Мудрости) в контексте сюжетов и символов Московского царства⁶.

В известном Послании митрополита Макария Ивану IV в Муром во время Казанского похода в июле 1552 г. наставник призывает царя к змеборчеству и чистоте в браке⁷ (тогда молодой государь был в разлуке со своей первой и любимой женой — царицей Анастасией). Полагают, что в нем впервые используются образы «святых новых чудотворцев» Петра и Февронии как идеальной супружеской пары⁸, незадолго до этого канонизированных на церковном соборе 1547 г. Муромские события нашли отражение в Лицевом летописном своде 1568-1576 гг. — грандиозном проекте государя. В Царственной книге (ГИМ) пребывание царя в городе его «сродников» — святых князей

Ил. 1. Венчание Петра и Февронии. Клеймо иконы «Св. благов. князь Петр и княгиня Феврония Муромские, с житием». 1618 г. (Муромский музей)

Ил. 2. Венчание Петра и Февронии. Копия Н. П. Андрина 1890-х гг. с клейма иконописного комплекса А. И. Казанцева (?) кон. XVII – нач. XVIII вв. (РНБ. Ф. I. 832. Л. 25. Рис. 24)

Петра и Февронии — проиллюстрировано не только воинскими сюжетами. Миниатюристы показали и моление царя о победе над Казанью у мощей чудотворцев (л. 483об.-484) и чтение полученного им Послания от митрополита (л. 489об.-490).

Наиболее ярким изобразительным мотивом, отражающим торжество церковного брака в Повести, по логике должна бы быть сцена таинства венчания по православному обряду. Однако она редко встречается не только в житийных сюжетах святых Петра и Февронии (клеях икон и лицевых рукописях), но и вообще в русской стенописи и иконописи. В изобразительном искусстве предпочтительным мотивом является брачный пир, иконография и символика которого восходит к евангельскому эпизоду — «Браку в Кане Галилейской». На нем Иисус Христос не только присутствовал, но и ознаменовал союз молодых чудом претворения воды в вино — прообраз Евхаристии (Ин. 2:1-11).

Согласно Ветхому Завету, брак вообще создан самим Господом, который сотворил первого мужчину и женщину и благословил их жить вместе (Быт. 1:26-29; 2:7-25; 3:1-24). В христианском искусстве средневековья этот библейский сюжет нашел широкое отражение. Например, в миниатюре bestiaria XII в. из библиотеки Абердинского университета (Шотландия)⁹. У ветхозаветных евреев заключению брака предшествовал брачный договор при свидетелях. Бракосочетание являлось семейным обрядом, в котором могли принимать участие священники и левиты, но оно не было обязательным условием действительности брака. Еврейский свадебный обряд — соединение священником рук библейских персонажей Давида и Мелхолы под звуки музыки, издаваемой играющими на дудочках фланкирующими юношами, представлен на блюде 613-630 года (Кипрский музей. Никосия)¹⁰.

В античности и эллинистической Греции после передачи руки невесты жениху происходило «венчание». Символические действия совершал отец невесты. Дом, где проходило торжество, украшали цветами, а головы молодых — венками. Считается, что к началу V в. на Востоке уже существовал особый церковный чин бракосочетания. Церковь восприняла обряд венчания, очистив от языческих атрибутов и дополнив христианскими элементами, главный из которых Причащение. Древние брачные обряды получали новое христианское осмысление постепенно: так, святитель Иоанн Златоуст пишет, что брачные венки нужно понимать как символ победы молодоженов над плотскими удовольствиями. Кроме обряда венчания в творениях святителя упоминаются брачный договор, особое одеяние невесты, присутствие священников, молитвы и благословения, пир. Палладий описывает бракосочетание, которое состоит из венчания, брачного пира и каких-то «подобающих браку» обрядов. Свадебные мероприятия завершались, когда все участники уходили из чертога молодых («Лавсаик». Перв. четв. V в.). На Западе в это время аналогом венчания брака является церковный обряд *velatio* (от лат. *velum* — парус, завеса, плат), заключающийся в возложении особого плата, по одним источникам только на голову невесты, по другим — обоих новобрачных. В дальнейшем развитие чина церковного благословения брака на Западе пошло по-другому, чем на Востоке, и венчание не стало его основным обрядом¹¹.

Известны ранние изображения брака в христианском искусстве, например, на золотом донце стеклянного ритуального сосуда из римских катакомб, где показаны жених и невеста, соединившие свои правые руки (III-IV вв.). В более поздней резной пластине сам Христос венчает византийского императора Романа и императрицу Евдокию (X или XI вв. Paris.

BNF)¹². Сцены обручения молодоженов и заключения браков в церкви характерны для средневекового западноевропейского искусства. Например, в миниатюрах, украшающих летописный свод истории монархии Франции («Большие французские хроники» — фр. *Grandes Chroniques de France* — «Хроники Сен-Дени» нач. XI — кон. XV вв.).

Брачная тематика отражена и в наиболее раннем лицевом летописном своде Руси — Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи — памятнике, предположительно начала XIII века, сохранившимся в двух списках XV века (БАН. 34.5.30)¹³. Стилистические особенности миниатюр, испытавших значительное западноевропейское влияние, позволяют предполагать, что они восходят к ранним оригиналам домонгольского времени. К их копированию в условиях Московского государства рубежа XV-XVI вв. могли быть привлечены западные мастера¹⁴. Обращает на себя внимание, что иллюстрации известий о сватовстве и женитьбе в этой летописи, даже объединенные в заданный тематический цикл, не дают непосредственно отражения самой брачной церемонии. История, связанная с Рогнедой, состоит из двух композиций — сватовства и военного похода на Полоцк, переданных, «в сущности „сценическими” приемами, с выразительной театральной условностью» (л. 42об.)¹⁵. А в цикле из девяти миниатюр «курсунской легенды», представляющих события от осады города до крещения князя и его дружины, собственно матримониальная тема показана на четырех из них. На первой Владимир отправляет гонца к византийским императорам с предложением отдать ему в жены их сестру Анну и получает от них согласие (л. 61об. Мин. 135). Вторая изображает, как царственные братья убеждают Анну стать женой правителя Руси (л. 61об. Мин. 136). В третьей ей миниатюре невеста прибывает в Курсунь, где ее встречает

Ил. 3. Брак князя Владимира и царевны Анны. Клеймо иконы «Св. благов. князя Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба». Перв. четв. XVII в. (Муромский музей)

Владимир (л. 62. Мин. 137). Последняя из них посвящена переписке русского князя и греческой царевны по поводу его крещения (л. 62. Мин. 138)¹⁶. В рисунках история христианского брака Владимира и Анны не имеет визуального завершения. Нет вовсе миниатюры, фиксирующей их женитьбу какой либо «универсальной иконографической формулой»¹⁷. Любопытно, что «недостающее звено» обнаруживается в одной из сцен иконы «Святые благоверные князя Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба» в 20-ти клеймах первой четверти XVII в. (Муромский музей)¹⁸. В ее уникальном повествовательном цикле, ориентированном, прежде всего, на летописный рассказ, теме брака с царевной Анной, как и в Радзивилловской летописи, посвящено четыре клейма (они несколько разнятся по составу и характеру композиций)¹⁹. Отсутствующая в древней лицевой летописи сцена, означающая свершившийся брак князя Владимира, на муромской иконе представлена в одиннадцатом клейме. На нем фигуры молодоженов, изображенные сидящими на одном престоле, обращены друг к другу, что подчеркнуто и склоненными головами в зубчатых коронах, и жестами рук, «подчиненными характерному для средневековья этикету ситуаций»²⁰. Одна из

Ил. 4. Венчание и свадебный пир Ивана IV и Анастасии Романовны. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1568-1576 гг. («Царственная книга». ГИМ. Л. 293об.)

на приеме у императора); Рогволод и Рогнеда (отец и дочь) (л. 31, 31об., 32, 33об., 42об.).

Позже подобные нашему клейму этикетные изображения «двоицы» — правителя с супругой — нередко встречаются в миниатюрах исторических рукописей и клеймах икон, в том числе житийных циклах Петра и Февронии (муромский князь Павел и его супруга; Петр и Феврония как правящая княжеская чета). Они соответствуют либо иконографическому мотиву «княжения», либо определенным эпизодам повествования, отнюдь не являясь «живописной формулой» брачного обряда,

немногих в этой иконе полностью сохранившаяся надпись к клейму точно маркирует изображение: «Владимир прия брак со ц(а)риц(ею)». В простой и изящной композиции на довольно поздней иконе проявляется церемониальный характер, присущий русской средневековой культуре, в том числе миниатюрам Радзивилловской летописи²¹. Среди иллюстраций последней имеются сходные композиции с сидящими рядом и обращенными друг к другу парами персонажей противоположного пола, но не супругов: Ольга и Святослав (мать и сын); Ольга и император Константин (высокая гостья

как в рассмотренном выше клейме со сценой «брака» князя Владимира и царевны Анны. Соответственно, были приняты, отработаны и распространены другие свадебные композиции. Изображения матримониальных церемоний удельных и великих князей Древней Руси известны по рисункам грозненского Лицевого Летописного свода 1568-1576 гг. В них особенно репрезентативно выглядят многочисленные сцены брачных пиров. Однако представлен и ряд композиций с церковным венчанием — редким в русской иконописи и фресках. Многие из иллюстраций свода государь сам редактировал, в том числе миниатюру Синодального списка (ГИМ), иллюстрирующую известие о его собственной свадьбе, предписав: «Расписать надвое венчание да брак», — что должно было быть исправлено уже в «Царственной книге» (ГИМ)²². В последней истории женитьбы царя Ивана IV посвящено три миниатюры. Первая — совету молодого правителя со своим духовным наставником митрополитом Макарием о супружестве (л. 278); вторая — выбору невесты (л. 293). Третья представляет развернутую сцену венчания молодого государя с Анастасией Романовной; на ней же в небольшое пространство верхнего правого угла помещено изображение брачного пира с поколенными изображениями фигур (л. 293об.) Христианское таинство, хотя и является доминирующим в данной композиции, но так и не отделено от сцены со свадебным застольем.

Гораздо чаще именно мотив брачного пира в миниатюрах свода выделяется на первый план и превалирует над церковным таинством при их сочетании в одной иллюстрации. В большинстве же рисунков только свадебный стол и является знаковым для отражения известия о женитьбе, тогда как обряд соединения молодых в церкви без изображения пиршества скорее исключение. Критическое рассмотрение композиций свадебной тематики

Ил. 5. Венчание великого князя литовского Александра Казимировича и московской княжны Елены, дочери Ивана III. Миниатюра Лицевого летописного свода 1568-1576 гг. (Шумиловский том. РНБ. Л. 514)

в известии о событии конкретных исторических реалий. Иллюстраторы даже пытаются отобразить «сложные политические и конфессиональные проблемы»²⁴. Интересна миниатюра с венчанием великого князя литовского Александра Казимировича и московской княжны Елены, дочери Ивана III, представляющая династический брак между православной и католиком. Художник нарочито изображает, что венец над невестой держит православный священник, а католический епископ рядом с женихом читает по книге (Шумиловский том. РНБ. — Л. 514)²⁵.

Иллюстрации к летописным сообщениям о венчаниях князей в грандиозном своде второй половины XVI в. (в отличие от брачного пира, имеющего определенный иконографиче-

летописного свода убеждает в том, что миниатюристы-«книжники» произвольно не выбирали один из двух изобразительных вариантов бракосочетания — пир или венчание, а максимально точно отражали содержание текста летописного известия²³. Сообщения о браках имеют определенную формулу, в которой не всегда содержится упоминания о венчании. Если же сведения о таинстве присутствуют, то, за редким исключением, в рисунках это непременно отражается, причем с учетом приведенных

Ил. 6. Прибытие Петра и Февронии в Муром. Свадебный пир. Миниатюра лицевой рукописи жития Петра и Февронии кон. XIX в. (Муромский музей. Мин. 21)

ский протограф), «вполне свободны от иконных традиций»²⁶. В древнерусской иконописи они появляются значительно позже. Наиболее ранней является сцена венчания Петра и Февронии в клейме их житийной иконы 1618 г. (Муромский музей). Она могла быть исполнена иконописцем только после того, как поя-

Ил. 7. Прибытие Петра и Февронии в Муром. Свадебный пир. Клеймо иконы «Муромские чудотворцы, с житием Петра и Февронии» 1669 г. (Муромский музей). Повторение клейма иконы «Св. благов. князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием в 40 клеймах» кон. XVI — перв. четв. XVII в. (Муромский музей)

вились определенные изменения и дополнения в тексте Повести о Петре и Февронии, а именно — конкретное словесное указание на церковное бракосочетание святых, которого нет в варианте

Ермолая-Еразма. В Авторском тексте Первой редакции (спис. сер. XVI в. — РНБ, собр. Солов. мон., № 287/307) очень жгато описаны эпизоды второго — окончательного — лечения князя Петра девой Февронией и их женитба: «И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, ни мало гневу подержав, рече: „Аще будет ми супружник, да будет уврачеван“. Он же с твердостью слово дасть ей, яко имат пояти ю жену себе. Сия же яко и прежде, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною бысть Феврония княгини»²⁷.

Приведенный словесный отрывок адекватно отражен на двух клеймах другой муромской иконы — «Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием в 40 клеймах» конца XVI — первой четверти XVII в. (Муромский музей)²⁸. Полагают, что ее житийный цикл восходит к первоначальному образцу — миниатюрам утраченной рукописи второй половины XVI в., близким по стилю к Лицевому Летописному своду²⁹. Считают также, что она являлась протографом и 10-ти рисунков Минейного списка Повести конца XVI — начала XVII вв. (РНБ. Ф. I.294). В последнем проиллюстрировано только начало текста и отсутствуют интересующие нас изображения, связанные со свадьбой святых. Зато они имеются еще в двух миниатюрах Житийного списка первой половины XVII в. (РНБ. Ф. I. 879)³⁰.

На одном клейме этой муромской иконы [№ 20 — «Бл(а)женная Феврония даде слуге помазание и повеле сотворите помаза вси кн(я)зя струпы»] дано три момента: возвращение князя со свитой, передача снадобья Февронией и лечение князя³¹. На другом клейме поздняя по отношению к авторской живописи надпись, соответствующая вторичным редакциям,

Ил. 8. Венчание Ивана III и Софии Палеолог. Миниатюра Лицевого летописного свода 1568-1576 гг. (Шумиловский том. РНБ. Л. 79об.)

вступает в противоречие с изображением и указывает на венчание, которое не показано в этой иконе, отражающей авторскую версию [№ 21 — «Святый бл(а)говерн...князь Петръ поха въ градъ Муромъ поа и блаженую Февронию съ великою честию и быша венчины въ соборной церкви Рождеств(а) пр(е)свят(а) Б(огороди)цы и бысть радость велиа»]. Сцена представляет два события: отъезд молодых из Рязанской земли и свадебный пир в Муроме. В приведенном выше отрывке текста Ермолая-Еразма нет указаний не только на венчание, но даже и на свадебный пир³². Автор лишь фиксирует факт женитьбы князя на сельской девице и изменение ее статуса. Клеймо иконы, выстроенное по образцам Лицевого свода, представляет именно пир как знак заключенного брака³³.

И точно как в летописных миниатюрах здесь не показано венчание из-за отсутствия упоминания о нем в тексте. Зато иконописец использовал подробность, маркирующую новое высокое положение Февронии, ставшей княгиней. (Едва различимая здесь из-за сохранности живописи, она продублирована в клейме третьей муромской иконы с житием святых 1669 г.)³⁴.

На молодой супруге поверх белого с распущенными концами плата одета такая же, с меховой опушкой, княжеская шапка, как на мужчинах — князьях Павле и Петре (супруга Павла показана только в плате). В соответствующей миниатюре Житийного списка, где многие детали усложнены, шапка Февронии преобразована в высокий меховой «боярский» головной убор [РНБ. Ф. I. 879. Миниатюра 21 (23 — до утраты). Л. 12об.].

«Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма, автора из круга книжников, приглашенных Макарием для создания Великих Миней Четых (еще одного важнейшего проекта XVI в., реализованного за четверть столетия — с конца двадцатых до середины пятидесятых годов), очевидно, не вполне удовлетворила митрополита. Она была завершена одновременно с окончательной версией Великих Миней, но, вероятно, по причине ее несоответствия агиографическим канонам макарьевской школы (фольклорные мотивы, отсутствие этикетных черт, лаконизм), она в них не вошла. Между тем, по занимательности повествования муромская история о Петре и Февронии перекликается с рядом «романных сюжетов макарьевских Четых Миней»³⁵. Среди таких произведений, одобренных составителями свода, нам особенно интересны жития, рассказывающие о супружестве: житие Феодоры (11 сентября), Андроника и Афанасии (9 октября), Ксенофонта и Марии (26 января), Малха-пленника (11 апреля)³⁶. В них ясно звучит тема приоритета аскезы ради Христа над мирским семейным союзом. В отличающемся от них житии юных мучеников Адриана и Наталии (26 августа), вступивших в брак за год до страданий (305-311), земная любовь приносится в жертву ради верности Спасителю.

В Повести Еразма (действительно исключительной) не утверждается, что супруги должны соединиться лишь «в некоем княжении вечном». Автор показывает их верность

Ил. 9. Церковное благословение брака Василия Васильевича II и Марии Ярославны. Миниатюра Лицевого летописного свода 1568-1576 гг. (Голыцынский том. РНБ Л. 422об.)

ны византийских императоров о совершении обручения и заключении брака, но народом они не воспринимались очень долго. По каноническим ответам митрополита Киевского Иоанна II (1078-1089) понятно, что в народе венчание считалось принадлежностью брака знати. По-прежнему действенными были языческие обычаи умыкания и купли невест³⁷. Временем формирования свадебного обряда принято считать XIII-XIV вв. Однако и тогда это на деле касалось князей и бояр. В некоторых региональных

друг другу и преодоление препятствий и на земном пути. Уже в XVI в. муромское житие редактируется: вносятся дополнения, разъясняющие христианский смысл нестандартного сюжета как в особом его варианте (РГБ, МДА, фонд. № 224). Правда, и здесь еще не появляются слова о венчании Петра и Февронии. Учитывая специфический характер Повести Еразма с мотивами и «самодержавия», и «православия», и «народности», заметно, что последний доминирует. Возможно, поэтому в ней и не уделено внимание церковному брачному обряду.

После крещения на Руси вступили в силу установления православной церкви и зако-

традициях в структуре и деталях обряда ощущаются дохристианские истоки, присутствуют элементы магии. Интересно, что именно к данной эпохе относят время жизни прототипа святого Петра — муромского князя Давида (ум. 1228), о жене которого ничего не сообщают летописи. А в образе его «житийной» супруги Февронии даже после канонизации и включения в агиографию в середине XVI в. явно просматриваются черты языческой жрицы.

Постепенно венчание брака стало повсеместным, но свидетельства о создании семьи без церковного участия встречаются в литературных памятниках вплоть до конца XVII в. Духовенству тех местностей (чаще окраинных), где выявляли такие союзы, предписывалось венчать супругов, даже если они уже имеют детей³⁸. Рассматриваемый нами иконографический мотив церковного брака мог быть воплощенным только после нового этапа в осмыслении муромского жития, когда появилась его Вторая редакция, где нарочито позиционируется это событие в контексте усиления церковного звучания. В одном из вариантов второй половины XVI в.³⁹ с богослужебными пометами брачный эпизод описан так: «И поеха во отчину свою во град Муром, поят и блаженную с собой с великою честью. И дошедше града Мурома, благословением епископа града того, сотвориша брак честен, поят блаженную в жену себе, и венчан бысть с нею в соборней и апостольской церкви, и радость велия бысть во граде» (РНБ, собр. Кирил.-Белозер., №180/437 — список XVII в.)⁴⁰.

Патриарх Гермоген не стал вносить в этот эпизод существенных изменений, когда сам редактировал муромское житие в 1595 г., (тогда он был митрополитом Казанским). (РГБ, собр. Музейное, № 9372; БАН, 45.5.22 — списки XVIII в.)⁴¹. Именно приведенный отрывок Второй редакции

жития и воплощается в самой ранней из известных нам русских икон со сценой венчания брака — «Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские, с житием в 32 клеймах» 1618 г. (Муромский музей)⁴². Вероятно, на выбор иконографической программы произведения повлияли вкусы и приоритеты ее заказчика Андрея Федоровича Палицына — «русского интеллигента XVII столетия», в ту пору муромского воеводы⁴³. При исследовании каждой из сцен ясно, что эпизод, который ей соответствует в тексте, был отобран продуманно. Любое из 32-х клейм по размеру (26X22 см) и характеру могут восприниматься как отдельные иконы, не разрушая общего впечатления от монументального произведения (174X143 см). Сцены уподоблены традиционным иконографическим схемам и перекликаются с сюжетами икон праздничного чина. Объясняется это не только стремлением придать канонические формы житийным эпизодам, но и местонахождением образа в главной иконостасе городского собора Рождества Богородицы в Муроме, перед которым проходили пышные богослужения, праздничные молебны и торжественные венчания молодоженов.

На первом клейме «брачного цикла» этой иконы [№ 11 — «Венчаяси... з бл(а)говерн(ои) кн(ягинею) Феврони(еи)»] представлена развернутая композиция венчания княжеской четы в храме. На втором [№ 12 — («Прииде с(вя)т(ыи) бл(а)говерн(ыи) князь... (сѣ)... Феврони(ю) во г(рад) Муромѣ»] — встреча Петра и Февронии духовенством и жителями Мурома. На третьем [«С(вя)т(ыи) бл(а)говерн(ыи) кн(я)зь Петрѣ и з благоверною княгинею Февронию сотвориша пир во граде Муроме сядяще на (браке)»] — пир в Муроме. Иконография данного произведения, хотя и следует в целом Второй редакции жития, «дословно» ее не воплощает и представляет самостоятельную «живописную редакцию» с надписями к клеймам,

Ил. 10. Свадьба Александра Ярославича (Невского) и дочери полоцкого князя Брячислава (Васильковича?). Миниатюра Лицевого летописного свода 1568-1576 гг. (Голицынский том. РНБ. Л. 346об.)

и крестьянской девы. В данной иконографической программе она заглавная и демонстрирует правильный — православный — брак на примере не просто княжеской четы, одной из многих, и не только одной из «двоиц» русских святых, а провозглашенных покровителей семьи. Исключительность нашей композиции 1618 г. очевиднее при сопоставлении с другими житийными памятниками, достаточно близкими по времени. Например, с известной иконой «Святой благоверный великий князь Александр Невский в житии» кон. XVI — нач. XVII вв.

мало зависящими от какого-либо варианта текста, и даже иногда несколько противоречащими конкретике изображений. Сцена венчания на иконе предшествует встрече молодых горожанами, тогда как в тексте указано, что венчание происходило в Муроме уже после торжества по случаю прибытия Петра и Февронии из Рязанской земли. Композиция, маркированная в надписи как свадебный пир, по иконографии соответствует другому эпизоду Повести с превращением молодой княгиней хлебных крох в финиам.

Именно сцена церковного таинства — венчания — является подтверждением законности брака князя

и крестьянской девы. В данной иконографической программе она заглавная и демонстрирует правильный — православный — брак на примере не просто княжеской четы, одной из многих, и не только одной из «двоиц» русских святых, а провозглашенных покровителей семьи. Исключительность нашей композиции 1618 г. очевиднее при сопоставлении с другими житийными памятниками, достаточно близкими по времени. Например, с известной иконой «Святой благоверный великий князь Александр Невский в житии» кон. XVI — нач. XVII вв.

в приделе Входа Господня в Иерусалим собора Покрова на Рву (ГИМ). Двенадцать из тридцати шести ее клейм посвящены прижизненным событиям из жития Александра Ярославича⁴⁴. В этом цикле, соответственно агиографическим текстам об этой эпохальной личности, вовсе не отражена брачная тема, безусловно, не главная в его героической жизни, в отличие от муромского житийного князя Петра. Между тем, в Лицевом летописном своде под 1239 г. дана миниатюра с сообщением о женитьбе Александра Ярославича (в ту пору новгородского князя) на дочери полоцкого князя Брячислава (Васильковича?) и венчании их брака в Торопце (Голицынский том. Л. 346об.). Причем, это событие проиллюстрировано сценой пира, не включая композицию с церковным обрядом, что необычно для иллюминированного свода, где тщательно воплощаются в рисунках подобные сведения, если они имеются в тексте.

Внимательное рассмотрение наиболее ранней сцены венчания в русской иконописи на муромском образе святых Петра и Февронии 1618 г. показывает, что эта неординарная композиция восходит к миниатюрам той же тематики Лицевого летописного свода. Однако она не повторяет какую-либо конкретную иллюстрацию. На рисунках летописи сцены церковного брака вариативны и представляют не только разные моменты обряда, но и подчеркиваются определенными деталями, присущими конкретной церемонии (второй брак; межконфессиональный брак; благословение епископа или священника; совершение обряда в конкретном городе и храме, число присутствующих и т. д.)⁴⁵. Устойчивым моментом построения «венчальных» композиций свода является расположение в ней фигуры священника (епископа). Он изображается иллюстраторами не в самом центре миниатюры, а левее или правее (что чаще). Жених и невеста всегда предстают рядом друг с другом, обратившись в его сторону,

принимая благословение⁴⁶. Можно выделить несколько основных схем, по которым выстроены композиции, отражающие таинство венчания в иллюстрациях свода. Первая — священник (епископ) благословляет молодых крестом (или жестом руки); жених и невеста стоят в венцах-коронах на головах (или княжеских шапках). Вторая — священник (епископ) благословляет правой рукой (в левой руке — евангелие); жених в княжеской шапке, невеста в короне (брачные венцы отсутствуют). Третья — священник (епископ) держит венец в виде обруча над непокрытой головой жениха; женщина держит такой же венец над головой невесты в короне (или шапке, или плате). Четвертая — священник (епископ) благословляет молодых (и читает по книге); мужчина держит венец в виде обруча над непокрытой головой жениха; женщина держит подобный венец над головой невесты в короне (шапке, плате). Композиция рассматриваемого клейма с венчанием Петра и Февронии на муромской иконе 1618 г. ближе всего к последней из них.

Однако иконописец, используя изобразительный мотив и схему, не заимствует у миниатюристов характерных для них приемов и деталей: дробности изображений, соединения событий в одном пространстве, большого числа персонажей, соседства различных архитектурных кулис и т. д. Он выстраивает композицию столь значимого в иконе эпизода совсем иначе. Она выглядит просто, торжественно и монументально, соответствуя краткому сообщению о венчании (из процитированного выше отрывка), появившемуся только во вторичных редакциях жития Петра и Февронии: «И дошедше града Муром, благословением епископа града того, сотвориша брак честен, поят блаженную в жену себе, и венчан бысть с нею в соборней и апостольской церкви»⁴⁷. Всего в двух с половиной строках редакторам удалось обозначить место действия, отметить разрешение иерарха

местной церкви⁴⁸, подчеркнуть правильность церковного брака. Они не указали только название собора, возможно, что нарочито выбрали обобщенную формулу, дабы указать, что законен только союз, скрепленный земной Церковью и благословленный Небесной.

В пространство клейма «вписан» храм, окрашенный в зеленый цвет, с красной крышей и одной главкой; по сторонам — островерхими башенками, очертания которых повторяются в «щипцах» брачных венцов над молодыми. Фигуры новобрачных с чуть склоненными головами даны почти в центре (жених стоит немного впереди невесты) и несколько развернуты влево (от зрителя) в сторону священника. Изображен он пожилым, с залысинами, бородой и непокрытой головой; облачен в белоснежную фелонь и киноварный подризник. Иерей обращен к молодоженам, благословляя всей кистью правой руки. Князь Петр показан молодым с красивым выразительным лицом, без бороды. На нем темно-зеленое нижнее одеяние с широким поясом и красная шуба с меховым воротником. Его руки в «этикетном» жесте моления воздеты навстречу «святому отцу»; левая открытая ладонь князя слегка касается правой благословляющей руки священника. Февронию иконописец написал с лицом, напоминающим лик Богородицы, в красной верхней одежде со свисающими узкими рукавами и нижнем платье зеленоватого тона с широкими рукавами. На голове невесты — белый плат (в предыдущих клеймах она представлена как дева — в белой рубашке, с непокрытой головой и с распущенными волосами); левая ее рука в церемониальном жесте поднята у груди с открытой ладонью (жестом приятия благодати).

Над головой князя держит брачный венец мужчина «средовек» (боярин из свиты жениха): с небольшими залысинами и короткой округлой бородой; с характерным узнаваемым

по другим клеймам лицом. Фигура его, в красном плаще и нижнем одеянии зеленого тона, заслонена изображением священника. Возможно, по этой причине его правая рука, держащая венец, неудачно помещена на место левой. Над головой невесты, изящно протянув правую руку, держит венец молодая женщина в зеленых одеждах и белом платке. Красивое и выразительное лицо дамы (боярыни) из свиты почти идентично лику самой княгини.

Крайним справа (от зрителя) представлен пожилой мужчина с большими залысинами и бородой. Он одет в сине-зеленую темного оттенка нижнюю одежду (с широким поясом) и красную шубу с меховым воротником. Тип его внешности близок изображению священника, только у него более темные волосы и борода. По одному из предположений — это изображение отца Февронии⁴⁹, хотя, на наш взгляд, это необоснованно, тем более в данной иконе, в концепции которой не акцентируется внимание на происхождении княгини, а преподносится ее святость, прозрение и чудеса. Мужской персонаж данного типа встречается еще в самом первом клейме среди муромской знати. Композиция сцены венчания Петра и Февронии выстроена нарочито торжественно: почти симметрично размещены шесть фигур, облик которых с выразительными чертами лица и большими глазами переключается друг с другом, плавно перетекая «из возраста в возраст». Гармонично изображение и в колористическом отношении: варьируются киноварь и оттенки зеленого в архитектурной кулисе и в одеяниях, на фоне которых яркими акцентами сияют белоснежные фелонь священника и платы, спускающиеся с голов на плечи у невесты и женщины, держащей над ней брачный венец. Форма венцов над головами князя Петра и княгини Февронии — в виде городчатых корон, сходна с коронами — венцами, одетыми на головы царя

Ивана Грозного и его невесты Анастасии Романовны в сцене их венчания на упомянутой выше миниатюре Лицевого свода («Царственная книга». Л. 293об. – ГИМ).

Возможно, что иконописец изобразил брачные венцы именно в форме «корон» намеренно. Ведь они на головах молодоженов символически трактуются как царские и в то же время как мученические, потому что в новой семье молодые сравниваются с царями – основателями своего рода. А подвиг христианского брака даже уравнивают с подвигами мучеников. Рассматриваемое клеймо муромской 1618 г. иконы наглядно представляет чин венчания – самый центральный в византийском (православном) чинопоследовании таинства брака, состоящего из трех частей (обручения, венчания и молитв на разрешение венцов и/или на благословение комнаты новобрачных). В греческих и славянских рукописях Евхология (греч. *εὐχολόγιον* – богослужбная книга, соединяющая «Служебник» и «Требник»), текст чинопоследования церковного благословения брака отличается большим разнообразием, хотя основа его всегда состоит из трех перечисленных составляющих. Стандартный его вид возник только в XVI-XVII вв. с повсеместным распространением печатных богослужбных книг⁵⁰. Любопытно, что активное церковное редактирование жития Петра и Февронии и создание иконы 1618 г. с презентацией венчания как раз и относится к данной эпохе.

Не известна ни одна древняя рукопись, где бы отсутствовал чин венчания – центральный в таинстве брака. Основу его составляют: мирная ектения с особыми прошениями; две молитвы («*Бже стый, создавый от персти чловѣка*» и «*Гди бже нашѣ, во спсительномѣ твоємѣ смотрѣнїи, спдобивый въ канѣ*»); обряд возложения венцов, а также причащение и молитва «*Бже, вся сотворивый крѣпостїю твоєю*» (Vat. Barb. 336,

кон. VIII в.; РНБ. Греч. 226, IX-X вв. и др.). В отдельных рукописях XV в. причащение исключено из чина; с XVII в. оно исчезло из общепринятого чина венчания⁵¹ – именно ко времени воплощения особой иконографической программы жития Петра и Февронии в муромской иконе 1618 г.

На ней в интересующем нас клейме отражена кульминация чина с возложением венцов. Оно сопровождается определенной формулой, чаще всего основанной на стихах Пс 8. 6b [(«*Господи Боже наш*), *славой и честью увенчал (или «венчай») его (или «их»)*»] и Пс 20. 4b («*Ты положил на главах их венцы...*»); известны и другие формулы, например: «*Отец благословляет, Сын венчает, Дух Святой присутствует и усвершает*» (или «*Отец венчает, Сын благословляет, Всесвятой Дух осеняет их всегда...*»). Принятая ныне формула «*Венчается раб Божий (имя рек) рабе Божией (имя рек)...*», напоминающая крещальную, встречается в рукописях с XIII в. (напр., Patm. gr. 105), но широкое распространение она получила только в эпоху господства печатных изданий⁵².

В русской иконописи до середины XVII в., помимо представленного клейма муромской иконы 1618 г., нам не известны другие сохранившиеся изображения на тему венчания; не обнаружены даже и упоминания о них. Стоит также подчеркнуть, что в этом житийном цикле Петра и Февронии продемонстрирован не просто отвлеченный символично-догматический образ таинства, а изображен церковный брак самих чудотворцев, которым он и посвящен⁵³.

К середине XVII столетия относятся несколько не так давно введенных в научный оборот житийных икон святого Алексия человека Божия, с присутствием в их циклах сцены церковного благословения брака. Они находятся в Новоспасском монастыре (Москва); в Собрании русских икон при поддержке фонда

Ил. 11. Приведение во учение. Венчание св. Алексия. Клейма иконы «Алексий человек Божий, с житием» сер. XVII в. (Муромский музей)

св. Андрея Первозванного (Москва); в Музее русских икон (штат Массачусетс США); в Муромском музее (Муром)⁵⁴. Прежде было известно лицевое житие этого святого, где имеется иллюстрация эпизода с церковным браком, также относящаяся к середине XVII в., когда он стал особенно популярен на Руси как небесный патрон царя Алексея Михайловича (род. 1629 г.; правл. — 1645-1676; рукопись именуют «царской», приписывая ей принадлежность этому государю)⁵⁵. Это обстоятельство явилось толчком для создания в искусстве и литературе обширной «алексиады»⁵⁶. Житие Алексия было и ранее любимо русскими читателями. Древнейший его вид, бытовавший на Руси, сохранился в рукописи XII в. (РНБ, Ф. п. I.46) и в большом количестве позднейших списков. Он был назван «редакцией Златоструя» («редакцией Торжественника»). К ним относятся и «царская» рукопись середины XVII в. Для Минеи Макария

Ил. 12. Венчание св. Алексия. Клеймо иконы «Алексий человек Божий, с житием». 1670-е гг. или нач. XVIII в. (ГИМ)

была создана специальная редакция по древнейшему списку с правками по греческому оригиналу. Легенда о человеке Божием, по церковному преданию жившем на рубеже IV-V вв., поражает крайним проявлением аскезы и буквальным следованием евангельской заповеди: «И враги человеку — домашние его» (Мф 10:36). Алексий ради Христа оставил знатных и благочестивых родителей и покинул жену сразу после венчания. Сохранив свое девство и раздав имущество, он подвизался на паперти храма, потом неузнанным нищим умер в доме безутешных родных. При сопоставлении эпизодов житий муромских святых Петра и Февронии и Алексия человека Божия явственно проявляется антиномия в отношении церкви к супружеству. В первом случае венчание символизирует единение мужа и жены до гроба и за гробом; во втором — отречение от брака ради сохранения девства. Однако неудивительно, что именно среди муромского круга памятников находится одна из самых редких и ранних русских житийных икон святого Алексия со сценой венчания его брака. Иконописец, с одной стороны, старается проиллюстрировать житие близко к тексту (по редакции «Златоструя»), с другой, очевидно не имея под рукой иконографического образ-

ца данного святого⁵⁷, обращается и к приемам иллюстраторов исторических рукописей, и к местной традиции, в том числе — к клеймам икон муромских святых.

В его произведении всего 23 клейма, из которых только одна сцена отражает тему брака в житии святого Алексия⁵⁸ (№ 6: «И обручиста ему невесту / от царска роду и сотвориша / бракъ zelo великъ и венчашася я / в церкви Стаго мучника Вони / фантия»⁵⁹). Лаконичное изображение, как и клеймо иконы Петра и Февронии 1618 г., выстроено по схеме (несколько другой), сложившейся для представления венчаний в Лицевом летописном своде. Однако в клейме житийной иконы Алексия нет ни композиционной четкости исторической миниатюры, ни репрезентативности и торжественности сцены с венчанием муромских святых — покровителей супружества. На фоне архитектурной кулисы — в виде пятиглавого храма с богородичным образом в центре — представлено пять низкорослых фигур (при сопоставлении с ростом тех же самых «взрослых» персонажей в следующем клейме этой же иконы). В центре — навстречу друг к другу святой Алексий (слева) и иерей (справа). За человеком Божиим стоит его невеста, а за ней — женский персонаж; за священником, совершающим таинство, дьякон. Святой отец держит в руках раскрытую книгу, развернув ее текстом (отсутствующим здесь) к жениху. Святого Алексия, его невесту и женщину иконописец показал в молитвенных позах; одетых в «русские одежды»; жениха без головного убора, а женщин в белых платах. Любопытно, что не только Алексий, но и его нареченная (не святая, а лишь персонаж жития) предстают с нимбами над головами и выше изображенными брачными шлемовидными венцами, словно висящими в воздухе. Возможно, что ошибка с нимбом невесты восходит к изображению святой Февронии. Интересно также,

Ил. 13. Венчание царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны протопопом Благовещенского собора Максимом 5 февраля 1626 г. (Гравюра, акварель. 1810 г. с оригинала посл. трети XVII в.)

что имеется переключка в деталях изображений этого клейма с предыдущим, где показано «приведение в научение». Отрок и жених Алексий изображены совершенно идентично и ликом, и одеждой, за исключением несколько большего роста второго. Мальчик читает по книге (как и жених), повернутой к нему монахом (как и иереем).

Стоит отметить, что в упомянутой выше «царской» лицевой рукописи жития святого Алексия середины XVII в. сцена брака в церкви показана иначе. Под сенью храма совсем другой конфигурации показано только три персонажа (фигуры удлиненных пропорций; одетые в узорные одеяния) жених и невеста слева (он с непокрытой головой, она в короне; венцы отсутствуют). Священник — справа (правой рукой благословляет, каса-

ьясь головы Алексия; в левой — закрытая книга). Интересно, что на миниатюре нимб изображен над головой не только святого, но и иерея, совершающего таинство. Подобные сюжеты представлены и в трех других упомянутых житийных иконах Алексия середины XVII в., где также отсутствуют изображения брачных венцов. В них буквально преподносится благословение церковного брака священником, а не кульминационный момент — возложение венцов. Репрезентативные сцены венчания в иконографии святого Алексия появляются позже у иконописцев петровского времени, когда он становится небесным покровителем царевича Алексея Петровича (в клеймах двух житийных икон из собраний ГИМа и музея «Новый Иерусалим»)⁶⁰.

Что же касается данного иконографического мотива в житийных произведениях муромских святых, то судить о его развитии возможно только по описаниям и копиям всего двух сохранившихся произведений — иконописного комплекса Петра и Февронии и иконы святой праведной Иулиании Лазаревской (со сценой ее венчания с праведным Георгием). На данном изображении был представлен церковный брак других муромских святых супругов — Георгия и Иулиании Лазаревских — реальных исторических лиц⁶¹. Георгий Васильевич Осорбин (Осоргин) (сер. 30-х гг. XVI в. — ок. 1592/93, с. Лазарево, близ г. Мурома) — дворовый сын боярский. Принадлежал к роду великокняжеских слуг — дмитровских и муромских вотчинников, известному начиная со второй четверти XV в. Ульяния Иустиновна Осорбина [нач. 40-х гг. XVI в., Москва — 2.01. 1604, с. Вочнево (Бочнево) Березопольского стана Нижегородского у.] происходила из старинного владимирского рода детей боярских Недюревых, известных на службе в Москве с конца XV в. Замуж ее выдали в Муроме. Похоронена была рядом с супругом в его имении в церкви Лазаря. Повесть о жиз-

Ил. 14. Д. С. Стеллецкий. «Св. Иулиания Лазаревская, с житием». 1925 г. Венчание св. прав. Георгия и св. прав. Иулиании (первое клеймо). Храм Сергия Радонежского (Париж). Ил. фронтисписа кн. А. В. Толстой «Праведная Иулиания Лазаревская». — Paris, 1927.

ни (житии) собственной матери и своей семьи написал в 1620-1630 гг., вскоре после обретения мощей Иулиании в 1614 (1615) г., сын праведных супругов — Дружина (Каллистрат) Осорбин — выборный дворовый сын боярский и муромский губной староста⁶².

Особенности почитания Петра и Февронии как идеальной супружеской пары повлияли на сложение в Муроме культа этого второго «святого семейства»⁶³. По описанию нач. XX в. известна утраченная ныне икона с клеймами жития святой праведной Иулиании. Находилась она в храме погоста Муськово/Муська (ныне поселок Новлянка) до начала 1930-х гг. и почиталась как чудотворная. Святая была изображена на ней в рост в молении Спасителю. В шести небольших клеймах («по правую сторону лика» «по два в ряд») было представлено: «в 1-м ее бракосочетание: на главах брачующихся возложены венцы и посреди их совершающий таинство священник»⁶⁴. По имеющемуся описанию установить достоверное время создания данного житийного образа затруднительно. Правда, в нем отмечено, что «стиль письма не итальянский и не фряжский, а скорее — древне-гре-

ческий»⁶⁵. Вероятнее всего, что она была написана не ранее второй половины XVII в.

Первая сцена, представляющая венчание святых Иулиании и Георгия в храме праведного Лазаря в селе Лазарево, хотя и восходит к описанному выше клейму с изображением того же таинства на муромской иконе 1618 г., все же несколько разнится с ним, что видно даже по краткому описанию. Судя по нему, священник здесь был представлен стоящим между женихом и невестой, что встречается в русской иконографии ближе к концу XVII в. В клеймах житийных муромских икон — Петра и Февронии 1618 г. и Алексия человека Божия середины XVII в. иерей изображен напротив стоящих рядом молодоженов, что характерно и для большинства композиций на эту тему в Лицевом летописном своде 1568-1576 гг. Сцена венчания на иконе 1618 г. Петра и Февронии и на недошедшем образе Иулиании, представляющая супружество как таинство, освященное Церковью, в обоих случаях является знаковой. Считается, что в сцене венчания праведного Георгия и праведной Иулиании был изображен священник Потапий (Пимен), после пострига поставленный в архимандриты Муромского Спасского монастыря⁶⁶. Известный художник русского зарубежья Д. С. Стеллецкий в 1925 г. написал икону святой Иулиании с клеймами жития (храм преп. Сергия Радонежского. Париж). Очевидно, что он опирался на описание несохранившейся иконы из погоста Муська. Соответственно ему в первой сцене он показал обряд венчания в церкви⁶⁷.

Особый интерес для исследования сюжета венчания в иконографии Петра и Февронии представляют рисованные копии 40-ка сцен жития святых (на 10-ти отдельных иконах, находившихся в Муромском соборе Рождества Богородицы и не дошедших до нашего времени). Мы предполагаем, что это

произведение (первоначально на 11-ти досках) создал известный муромский изограф Александр Иванов Казанцев (р. 1658 — посл. упом. 1730-?). Он мог работать над ним в 1690-е г., либо в самом начале XVIII в.⁶⁸. Клейма этого комплекса в 1890-х годах «снял» (скопировал) Н. П. Андриин «в натуральную величину» (ГИМ. Муз. 3789; РНБ. Ф. I. 832)⁶⁹. Сцена венчания Петра и Февронии завершает шестой повествовательный цикл из четырех рисованных миниатюр: «Вторичное лечение князя Петра»; «Петр через слуг делает предложение Февронии о законном браке»; «Петр и Феврония прибывают в Муром»; «Венчание Петра и Февронии»⁷⁰. Пышно, с возвышающимся собором, в обрамлении городской стены показана многолюдная сцена венчания Петра и Февронии. Внизу показана река Ока (РНБ. Ф. I. 832. Л. 25. Рис. 24.). В основе изображения угадывается композиция клейма иконы 1618 г. Шесть главных действующих лиц сцены, их состав и размещение, жесты и даже форма венцов над головами святых молодоженов восходят именно к ней. Однако «сценическое» пространство сильно расширено. «Задник» заполнен архитектурными «декорациями», напоминающими (но не повторяющими) архитектурный стаффаж другой житийной иконы Петра и Февронии конца XVI — первой трети XVII вв.: собор, жилые строения, стены и башни городского кремля. Город стоит на холме, образуемом пологими «горками», с широкой извилистой лентой реки. Внутри него в одну линию (вдоль крепостной стены) выстроена мизансцена из двенадцати персонажей.

Муромский изограф в конце XVII столетия использовал композиции клейм этих двух житийных икон Петра и Февронии, но при этом создал своеобразную «живописную редакцию» жития; ее можно назвать третьей, также как и литературный вариант Повести, относящийся к этому времени. Третью редак-

цию датируют концом XVII в. (РНБ, собр. ОЛДП, Q.155. Список кон. XVII — нач. XVIII вв.)⁷¹. Ее автору принадлежит также Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне; близка эта редакция и Повести о Тверском Отроче монастыре⁷². Повествователь двух первых произведений не скупится на подробное и красочное описание свадебных событий и сцен венчания, где много сходных моментов. Любопытно, что в житии Петра и Февронии он рассказывает об обряде церковного обручения, происходившего на родине невесты накануне таинства венчания, совершенного уже на следующий день в Муроме.

Занимательно, что здесь представлена некая компромиссная версия, которая должна была удовлетворить и муромцев, и рязанцев. Города некогда единого княжества находились в оппозиции друг к другу, в том числе и по месту совершения законного брака этой мурома-рязанской пары. Обручение в Рязанской земле: «По сем князь великий Петр повеле нести на премудрую Февронию одеяния светлая и нарядити ея лепо. Сам же одеяся в златая одеяния, и вельможам своим нарядитися повеле, и поехала светло в дом христианинов (*крестьянина*, очевидно — отчий дом Февронии. — О. С.). Премудрая же Феврония изыде с рабы и рабынями и поклонися благоверному князю Петру, благодарствовавши о терпении его. Князь же великий Петр радуся душою о премудрости ея и о красоте лепоты возраста ея, бе бо блаженная прекрасна зело. И вси предстоящи удивившася премудрости и разуму и красоте лица ея и дивному возраста ея... И тако поидоша в дом, и священницы сотвориша со дьяконом благоверному князю Петру с премудрою Феврониею обручению и начаша веселитися и ликовствовать и радоватися любезно с лики и тимпаны и иными мусикийскими органы радовахуся во весь день»⁷³.

Венчание в Муроме: «Наутрия, же благоверный князь Петр поехав во отечество свое во град Муром и с премудрою Феврониею и с первыми града велможи, остави христианину многия дары и питей всяких множество. Егда же приблизися благоверный князь Петр ко граду своему Мурому, уведаша граждане приход его, изыдоша абие в стретение его з женами и детми в далее поприща, дары ему приносящее и радостная глаголюща: „Многолетствуй, государю наш великий княже Петре и с любезнейшею своею сожителницею“. И тако приехала во град Муром. Протопоп же соборныя великия церкви муромская, священницы и дьякони в руках держащее честныя кресты и чудотворные иконы, и звон велик сотворше, сретоша великаго князя и словесе ему похвальная рекоша, тако и супруге его премудрой Февронии радостная вещаху. И благослови их протопоп честным крестом и поведоша их в соборную великую церковь со всем освященным собором. И егда прииде великий князь Петр в соборную церковь с великою княгинею Феврониею, тогда снемше с нея завес, и вси удивившася красоте лица ея и доброте возраста ея: цветящее бо душевною добротою и духа святаго добротою укрепляешия и благодатию. И тако святаго великаго князя Петра с великою княгинею Феврониею сочетавшее и венчаше законным браком и отздравствовавше, проводившее в княжеский его дом. И бысть радость великая во граде Муроме»⁷⁴.

Праздничный «ликующий» текст о венчании Петра и Февронии, соотносится с репрезентативной сценой церковного брака муромских чудотворцев за стенами града на рисунке Н. П. Андрина (копии с клейма одной из 10-ти икон рубежа XVII-XVIII вв., написанных по нашему мнению, А. И. Казанцевым). Мы не можем утверждать, что муромский изограф опирался именно на текст данной пространной и красочной редакции (вероятнее, что он все же работал с более рас-

пространенным в Муроме текстом Второй редакции). Однако иконописец петровского времени, также как и автор третьей литературной версии, уже не были так лаконичны, как их предшественники, и стремились к более яркой образности и подробностям в изображении такого важного эпизода, как венчание⁷⁵.

В другом столь же ярком произведении того же рассказчика о женитьбе государя Ивана Васильевича также подробно описан эпизод церковного благословения брака. Однако обручение и венчание автор представляет здесь совершенными в общем чине друг за другом: «Въстники же къ царю Ивану Васильевичу приидоша и повѣдаша ему пришествие великия царицы Марии... Посемь повель царь нянькамъ своимъ вести въ свѣтлицу ея и нарядити в порфиру и вънець, самъ же нарядися во одеяние свѣтло и вънець возложи на главу свою. И посла по митрополита Филиппа. И вскоре митрополит прииде. И рече ему царь: „Отче честный! Совокупи мене законнымъ бракомъ с любезнѣйшею моею“. И повель извести предъ митрополита. Изведоша же ея, она же поклонися ему. Митрополитъ же благослови ея честнымъ крестомъ, рече царю Иоанну: „Радуйся, царю великодержавный и честный самодержче, яко обрѣль еси сожителницу себѣ подобну величеству твоему, обрѣль еси сокровище себѣ, полно камени драгихъ и чудныхъ! Величайся съ сею красотою во многолѣтнемъ здравии вовѣки“. И поклонися царю и царице до земли, и повель итѣти царю с царицею въ соборную церковь пресвятыя богородицы честнаго ея Успения. Митрополитъ же повель всему собору облещися во священнический чинъ, самъ же во всю священную одежду облечеса. И нача священная по чину дѣйствовать, яко же правила повельвають: сотвори прежде обручание, потомъ вѣнчание и повель начати священникомъ божественную литургию. И прияша царь и царица святое причащение от руку его. И по отпусте проводи ихъ митрополитъ

с чудотворными иконы въ царские его полаты»⁷⁶.

Поэтическое описание венчания тверского князя Ярослава Ярославича (ум. 1271) и сельской девицы Ксении, также как и Феврония, ставшей княгиней, дает автор «Повести о Тверском Отроче монастыре» второй половины XVII в. (не ранее 1652), подчеркивая тоже, что обручение и венчание прошли в один день⁷⁷: «Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну, и аки бы лучам от лица ея сияющим... великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и вѣнчастася в той же день; и тако бысть велия радость в великаго князя той день до вечера, бѣше бо летом, и селян повеле покоити день и ночь. Идущу же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего, идуща с супругою своею, сидя на церкви, начать трепетатися, якобы веселяся и повзирая на князя... сокол же скоро придете к великому князю, и сяде ему на десней егго рудѣ, и повзирая на обоих, на князя и на княгиню»⁷⁸.

Из приведенных текстов понятно, что во второй половине — конце XVII в. в литературе этого времени были созданы замечательно яркие, торжественные сцены венчания. В образительном искусстве того периода, помимо представленных выше утраченных иконописных житийных памятников Иулиании Лазаревской и Петра и Февронии, нам известны еще две житийные иконы Алексея Человека Божия с сюжетом венчания, которые мы уже упоминали выше. Первая — из собрания Государственного Исторического музея, ее датируют семидесятыми годами XVII столетия или началом XVIII в.⁷⁹ Вторая — петровского времени из музея «Новый Иерусалим»⁸⁰. В «гимовской» иконе — роскошная сцена венчания. Изображение облика молодых переключается с образа-

ми выходной миниатюры «Книги любви знак в честен брак» Карiona Истомина (1689), посвященной женитьбе Петра Алексеевича на Евдокии Лопухиной (ГИМ)⁸¹.

Клеймо иконы Исторического музея по схеме напоминает центральную часть гравюры, на которой изображено венчание царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны протопопом Благовещенского собора Максимом 5 февраля 1626 г. (гравюра, акварель 1810 г. с оригинала последней трети XVII в.)⁸². Изображение венчания Алексея человека Божия на гимовской иконе расположено в верхнем ряду в самом центре. Таинство, как и на гравюре, показано происходящим внутри храма у реалистично представленного иконостаса с открытыми царскими вратами (на иконе на фоне проема изображен дьякон). Иконописец создает иллюзию глубины пространства и показывает запрестольный выносной крест и даже решетчатые окна внутри алтаря. Священник в обоих случаях изображен с открытой книгой; жених и невеста стоят по обе стороны от него (на гравюре они держат венчалные свечи). На иконе они представлены спиной к зрителю в красивом развороте. Выразительные красивые лики изображены в профиль, на головы одеты брачные венцы разной формы (у жениха он объемнее и выше, как и на гравюре). Рядом с невестой юноша в шапочке, а затем «бесконечный» ряд женщин в белых платах. Рядом с женихом — мужчина в красном одеянии, далее толпа мужчин. Обращают на себя внимание тщательно изображенные красивые волнистые волосы всех центральных персонажей. У невесты вместо обычного плата спину до пояса покрывают пышные русые кудри. Размещение персонажей сцены создает определенный ритм и производит впечатление хоровода. Даже предварительное наблюдение иконографии в этом и других клеймах памятника позволяет говорить о сильнейшем влиянии западных гравюр с изображением

сюжетов из жития человека Божия.

Мастер «истринской» иконы, тяготеющий к народному примитиву, предлагает упрощенное «европейское прочтение» жития святого. Сцены у него лаконичны, с минимальным количеством персонажей, зато на фоне оригинально решенных объемных разноцветных «трехэтажных» кулис и заключенные в картуши. Клеймо с венчанием расположено в верхнем регистре крайним справа. Схема построения проста и восходит к более раннему типу изображения венчания: священник, благословляющий обеими руками, с одной стороны (слева), молодые рядом друг с другом — с другой (справа); за ними еще дьякон. Брачные венцы на их головах идентичны по форме изображению митры на священнике. Он стоит на «амвоне» (два диска друг на друге); за его спиной приоткрытая завеса Царских врат.

Все описанные произведения (сохранившиеся и утраченные) — миниатюры рукописей и клейма житийных икон — демонстрируют таинство венчания конкретных исторических лиц и святых, почитаемых Русской церковью, то есть отражают эпизод их жизни (жития). Нам удалось выявить всего два произведения, в которых сцена венчания имеет догматический характер и представляет образ самого таинства. Это икона «Распятие с семью таинствами» (1682) Стефана Казаринова (род. в сер. XVII в. — ум. после 1690), написанная по заказу подьячего переславской Съезжей избы Никиты Максимова Ведерницына для Спасо-Преображенского собора в Переславле. Однако и эта символично-аллегорическая композиция, по мнению исследователей, имеет «реалистические» элементы. Сцена «Таинство брака» расположена не в медальоне на дереве, как остальные «таинства», а у подножия процветшего креста. Полагают, что здесь могут быть изображены члены семьи Ведерницыных⁸³. Икона эта зафиксирована еще в дореволюционном описании: «В ико-

Ил. 15. «Брак в Кане Галилейской». Венчание по «русскому обряду». Миниатюра Сийского Евангелия — апракос. 1693 г. [БАН. Археогр. ком. № 339 (№ 190). Л. 89об.]

венцы, одетые на головы молодоженов; в другой руке каждый из них держит свадебный жезл (у мужчины он обвит ветвью с цветами и листьями).

Второй аллегорический сюжет со сценой венчания отражен в миниатюре рукописного лицевого Сийского Евангелия-апракос 1693 г. (вклад Паисия, казначея патриарха Адриана, в «Сийский монастырь на Северной Двине»). Иллюстрация на самом деле отражает сюжет «Брак в Кане Галилейской», где жених и невеста сидят в «русских подвенечных нарядах» — светлых узорных одеждах [БАН. Археогр. ком. № 339 (№ 190). Л. 89об.]. А эпизод венчания в церкви «по русскому обряду» включен в общую композицию и помещен наверху миниатюры. Схема изображения подобна сцене с тем же сюжетом на иконе

ностасе замечателен образ Распятия Господня и Седьми Таинств, из коих брак представляет священника в многокрестной фелони с венцом вокруг головы, сочетающего брачующихся в древнем русском costume»⁸⁴. По расположению шести фигур, где центральной является священник, сцена укладывается в иконографическую схему последней трети XVII в. Имеются некоторые специфические детали: мужской персонаж со стороны жениха и женский со стороны невесты поддерживают брачные

«Распятие с семью таинствами». На миниатюре также шесть фигур (в центре священник, но без нимба); свидетели (мужчина и женщина без жезлов) тоже поддерживают венцы, одетые на головы молодых. Архитектурная кулиса здесь традиционна — пятиглавый храм. Жених и невеста одеты в те же светлые брачные одежды, в которых они изображены за свадебным столом в основной сцене «Брака в Кане». Иллюстраторам Сийского евангелия, интереснейшего памятника стиля «русского барокко» конца XVII столетия, в рассматриваемой миниатюре удалось гармонично совместить две разные формулы изображения брака, освященного самим Господом⁸⁵.

Рассмотренные немногочисленные изображения венчания в иконописи и более репрезентативно представленные в исторических иллюстрированных рукописях являются ценными источниками визуальной информации, в том числе и по истории конкретного церковного обряда. Исследование иконографического материала, отражающего чин венчания, центрального в таинстве брака в православной церкви, показывает, что в древнерусском искусстве он разрабатывался мастерами-миниатюристами Лицевого летописного свода шестидесятых-семидесятых годов XVI столетия. В иконописи, в отличие от другой изобразительной формулы — свадебного пира, он появляется позднее и встречается крайне редко.

Выявляется локальная привязка мотива церковного венчания к муромскому кругу памятников. Безусловно, это связано с почитанием святых покровителей брака Петра и Февронии. Именно в их иконографии и появляется впервые данный сюжет в 1618 г. Он повторился позже в утраченной композиции их венчания и отошел в сцене церковного брака других муромских святых — праведных Георгия и Иулиании на недошедшей житийной иконе. Парадоксально, однако, что и в ико-

нографии Петра и Февронии мотив венчания не получил развития. Живописная версия жития иконы, на которой запечатлен сюжет их церковного брака, не пользовалась популярностью. Привлекала внимание иконописцев и миниатюристов другая муромская икона, где формулой брака является свадебный пир. К ней восходит и третья житийная икона муромского музея. А также большинство лицевых списков Повести либо точно повторяют, либо в основном следуют данной изобразительной версии – без венчания. Список Исторического музея конца XVII-XVIII вв., прямо не зависимый ни от какой версии, сцену венчания тоже игнорирует⁸⁶. Миниатюристы не предлагают ее в иллюстрациях и целого ряда списков XVIII – нач. XX вв.⁸⁷

Словом, из сохранившихся житийных памятников Петра и Февронии известна только сцена венчания на иконе 1618 г.⁸⁸ В кругу произведений муромских иконописцев находится и одна из самых ранних житийных икон Алексея человека Божия со сценой венчания. Лишь в иконографии этого святого, помимо Петра и Февронии, встречаются еще композиции, отражающие мотив церковного брака. Не известны примеры данного изобразительного мотива в житийных клеймах других святых, почитаемых в Русской церкви. Редким исключением среди них являются противоречащие друг другу по смыслу житий и почитания верные супруги в Муроме и отринувший церковно благословенный брак аскет в Риме.

¹ Сухова О. А. «Драгоценное шитье» святой Февронии по редакциям жития и иконографии // Рождественский сборник. – Вып. XVII. – Ковров, 2010.

² Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. – ТОДРА. М.-Л., 1949. – Т. VII. – С. 131-167; Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии (тексты и исследование). – Л., 1979. – С. 6-49; Неёлов Е. М. Сказка и житие. – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: philolog.petrus.ru/filolog/konf/1998/05-peyolov.htm; См. предварительную публикацию: Неёлов Е. М. «Повесть о Петре и Февронии» и «Царевна-лягушка» // Рябининские чтения '95. – Петрозаводск, 1997.

³ Смирнов Ю. М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии муромских» // Рождественские чтения – VII. – Ковров, 2000. – С. 45; он же. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских «святогонов» // Уваровские чтения – IV. – Муром, 2003. – С. 80.

⁴ Фефелова Ю. Г. Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. – СПб., 2005. – С. 428-483.

⁵ Власов В. Почему князь Петр женился на Февронии // Вокруг света. – 1988. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/3853/>.

⁶ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995. – С. 225-226; 229-230.

⁷ Летописец начала царств. – ПСРЛ. – СПб., 1965. – Т. 29. – С. 87-88.

⁸ Самойлова Т. Е. К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 111-112.

⁹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/wiki/Aberdeen_Bestiary?uselang=ruFile:AberdeenBestiaryFolio003rCreationOfEve.jpg <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:AberdeenBestiaryFolio003rCreationOfEve.jpg?uselang=ru>. На русской почве этот мотив, распространенный в иконописи и фресках, становится особенно популярным в народе к концу XVII в., во многом благодаря серии цветных гравюр к Библии, отпечатанных Василием Коренем (1692-1696). Библия в картинах, аналогичная западным «Библиям бедняков». Она включает серию раскрашенных гравюр с подписями на сюжеты из Книги Бытия и Апокалипсиса. См.: «...И созда Господь жену, и приведе ко Адаму». Гравюра из Библии Василия Кореня. 1692–1696 гг. (РНБ. ОРК. V. 4. 2. Л. 8) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

¹⁰ См.: прот. Цыпин В., Желтов М. С. Брак // Православная энциклопедия. – М., 2003. – Т. 6. – С. 146-181. – Ил. с. 149.

¹¹ Там же. – С. 146-181; Желтов М. С. Венчание брака // Православная энциклопедия. – М., 2004. – Т. 7. – С. 661-668; Ткаченко А. А., Желтов М. С. Velatio // Там же. – С. 376-378.

¹² См.: прот. Цыпин В., Желтов М. С. Указ. соч. – С. 146-181. –

Ил. с. 168, 169.

¹³ Собственно Радзивилловском и Московско-Академическом списках. Представляет собой «Повесть временных лет», продолженную годовыми записями до 1206 г. См.: Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. — СПб., М., 1994. — Кн. 1-2. (в кн. 1 — полное факсимильное цветное воспроизведение памятника, в кн. 2 — полная транскрипция текста, статьи Г. М. Прохорова и Б. А. Рыбакова, искусствоведческое описание всех миниатюр).

¹⁴ Пуцко. В. Г. Княжение князя Владимира Великого по миниатюрам Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. — М., 2004. — Т. 55. — С. 45-57.

¹⁵ Там же. — С. 49.

¹⁶ Там же. — С. 47-48.

¹⁷ Определение В. Г. Пуцко. Там же. — С. 49.

¹⁸ МИХМ. Инв. № М-6665. Размер 115х 80. См.: Хлебов Г. В. Житийная икона Бориса и Глеба из Муромы // ПКНО — 1982. — Л., 1984. — С. 263-274; Смирнова Э. С. Иконография Бориса и Глеба // Православная энциклопедия. — М., 2003. — Т. 6. — С. 59; Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — М., 2004. — Кат. 20. — С. 168-173. — Ил. с. 169, 171-172. (Описание — О. А. Сухова); Преображенский А. С. Иконография князя Владимира // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. 8. — С. 713; Сухова О. А. Крещение киевлян, ростовцев и муромцев в клеймах житийных икон Муромского музея // История и культура Ростовской земли — 2008. — Ростов, 2009.

¹⁹ В настоящее время известна еще только одна икона (созданная ранее муромской — в третьей четверти XVI в.) — «Равноапостольный кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб, с житием Владимира» в 16-ти клеймах, где отражен рассказ о Крещении Руси (Вологодский музей-заповедник). — См.: Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды 13 — нач. 20 века. — Л., 1980. — Кат. 54. — Ил. Описание. — С. 307; Преображенский А. С. Указ. соч. — С. 713.

²⁰ См.: Белоброва О. А. Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в. // Белоброва О. А. Очерки художественной культуры XVI-XIX вв. — М., 2005. — С. 300. Автор опирается на книгу: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1979. — С. 88.

²¹ Там же.

²² См.: Альшиц Д. Н. Приписки к лицевым летописным сводам, их происхождение и значение как исторического источника // Исторические записки. — 1947. — № 23; Царь Иван Грозный или дьяк Иван Виско-

ватый // ТОДРЛ Института русской литературы АН СССР. — М.-Л., 1960. — Т. 16.; см. также: Пересветов Р. По следам находок и утрат. — М., 1963; Накорякова К. М. Очерки по истории редактирования в России XVI-XIX вв. Опыт и проблемы. — М., — 2004. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/25.htm>.

²³ Так, исследователи иногда пишут: «Бракосочетание в Лицевом летописном своде обычно иллюстрируется сценой венчания или брачного пира, здесь избран 2-й вариант» (Квливидзе Н. В., Я. Э. З. Евдокия Димитриевна // Православная энциклопедия — М., 2008. — Т. 17. — С. 126-132). Мы считаем, что это не совсем точная формулировка: иллюстраторы свода адекватно отображали текст сообщения и не могли выбрать «венчание», если о нем нет упоминания.

²⁴ Мартынюк А. В. Правители Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2009/power/thesis/Martynuk/>.

²⁵ Там же.

²⁶ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. — М., 1965. — С. 292-295. — Прим. 20 на с. 294.

²⁷ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 217.

²⁸ МИХМ. Инв. № М-6608. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — М., 2004. — Кат. 17; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — М., 2008. — Ил. с. 92.

²⁹ См.: Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. — Л., 1985. — Т. 38. — С. 144-148.

³⁰ Там же. Несмотря на то, что Муромская икона и Житийный список по времени создания близки, нам представляется, что первоначальная версия точно отражена в иконе, а в миниатюрах несколько изменена в сторону усложнения архитектурных фонов и др. деталей.

³¹ По композиции и деталям клеймо с лечением князя Петра очень близко сценам врачевания в Лицевом Летописном своде. Соответствующая миниатюра Житийного списка сильно переработана [РНБ. Ф. I. 879. Миниатюра 20 (22 — до утраты). Л. 12].

³² Автор позднего варианта жития — Причудской редакции (ИРЛИ, собр.

Причудское, № 4. Список в старообр. рукоп. XVIII в.), хотя и наполнил этот отрывок христианской терминологией, но по существу не изменил текст Еразма и также умолчал о венчании и пире: «И возда хвалу господеви. И понят ю за ся благоверный князь Петр» (Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 300-301).

³³ Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Указ. соч. — С. 153; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. — Рис. 58, 80, 120.

³⁴ МИХМ. Инв. № М-6643. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 39. — Ил. с. 219. Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч. — Ил. с. 98.

³⁵ Силантьев И. В. Романские сюжеты в литературе Древней Руси // *Arbor mundi*. — М., 1997. — Вып. 5. — С. 125-143; он же. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Гл. 1. Романские сюжеты макарьевских Четых Миней. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/text_g1.htm.

³⁶ Там же.

³⁷ Прот. Цыпин В., Желтов М. С. Указ. соч. — С. 151.

³⁸ Там же. — С. 151. На этой же странице энциклопедии помещена иллюстрация клейма иконы «Святые Петр и Феврония в житии» 1618 г. (МИХМ), что также косвенно подтверждает уникальность данной сцены в русской иконописи.

³⁹ Дмитриева Р. П. Указ. соч. 124-125.

⁴⁰ Там же. — С. 258.

⁴¹ Там же. — С. 132-133.

⁴² МИХМ. Инв. № М-6607. Летопись вклада: «Поставил сии образъ в Муроме в соборную церковь пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества, в домъ великим чудотворцомъ муромским князю Петру и княгине Февронии государевъ воевода многогрешный Андрей Федоровъ сынъ Палицын лета 7126 (1618. — О. С.) марта в 13 день». См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 19. — Ил. с. 151, ил. клейма № 11 с. 162; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч. — Ил. с. 95, ил. клейма № 11 с. 97 и на фронтисписе. Этой иконе посвящена наша отдельная публикация: Сухова О. А. Благоверные святые Петр и Феврония Муромские: Житие в иконе. — М., 2009. — Клеймо 11 с. 44, ил. с. 45.

⁴³ Бахрушин С. Андрей Палицын — русский интеллигент XVII столетия // *Века. Исторический сборник. I*. — Пг., 1924. — С. 94; то же // Бахрушин С. В. Научные труды. — М. 1955. — Т. III. — С. 186.

⁴⁴ Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII века // *ТОДРА*. — 1966. — Т. 22. — С. 312; Квливидзе Н. В.

Александр Ярославич Невский. Иконография // *Православная энциклопедия*. — М., 2000 — Т. 1. — С. 541-544.

⁴⁵ Миниатюра со сценой венчания и брачного пира Василия III в Лицевом летописном своде (Шумиловский том. — Л. 863. РНБ); Миниатюра с венчанием великого князя литовского Александра Казимировича и московской княжны Елены, дочери Ивана III (Шумиловский том. — Л. 514. РНБ).

⁴⁶ Такое размещение персонажей, обращенных навстречу друг другу, на наш взгляд, обусловлено во многом тем, что все листы свода (почти во всех случаях) были иллюстрированы с обеих сторон и при развороте, когда рядом две миниатюры, их композиции зачастую воспринимаются зеркально даже при разных сюжетах. В случае, когда на развороте обе миниатюры на тему свадьбы и венчания, они выглядят почти как отражения.

⁴⁷ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 258.

⁴⁸ Позже в Четвертой редакции жития кон. XVIII в. (ГИМ, собр. Музейское, № 538) уточняется: «благословением епископа муромского» (Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 145-146, 321).

⁴⁹ Подобедова О. И. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // *ТОДР*. — Л., 1954. — Т. X. — С. 193.

⁵⁰ Желтов М. С. Православное чинопоследование таинства брака // Прот. Цыпин В., Желтов М. С. Указ. соч. — С. 169.

⁵¹ Там же. — С. 170.

⁵² Там же. — С. 171-172.

⁵³ Данная житийная версия со сценой венчания не получила распространения в рукописях и ее можно считать уникальной, хотя и существуют три списка — копии клейма иконы 1618 г., снятые Н. П. Андриным в 1898 г. (ГИМ. Муз. 3963; ГИМ. Муз. 743; РНБ. Ф. I. 797).

⁵⁴ Слово и образ. Русские житийные иконы XIV — начала XX в. Каталог выставки. — М., 2010. — Кат. 49. с. 128 (автор описания — Н. Е. Комашко); Сухова О. А. Прочтение муромским иконописцем жития Алексия Человека Божия (Открытая реставраторами икона Муромского музея середины XVII века) // *Сообщения Муромского музея-2011*. — Муром, 2012; она же. Житийная икона Муромского музея «Алексий человек Божий» середины XVII века // *Сборник статей. XVII. Научные чтения памяти И. П. Болотцевой*. — Ярославль, 2013.

⁵⁵ Успенский В., Воробьев Н. Лицевое житие св. Алексея человека божия. — СПб., 1906.

⁵⁶ Сазонова Л. И. Повесть об Алексее Римском в третьем-пятом издании

ях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660-1670-х годов // Литературный сборник XVII в.: Пролог. — М., 1978. — С. 100.

⁵⁷ Мы в своих статьях, посвященной этой муромской иконе (см. сн. 54), обращали внимание, что все известные нам житийные циклы этого святого своеобразны и сильно разнятся по составу и характеру.

⁵⁸ В других циклах ей посвящены еще сцены с праздничными трапезами.

⁵⁹ Обращает на себя внимание, что в надписи к клейму, как и в самом тексте жития, указан конкретный храм, где происходило таинство.

⁶⁰ «Алексий Человек Божий в житии» (ГИМ) датирован В. Г. Брюсовой 1670-ми гг.; Н. Е. Комашко — нач. XVIII в. (Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. — М., 1984. — Ил. 104; Слово и образ. — Упом. с. 128). Икону «Алексий человек Божий в житии» (музей «Новый Иерусалим») представили в наборе открыток 1990 г., датировав XVIII в. («Новый Иерусалим». Набор открыток. — М., 1990); на сайте музея она упомянута среди произведений «петровского времени». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.istramuseum.ru/.../russkoe_iskusstvo_xvi_xviii_vekov_ikonori...

⁶¹ Память по ст. ст.: 23 июня — в Соборе Владимирских святых; пам. 2 янв., 10 июня — в Соборе Рязанских святых, 23 июня — в Соборе Владимирских святых.

⁶² Кузьмин А. В., мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский), Сухова О. А. Георгий // Православная энциклопедия. — М., 2006. — Т. 11. — С. 20-22; Кузьмин А. В., Сухова О. А. Иулиания // Православная энциклопедия. — М., 2012. — Т. 28. — С. 545-555.

⁶³ См.: Сухова О.А. «Святые семейства». Особенности почитания муромских чудотворцев // Уваровские чтения — VII. — Муром, 2011.

⁶⁴ Евгений, еп. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской: Исторический очерк. — Муром, 1910. — С. 25-26. — Прим. 1. с.25.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Некоторые исследователи полагали, что за стенами этой обители из-под пера архимандрита вышла вторая редакции текста жития Иулиании Лазаревской, что не было подтверждено в дальнейшем (Руди. Т. Р. Житие Юлиании Лазаревской. Исследовние. Тексты. — СПб., 1996. — С. 76).

⁶⁷ Изображение иконы помещено на фронтисписе книги: Толстая А. В. Праведная Иулиания Лазаревская. — Paris, 1927. На первом плане сцены венчания представлены три фигуры. В самом центре священник с непокрытой головой; он соединяет правые руки жениха и невесты. Молодожены, стоящие от иерея по обе стороны, облачены в боярские наряды. Брачные венцы в виде

царских корон одеты на головы (у невесты поверх плата). Праведный Георгий изображен зрелым мужем с бородой длиннее, чем у священника. За их спинами видны лица еще пяти персонажей. Архитектурная кулиса представляет пятиглавый храм, по житию и в исторической реальности — церковь праведного Лазаря в родовом имении Осорьинных, где святые не только венчались, но и были захоронены.

⁶⁸ См. о нем: Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006; она же. Казанцев Александр // Православная энциклопедия. — М., 2012. — Т. 29.

⁶⁹ Размер каждой миниатюры 38х33,5 см. В настоящее время данные «лицевые» источники приобрели особую ценность, т. к. оригинал не сохранился. Оба списка переплетены в альбомы большого размера и хранятся в Государственном Историческом музее и Российской Национальной библиотеке, куда были отосланы самим их исполнителем (ГИМ. Муз. 3789; РНБ. Ф. I. 832). См.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1899 год. — СПб., 1903. — С. 158-159.

⁷⁰ Мы не знаем, каким образом располагались сюжеты на отдельных досках. Составляли они единую композицию и читались «построчно», или каждая доска имела свой цикл из четырех клейм. Вероятнее второй вариант, т. к. в альбоме подряд помещены все 40 клейм с буквенной нумерацией от первого до последнего изображения. Ил. сцены венчания см.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч. — С.91.

⁷¹ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 136.

⁷² ПЛДР. XVII век. — М., 1989. — Кн. 2. — С. 5-15; то же. — М., 1988. — Кн. 1. — С. 112-120.

⁷³ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 293.

⁷⁴ Там же. — С. 293-294.

⁷⁵ В особой Муромской редакции примерно того же времени — не позднее рубежа XVII-XVIII вв. (СПб., частн. собр. Лесмана — кон. XVII в. с правкой — XVIII в.) — эпизод с венчанием Петра и Февронии, хотя и несколько приукрашен, но остается довольно кратким: «И потом возрадовався зело таковому скорому тому врачеванию. И потом поят себе в госпожю и в супруги оную девицу именем Февронию. И идее с нею честно во град свой Муром и венчася в соборной апостолской церкви. И вниде в свои полаты, и начаша с нею Житии вкупе в любви и в совете, и сяде на княжество брата своего, и началство творити» (Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 310). Тогда как, например, эпизод с предсмертным шитьем Февронии в этой редак-

ции уникален и необычайно пространен. Данный вариант написан автором, связанным с народной средой, чей рассказ приближен к устным рассказам о Февронии. Возможно, он был муромцем: его повествование пронизано патриотизмом и знанием местных реалий (Дмитриева Р. П. Указ. соч. — С. 140-146; 303-316).

⁷⁶ ПЛДР. XVII век. — М., 1989. — Кн. 2. — С. 5-15.

⁷⁷ Лихачев Д. С. «Повесть о Тверском Отроче Монастыре» // Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ppf.asf.ru/drl/great13.html>; Гадалова Г. С. Неизвестный список Повести о Тверском Успенском Отроче монастыре // Вестник церковной истории. — М., 2011. — № 1/2. — С. 243–245.

⁷⁸ ПЛДР. XVII век. — М., 1988. — Кн. 1. — С. 115-116.

⁷⁹ См. сн. 60.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Карюин Истомина. Книга любви знак в честен брак. Факсимильное воспроизведение. — М., 1989.

⁸² Составитель Ю. А. Пелевин; изобр. — Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5 при бракосочетании Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича с Государынею Царицею Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых. — М., 1810. — Л. 84. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=16176&cat_ob_no=

⁸³ Сукина Л. Б. К творческой биографии переславских иконописцев XVII века. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rostmuseum.ru/publication/historyCulture/1996/sukina01.html>. Изображение иконы «Распятие с семью таинствами» см.: — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iconrussia.ru/iconography/2381/?icon=1>.

⁸⁴ Тихонравов К. Н. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залеском // Владимирские губернские ведомости (часть неофициальная). — 1853. — № 50 (12 декабря). — С. 312.

⁸⁵ Гумницкий И. И. Художественное оформление Сийского евангелия XVII века // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. — Л., 1978. — С. 111-129. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=1547>; Братчикова Е. К. Сийское Евангелие XVII века (записи и иллюстрации к ним). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://siya.aonb.ru/index.php?num=2649>.

⁸⁶ ГИМ. Муз. № 3065. См.: Грибов Ю. А. Новые атрибуции русских лицевых рукописей XVII в. Русская книжность XV-XIX вв. — М., 1989; Столярова Л. В. Музейский список «Повести о Петре и Февронии Муромских» конца XVII-XVIII в. // История и культура Ростовской земли 1996. — Ростов, 1997. — Ч. 1. — С. 23-38.

⁸⁷ Об этих списках см.: Подобедова О. И. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. — М.-Л., 1954. — Т. X.; Дмитриева Р. П. Указ. соч.; Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Указ. соч.; Лебедева И. Н. К проблеме взаимоотношения русской книжной миниатюры и иконописи (о некоторых лицевых рукописях из коллекции Н. П. Лихачева // Хризограф. — М., 2005. — Вып. 2; Сухова О. А. К вопросу об образце миниатюр поздних списков житий Муромского круга // Сборник статей конференции. Ярославская научная библиотека. 2007. — Ярославль, 2008. Нет сцены венчания и в списках Повести (РНБ Q № 1361; Сергиево-Посадский музей. № 853. собр. Маньковского).

⁸⁸ Существуют только повторения в рукописных копиях Н. П. Андрина. См. сн. 53.

Е. К. Тюрина

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ 2012 ГОДА В КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИИ, МЕТАЛЛА, ФАРФОРА И ФАЯНСА, КЕРАМИКИ, ТКАНЕЙ

В 2012 году коллекция археологии¹ пополнилась на сто двадцать два предмета основного фонда и одну тысячу сто шестьдесят три предмета НВ-фонда.

В музей переданы материалы раскопок в Окском парке в 2010 г., руководитель работ С. В. Очеретина — пятьдесят восемь предметов. В сезоне 2010 года в зоне планируемого строительства досугового центра по адресу ул. Первомайская «Парк культуры и отдыха им. Ленина» были проведены охранные археологические исследования. Объект исследования

Ил. 1. Крест меднолитой наперный. Конец XV-XVI вв.

XV-XVI веков — медный четырехконечный односторонний наперный крест³ (Ил. 1) с изображениями Распятия в центре и Ветхозаветной Троицы наверху, внизу изображение великомученика Никиты, побивающего беса (изображение справа читается плохо: слева, возможно, изображены Иоанн Богослов и Лонгин Сотник). Находки, датируемые XVII веком — монеты «чешуйки», 4 обувные железные подковки, фрагмент рельефного муравленого изразца. Второй половиной XVIII века датируется фрагмент рельефного поливного полихромного изразца. Две медные монеты, мундирная пуговица чиновника гражданского ведомства Владимирской губернии и белоглиняная с белой поливой помадная баночка датируются XIX веком. Также най-

находился на территории древнего муромского кремля. Работы производились на раскопе площадью 150 кв. м² в напольной юго-западной части мыса².

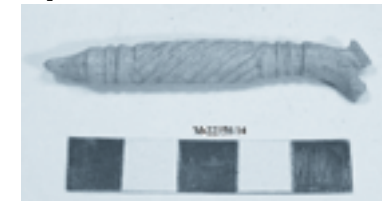
В музей поступили индивидуальные находки XII — начала XIII веков — ключ железный от замка, наконечник стрелы железный, пуговица литая бронзовая, бусины, фрагменты стеклянных браслетов, фрагменты днищ сероглиняных грубых сосудов с клеймами, фрагменты красноглиняных амфор и фрагмент красноглиняного болгарского сосуда. Предметы конца

дено тринадцать монет различного достоинства XX века⁴.

В 2010-2011 годах была обследована зона строительства, значительно удаленная от территории древнерусского города Мурома, находящаяся в районе бывшего имения гр. Уваровых «Красная гора» в Карачарово.

В результате работ была исследована площадь 102,4 кв. м. На раскопе был собран значительный комплекс находок, характерный для материальной культуры Древней Руси — бытовые изделия из железа, меди, кости и рога, камня, керамики. Были найдены два железных наконечника стрел, железная доспешная (?) пластинка. Немногочисленны украшения — бронзовая плетеная цепочка, пять оплавленных стеклянных бус и фрагмент стеклянного браслета. Каменный сверленный топор эпохи бронзы по-видимому, был принесен на это средневековое поселение специально и использовался в качестве оберега.

В комплексе индивидуальных находок присутствуют одиннадцать предметов, хорошо датируемых по аналогам из культурных слоев древнерусских городов (в основном Новгорода Великого). Все они представлены единичными экземплярами. Булавка железная с кольцеобразной подвижной головкой XI-XIV вв.⁵ Наконечник стрелы железный черешковый плоский — двурогий срезень (стрела для охоты)⁶ датируется серединой XI-XIV вв. Цепочка бронзовая плетеная⁷ датируется периодом от начала XII в. до рубежа XIII-XIV вв. Копоушка

Ил. 2. Копоушка костяная резная. Вторая половина XI — 70-е гг. XII в.

костяная резная⁸ (Ил. 2) — вторая половина XI в. — 70-е годы XII в. Любопытен найденный фрагмент керамического яйца-писанки. Временем наибольшего распространения писанок был

Ил. 3. Печать. Начало XX в.

XI в., с середины XII в. они выходят из употребления, а в конце XII-XIII вв. появляются как пережиток⁹.

Таким образом, все найденные хорошо датируемые вещи бытовали в XII в., при этом использование ни одной из них (по аналогам) не завершилось полностью ранее второй половины XII в. Семь же предметов из одиннадцати не вышли еще из обихода и XIII в.

Предварительная датировка всего комплекса средневековых находок (по совокупности собранного материала) в рамках периода второй половины XII-первой половина XIII в.

По результатам работы Верхне-Волжской археологической экспедиции Института Археологии РАН в музей передана одна тысяча двести тридцать предметов, из них основного фонда коллекции археологии – семьдесят предметов, НВ-фонда кол-

Ил. 4. Зеркало из набора детской мебели(?). Начало XX в.

лекции археологии – одна тысяча сто шестьдесят предметов¹⁰.
 Коллекция металла¹¹ за 2012 год пополнилась на шесть предметов основного фонда. Пять предметов, принадлежавших семье Железниковых и их родственникам Суздальцевым, поступили от жителя города Николая Львовича Железникова: печать¹² из желтого металла с надписью «Торговый домъ подъ фирмою въ Муроме Василя Суздальцева Сыновья Ф. А. и В. Суздальцевы» и овальная печать¹³ из светлого металла с надписью «Торговый домъ въ г. Муроме подъ фирмою Федора Суздальцева СЫНОВЬЯ В. Н. и Ф.» начала XX в. (Ил. 3). Любопытно напольное зеркало¹⁴ начала XX в. из набора детской мебели (?) в чугунной литой раме на ножках на прямоугольной подставке. По легенде оно было подарено А. М. Железниковой (тетушке) другом семьи Железниковых – Добрынкиным (Ил. 4). Перочинный 4-х предметный нож¹⁵ с накладками из перламутровых пластин начала XX в. был, по легенде, подарен Н. М. Железникову в честь удачного завершения курса в гимназии. Из семьи Железниковых, имевших «едальни» на месте торговых рядов, происходит мерная кружка¹⁶

Ил. 5. Кружка мерная. Конец XIX – начало XX вв.

конца XIX – начала XX вв. с резной надписью по ободку «М. М. А. СЕЧИНЪ ВЪ МОСКВЪ СОТАЯ» (Ил. 5).

В 1980-х годах на чердаке несохранившегося до нашего времени дома Зворыкиных по ул. Первомайской был найден жестяной юбилейный стакан¹⁷ с полихромной печатью по штампу, по верхнему ободку коричневая надпись по желтому фону

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», по сторонам на красном фоне – изображение герба СССР; надпись «СССР 1917 X 1927» (Ил. 6). В 2012 г. он был отреставрирован реставратором музея по металлу А. Моховой.

Ил. 6. Стакан жестяной юбилейный. СССР. 1927 г.
266

В коллекцию фарфора¹⁸ за год поступило три предмета основного фонда.

От Наталии Владимировны Насоновой (г. Москва) из рода муромских купцов Гундобиных коллекцию пополнили заварочный фарфоровый чайник¹⁹ с полихромной надглазурной с золотом росписью первой половины XX в. (?) (Ил. 7). Наталья Владимировна вспоминает: «Во второй половине 1940-х годов Советский союз страстно дружил с Китаем. И в моду вошла посуда из социалистического Китая. Этот чайник принадлежал моей бабушке Анне Ильиничне Гантман (Нисневич). Бабушка подарила чайник своей начальнице-подруге Лившиц Ольге (мама моей мачехи Марии Григорьевны Лившиц), когда моя бабушка ушла на пенсию в 1956 году. Потом он хранился у Марии Григорьевны, и в 2004 году она мне его подарила»²⁰. Н. В. Насонова передала музею фарфоровый сливочник²¹ завода «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» (Вербилки) 1892-1917 гг. из семейного собрания. «Мои предки по линии мамы Гундобиной Галины Петровны жили в Муроме. У них был собственный дом

Ил. 7. Чайник заварочный. Китай (?).
Первая половина XX в. (?)

в 12 квартале на Ивановской улице. Гундобин Иван Петрович – купец 2 гильдии. Он был владельцем дома и продовольственной лавки. В обед и ужин на стол накрывали на всю семью, поэтому в доме было несколько сервизов. В 1921 году дедушка Гундобин Петр Иванович с женой Марией Давидовной и двумя детьми переехали

в Москву, увезя из родного дома все необходимое для жизни в чужом городе. Буфет, стол березовый на 20 человек (стоит у сына), шкаф зеркальный, два сундука, иконы, семейные альбомы, ступу медную, и конечно, сервизы. После многочисленных переездов от сервизов остались разрозненные предметы. В том числе и молочник, но я помню, что дедушка подавал бабушке утром молоко в этом молочнике»²².

От Ольги Аскольдовны Суховой в музей поступил фарфоровый флакон²³ для духов второй половины XX в., подаренный ей в 1980-е гг.

Коллекция керамики²⁴ в 2012 году пополнилась четырнадцатью предметами основного фонда.

Керамическая кружка, покрытая светло-зеленой поливой²⁵ была приобретена на рынке в начале 1990-х гг. у мастера с. Коровино Меленковского района Василия Павловича Караваева на Муромском рынке.

Комплекс предметов поливной керамики²⁶ промысла с. Коровино Меленковского района приобретала для своей коллекции на Муромском рынке О. А. Сухова, часть порционных горшочков подарила ей свекровь. Все приобреталось в 1980-90-е гг.

Два изразца найдены Е. А. Субботиной в колее вдоль дороги Комсомольского переулка около детского дома и мостика между пер. Комсомольским и ул. Первомайской. Изразец²⁷ с кобальтовой росписью Балахнинского производства третьей четверти XIX в. (Ил. 8) типичен для печей г. Мурома. Интересен второй печной поливной изразец²⁸ конца XIX в., на его обороте нечитаемое клеймо производителя. По словам жителя дома № 4 по Комсомольскому переулку, их соседи разбирали печь и выбросили вместе с кирпичом изразцы. Дом построен в 1910 г. и принадлежал предкам респондента Елиным. На средства

Ил. 8. Изразец печной. Россия. Балахна. Третья четверть XIX в.

Елина был отлит большой колокол Смоленской церкви. Елины состояли в родстве с семьями Гладковых и Неудачиных. Обе фамилии очень известны в Муроме²⁹.

В коллекцию тканей³⁰ за год поступило девятнадцать предметов основного фонда и пять предметов НВ-фонда.

Жительница г. Мурома Галина Викторовна Захарова передала в музей шерстяной коричневый платок³¹ с вышивкой тамбуром первой половины XX в., принадлежавший ее бабушке Евгении Сергеевне Лисиной (1895-1968); женские туфли³² из черной лаковой кожи.

Туфли (производство Венгрия) ее отец В. В. Журкин подарил маме В. В. Журкиной в 1957 г., купил он их в Москве, где проходил Международный фестиваль молодежи.

Распашная свободного покроя блуза из белого батиста со вставками белого х/б кружева³³ первой четверти XX в. поступила от Валентины Ивановны Левиной — жительницы г. Мурома. Со слов Левиной, принадлежала она родственнице, прапрабабушке по линии мужа — жене купца Исаева (г. Москва). Исаев — купец первой гильдии, торговал мукой.

Ридикюль³⁴ из черной лаковой с выработкой кожи (г. Богородск, 1962 г) подарен Михаилом Дмитриевичем Робустовым. Принадлежал его родственнице — тете по материнской линии Юлии Ильиничне Максимовой (1925-2010),

Ил. 9. Комбинация. ГДР. 1970 гг.

судьбу множества офицерских жен: сначала частая смена гарнизонов, какая уж тут работа, а потом уже и не надо — муж при чинах. Муж в 1956 году служил в Венгрии, участвовал в подавлении протестных акций. Очень хорошо участвовал, видимо, потому что после этого он был назначен командую-

служащей железной дороги.

Коллекцию женской одежды советского времени пополнил комплекс³⁵ 1970-х гг. — предметы верхней одежды и нижнего белья (Ил. 9), принадлежавших Тамаре Алексеевне Малашенко, переданный Иевой Владимировной Пожарской. «Тамара Алексеевна Малашенко (по мужу, а в девичестве они и не помнят никто, какая ей была фамилия), родилась в городе Нежин в 1924 году. Окончила Киевский пединститут (учитель русского языка и литературы) в начале 1950-х, тогда же вышла замуж за офицера, бывшего фронтовика, по имени Евгений Михайлович Малашенко. Не работала ни разу, ни дня по специальности, так как разделила

щим Прикарпатским (или Закарпатским) военным округом. Наша Тамара Алексеевна жила во Львове до 1974 года, когда ее мужа перевели служить в штаб Московского военного округа. Здесь муж дослужился до звания генерал-лейтенанта и вышел в отставку в 1990-е гг.

У генеральской четы двое сыновей. Один из них небезызвестный Игорь Малашенко, бывший генеральный директор НТВ, сейчас живет в Америке, где возглавляет русский телеканал.

Тамара Алексеевна умерла в 2011 году³⁶».

¹ Общее количество предметов коллекции археологии на декабрь 2012 года — 34 227 единиц.

² Отчет о проведении археологических работ на участке планируемого строительства досугового центра по адресу: Владимирская область, г. Муром, ул. Первомайская в границах объекта культурного наследия регионального значения «Культурный слой г. Мурома X-XIX вв.» в 2010 г. // Научный архив ГБУК ВО МИХМ. — Т. 1. — С. 3.

³ Инв. № М-22330/44. Размер: 7,2х5,0 см.

⁴ Акт приема предметов на постоянное хранение № 5 от 11.04.2012 г. Принято 58 предметов: 52 предмета коллекции археологии основного фонда; 3 предмета коллекции археологии НВ-фонда; 2 предмета БМ — коллекции нумизматики основного фонда; 1 предмет БМ — коллекции нумизматики НВ-фонда.

⁵ Инв. № М-22358/2. Размер 6,7х2,35 см.

⁶ Инв. № М-22358/3. По А. Ф. Медведеву вариант 3 типа 60. Размер: 10,65 см, длина пера 7,05 см, ширина развилки пера 4,4 см.

⁷ Инв. № М-22358/8. Сплетена из проволочных петлевидных разомкнутых звеньев, образующих по поверхности цепочки фактуру в виде противоположно направленных «елочек», формирующих «ребра» и «границы» между «гранями». Сечение поверхности цепочки четырехгранное. В Новгороде Великом найден 21 экземпляр плетеных цепочек, в Белоозере — 2. Состоит из двух фрагментов. Размер: 45,3 см — общая длина.

⁸ Инв. М-22358/14. Размер: 5,8х0,8 см.

⁹ Инв. М-22358/39. Фрагмент из красножгутого теста с примесью мелкозернистого песка с темно-зеленой поливой фона и орнаментом

из параллельных полос желтой поливы. Размер: 2,5х1,5 см. По Б. А. Колчину Х – середина XII вв. По Т. И Макаровой – наибольшее распространение – XI в., с середины XII в. выходят из употребления, в конце XII-XIII вв. появляются как пережиток.

¹⁰ Акт приема предметов на постоянное хранение № 19 от 18.10.2012 г.

¹¹ Общее количество предметов коллекции металла на декабрь 2012 года – 2556 единиц.

¹² Инв. № М-22344. Металл, резьба, дерево. Размер: 12,5хØ3,2 см.

¹³ Инв. № М-22345. Металл, резьба. Размер: 3,2х2,8х2,4 см.

¹⁴ Инв. № М-22343. Чугун, литье, стекло. Размер: 14,0х71х4,5 см.

¹⁵ Инв. № М-22346. Металл, перламутр, заводская работа. Размер: 7,8х1,7х1,3 см.

¹⁶ Инв. № М-22347. Медь, латунь. Размер: 6,0х8,0хØ6,8 см.

¹⁷ Инв. № М-22402. Металл, штамп, печать. Размер: 12,0хØ8,8 см.

¹⁸ Общее количество предметов коллекции фарфора и фаянса на декабрь 2012 года – 551 единиц.

¹⁹ Инв. № М-22348. Марки нет, на доньшке в тесте цифры «98», «6А», «41». Фарфор, надглазурная роспись. Размер: 22,0х20,7х11,6 см.

²⁰ Акт приема предметов на постоянное хранение № 14 от 03.05.2012 г.

²¹ Инв. № М-22349. Марка синяя надглазурная печатная «Т-во М. С. Кузнецова Д. Ф.» под гербом. Фарфор, надглазурная роспись. Размер: 10,5х11,0х6,0 см.

²² Акт приема предметов на постоянное хранение № 14 от 03.05.2012 г.

²³ Инв. № М-22386. Марка зеленая подглазурная, печать – W под короной, под буквой 1764. Германия (?). Фарфор, формовка, полихромная деколь. Размер: 11,0хØ7,5 см. Акт приема предметов на постоянное хранение № 22 от 04.12.2012 г.

²⁴ Общее количество предметов коллекции керамики на декабрь 2012 года – 622 единиц.

²⁵ Инв. № М-22327. Керамика, гончарная работа. Размер: 7,6х13,0х10,0 см. Акт приема предметов на постоянное хранение № 2 от 11.04.2012 г.

²⁶ Инв. № М-22375 - М-22385. Акт приема предметов на постоянное хранение № 22 от 04.12.2012 г.

²⁷ Инв. № М-22400. Глина, формовка, эмаль, обжиг. Размер: 23,0х15,5х9,0 см.

²⁸ Инв. № М-22401. Глина, формовка, эмаль, обжиг. Размер: 23,4х21,5х6,5 см.

²⁹ Акт приема предметов на постоянное хранение № 24 от 04.12.2012 г.

³⁰ Общее количество предметов коллекции тканей на декабрь 2012 года – 3952 единиц.

³¹ Инв. № М-22328. Ткань, вышивка, фабричная работа. Размер: 83,0х82,5 см.

³² Инв. № М-22329/1-2. Кожа, фабричная работа. Размер: 12,5х21 см. Акт приема предметов на постоянное хранение № 3 от 11.04.2012 г.

³³ Инв. № НВ-20133. Ткань, сшита на машинке и руках, домашняя работа. Размер: 66,0х39,0 см. Акт приема предметов на постоянное хранение № 4 от 11.04.2012 г.

³⁴ Инв. № М-22331. Кожа, ткань, металл, фабричная работа. Размер: 13,0х25,0х3,5 см. Акт приема предметов на постоянное хранение № 6 от 11.04.2012 г.

³⁵ Инв. №№ М-22387-М-22399; НВ-20837-НВ-20840.

³⁶ Акт приема предметов на постоянное хранение № 23 от 04.12.2012 г.

Научное издание

Сообщения Муромского музея – 2012
(Материалы отчетной конференции)

Под редакцией Е. И. Сазоновой, Т. Б. Купряшиной,
Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм

Обложка Е. В. Кулагина

Авт. листов – 10,14
Усл. печ. листов – 17,19